

Я $\frac{68}{840}$

$\frac{801-14}{940}$

ПРО БЫЛОЕ

НА

РУСИ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.

1857.

Ф. 30-2671

2011094869

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва, Мая 14-го дня
1857 года.

Ценсоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

1.

Егерскаго князя Воронцова полка , 3-го
батальона, 8-й егерской роты унтеръ-офицеръ
Петръ Горшкинъ, былъ раненъ при началѣ
Чолокскаго дѣла пулями въ обѣ ноги. Онъ
продолжалъ идти впередъ, и когда егеря бро-
сились въ штыки на турецкій лагерь , Го-
рошкинъ получилъ еще восемь ранъ штыками
въ грудь. Однако и тутъ онъ не вышелъ
изъ боя, а завидѣвъ Турецкаго офицера на

10679a

хорошемъ съромъ конѣ, вспомнилъ, что его ротному командиру, Штабсъ-Капитану Кутлеру, нужна лошадь и бросился ее отбивать. Суварскій офицеръ нанесъ Горошкину два сабельные удара по головѣ; но самъ свалился, и лошадь осталась въ рукахъ побѣдителя. На этотъ разъ съ Горошкина было довольно. Онъ отвелъ самъ коня на перевязочный пунктъ и отдалъ добычу лѣкару Адамовичу, для передачи ротному командиру; но Кутлеръ, бывший однимъ изъ героевъ штурма, самъ лежалъ, дважды прострѣленный и контуженный, на другомъ перевязочномъ пунктѣ. Какъ только Горошкинъ узналъ о томъ, онъ сталъ просить, чтобъ его отнесли къ мѣсту, гдѣ находился его начальникъ. Просьбу воина, украшеннаго 12 ранами, нельзя было не уважить. Его понесли и положили рядомъ съ Кутлеромъ. Оба истекали кровью и лишались отъ времени до времени чувствъ. Въ промежуткахъ Горошкинъ спросилъ: «получили ли, ваше благородіе, лошадь.» Кутлеръ отвѣчалъ: «дастъ Богъ, братецъ, ты второй Георгіевскій крестъ надѣнешь»,

— первый на Горошкинѣ уже былъ. «Нѣтъ», отозвался унтеръ-офицеръ, «мнѣ уже теперь подъ деревяннымъ крестомъ лежать.» — «А какая же», спросилъ онъ вдругъ, «будетъ мнѣ честь, за то, что я получилъ 12 ранъ и всеъ спереди, ваше благородіе?» Кутлеръ отозвался: «Государь узнаетъ!» — «А кто же скажетъ», спросилъ снова Горошкинъ.... «вы чтоли?....» Офицеръ замолчалъ. «Нѣтъ», упорно продолжалъ умирающій, «вы мнѣ обѣщайте, что Государь узнаетъ, что унтеръ-офицеръ Горошкинъ получилъ 12 ранъ и всеъ спереди.» За тѣмъ онъ началъ сильно метаться и мучиться. Кутлеръ могъ успокоить его только клятвеннымъ обѣщаніемъ, что его послѣднее желаніе будетъ исполнено, и что Государь узнаетъ объ его службѣ; за тѣмъ обоихъ положили на носилки и отнесли въ лагерь. Горошкинъ умеръ вскорѣ въ Кутаисѣ, гдѣ видѣлъ его князь Андронниковъ.

(М. Вѣд. N 133. 1854 г.)

2.

**ПОДВИГЪ САМООТВЕРЖЕНІЯ ДОНСКИХЪ
КАЗАКОВЪ.**

Бурею, поразившею непріятельскіе флоты въ Черномъ морѣ, 2-го ноября, выброшено было на мель, въ 300 саженьяхъ отъ Крымскаго берега, въ окрестностяхъ Евпаторіи, Англійское транспортное судно Куллодень.

Къ этому пункту направлены 3-го числа команды Новоархангельскаго уланскаго и донскаго № 61-го полковъ со взводомъ конно-легкой № 20-го батареи.

По прибытіи артиллеріи, съ нашей стороны поднять былъ бѣлый флагъ, и пущены два выстрѣла мимо транспорта.

Тогда, въ двухъ шлюпкахъ, переѣхалъ на берегъ экипажъ судна, состоявшій изъ капитана, 2-хъ его помощниковъ и 28-ми Англійскихъ матросовъ, съ 7-ю нижними чинами Турецкой кавалеріи.

Капитанъ объявилъ:

1. Что этотъ купеческій транспортъ, въ 726 тоннъ съ 4-мя пушками, нанятъ Англійскимъ правительствомъ для перевозки войскъ и военныхъ запасовъ.

2. Что на немъ было болѣе 700 пудовъ пороха, до 30 тыс. ядеръ и 32 Арабскія лошади, назначенныя для штабъ-Турецкихъ войскъ въ Крыму.

3. Что на транспортъ остались еще 25-ть нижнихъ чиновъ турецкой кавалеріи.

На предложеніе перевезть ихъ на берегъ, капитанъ отвѣчалъ, что для спасенія Турокъ онъ не рѣшится подвергать опасности жизнь Англійскихъ матросовъ.

Но, не взирая на эту опасность, и увлекаясь свойственными Русскому сердцу чувствами челоѣколюбія и отваги, охотники Донскаго № 61-го полка съѣли въ двѣ шлюпки, съ крайнимъ усиліемъ достигли до транспорта и перевезли погибавшихъ на берегъ.

Симъ подвигомъ христіанскаго самоотверженія спасены Турки, брошенные своими союзниками на вѣрную смерть.

Къ перевозу бывшихъ на транспортъ запасовъ не представилось никакой возможности, потому что они находились уже подъ водою.

(*М. Вѣд. N 141.*)

З.

Двадцать семь человекъ нижнихъ чиновъ 33-го флотскаго экипажа, бывъ высланы изъ Севастополя, въ ночь съ 8-го на 9-е число октября мѣсяца, въ отрядъ охотниковъ на непріятельскія батареи, бросились на французскія траншеи, заклепали восемь мортиръ и одиннадцать пушекъ и лишили такимъ образомъ батарею возможности дѣйствовать на другой день.

(*М. Вѣд. N 141. 1854 г.*)

Г.

Въ Морскомъ Сборникѣ приводятъ статью газеты Herald (выходящей въ Санъ-Франциско) о Петропавловскомъ дѣлѣ. Въ ней между прочимъ сказано: «Разсказываютъ анекдотъ о русскомъ часовомъ, какъ примѣръ пора-

зительной храбрости. По немъ сдѣлали шестьдесятъ ружейныхъ выстрѣловъ, но ничто не могло побѣдить его стойкости: онъ продолжалъ ходить по стѣнкѣ форта, гдѣ былъ поставленъ, не обращая вниманія на происходящее. Онъ уцѣлѣлъ, чего и вполне заслуживалъ, не смотря на то, что былъ Русскій.»

(*М. Вѣд. N 4. 1855 г.*)

Б.

ИСТРЕВЛЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ТРАНСПОРТА «КУЛЛОДЕНЪ», БЛИЗЪ ЕВПАТОРІИ.

3-го ноября 1854 года, въ семь часовъ утра, когда уже можно было ясно видѣть на довольно далекое разстояніе, дали знать въ штабъ Новоархангельскаго уланскаго полка одновременно, съ аванпостовъ праваго фланга и отъ разъѣздовъ, по берегу моря ежедневно посылаемыхъ, — что въ десяти верстахъ къ западу отъ Евпаторіи и полуверстѣ отъ селенія Айерчикъ, большое непріятельское судно съ изломанными мачтами стоитъ

недалеко отъ берега, и не можетъ тронуться съ мѣста. Командующій отрядомъ тотчасъ же потребовалъ два дежурныя орудія, самъ къ восьми часамъ прибылъ къ с. Айерчикъ, гдѣ уже нашель взводъ уланъ, присланныхъ съ аванпостовъ. Большое судно, съ двадцатью четырьмя открытыми люками, стояло въ четырехъ или пяти стахъ саженьяхъ отъ берега: на мачтѣ, сильно наклоненной къ носу корабля, развѣвался Англійскій флагъ; на другой, до половины изломанной, былъ выкинутъ красный флагъ, знакъ, что судно въ опасности, и просить скорой помощи: волны сильно били въ носовую часть судна, и кидали его съ носу на корму и съ кормы на носъ; матросы суетились, бѣгали по палубѣ, и кидали въ моря всякаго рода тяжести. Мы смотрѣли и ждали артиллеріи, чтобы начать переговоры съ непріателемъ. Черезъ нѣсколько часовъ прибыли орудія (они уже успѣли разбить и зажечь непріятельское судно, стоявшее на мели въ четырехъ верстахъ отъ Евпаторіи). Мы тотчасъ же выставили бѣлый флагъ, навязавъ на цыку

четыре бѣлые платка, и подкрѣпили его выстрѣломъ, пущеннымъ вдоль борта: бѣготня на палубѣ прекратилась. Черезъ четверть часа дали другой выстрѣлъ: ядро легло уже ближе къ борту; за вторымъ выстрѣломъ Англійскій и красный флаги были спущены и, вмѣсто ихъ, выкинутъ бѣлый. Послѣ перемѣны флаговъ мы еще ждали ровно полчаса; но видя, что съ судна не спускаютъ лодокъ, дали въ одно время два выстрѣла: ядро, рикошетомъ, срѣзавши волны въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судна, обрызгало его водой; граната попала прямо въ корму. Вслѣдъ за ударомъ, двѣ лодки подъ бѣлыми флагами были спущены съ корабля; матросы, побросавши въ нихъ свои вещи, на меньшей, шестивесельной лодкѣ, тронулись къ берегу. Море сильно бушевало; бѣлыя гряды валовъ, напирая другъ на друга, съ новою силою неслись къ берегу, захватывая съ собою все, что имъ попало, и съ послѣднею волной выкидывали къ ногамъ нашимъ свою добычу, шипя и забрызгивая насъ пѣною. Помпы, бочки, сундуки, обломки мачтъ ва-

лялись на берегу. Несчастливая лодка съ гребцами билась какъ въ лихорадкѣ; на мгновение она показывалась намъ, взброшенная на поверхность волнъ, и опять погружалась въ бездну моря. Торжественны, но невыносимо тяжелы были минуты ожиданія: все, стоявшее на берегу, молилось въ душѣ о спасеніи несчастныхъ: солдаты крестились. Болѣе получаса продолжалась борьба между жизнью и смертью. Наконецъ лодка подходит; она уже въ десяти сажняхъ отъ берега, какъ вдругъ сильный, порывистый напоръ волнъ кидаетъ ее на бокъ, обдаетъ пѣной и брызгами, сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ, какъ бы не желая выпустить изъ рукъ свою добычу, и скрываетъ отъ нашихъ глазъ и лодку и людей. Мы думали, что несчастные погибли, но дѣти бурь и волнъ свыклись, породнились съ опасностями: рулевой твердо держалъ руль; гребцы не выпускали весель изъ рукъ. Капитанъ, смѣлымъ и искуснымъ поворотомъ руля, поставилъ лодку въ разрѣзъ валовъ, матросы дружно взмахнули веслами, и лодка въ одно мгновение была у берега.

Все зрители, а ихъ было очень много, и большею частію офицеры, восхищенные спасеніемъ несчастныхъ, которыхъ за минуту считали погибшими, удивленные смѣлостью и ловкостью матросовъ, захопали въ ладоши и громкимъ, единодушными «браво» привѣтствовали смѣльчаковъ. Англичане сняли шляпы, соскочили съ лодки по поясъ въ воду, и бросились цѣловать всехъ, кто имъ попался подъ руку. Имѣвшие счастье подвергнуться ихъ братскому лобызанію, убѣдились, что годдемы, кромѣ морской воды, сильно были пропитаны ромомъ, неразлучнымъ спутникомъ и помощникомъ въ горѣ всехъ Англичанъ вообще, а моряковъ въ особенности. Когда встали лодку на берегъ, одинъ изъ матросовъ схватилъ весло, навязалъ на него бѣлый кусокъ холста, и преусердно помахивая имъ въ воздухѣ, давалъ этимъ знать своимъ товарищамъ, что ихъ приняли на берегу радушно; остальные гребцы кинулись къ боченку съ ромомъ, и передавая его съ рукъ на руки, попеременно подкрѣпляли свои силы.

Двѣнадцати-весельная лодка шла медленно,

съ большимъ затрудненіемъ, но гораздо съ меньшею опасностью нежели первая, и благополучно пристала къ берегу: на ней приѣхали двадцать четыре Англійскіе матроса и семь человекъ Турецкихъ гусаръ. Турки были печальны, истощены и съ трудомъ передвигали ноги; Англичане напротивъ были здоровы, веселы и едва не прыгали, не знаю только, отъ радости или отъ рома. Одинъ только шкиперъ былъ молчаливъ и задумчивъ: не на него-ли одного должна лечь тяжелая отвѣтственность за крушеніе судна?

Капитанъ все время держалъ себя прилично; и, разговаривая съ нами по-французски, былъ веселъ и очень привѣтливъ. Онъ разсказалъ намъ, что на суднѣ осталось еще двадцать пять Турокъ и тридцать двѣ лошади: что Турки рѣшительно не хотятъ ѣхать на берегъ, и не позволили ему обрубить якорь, что онъ хотѣлъ сдѣлать для того, чтобы по вѣтру и по теченію воды судно могло ближе подойти къ берегу и съѣсть на мель; тогда было бы удобнѣе свезти съ корабля людей, лошадей и вещи; что на суднѣ

еще осталась лодка и весла, и Турки и теперъ могли бы на ней съѣхать, еслибъ захотѣли.

Видя упорство Турокъ, и чтобы заставить ихъ наконецъ волею или неволею съѣхать на берегъ на оставшейся у судна лодкѣ, приказано было опять открыть пальбу. Къ крайнему нашему удивленію, Англичане, при каждомъ удачномъ выстрѣлѣ, улыбались и хлопали въ ладоши, въ знакъ одобренія. Турки же, въ числѣ коихъ было два офицера, послѣ перваго выстрѣла бросились къ начальнику отряда и со слезами на глазахъ просили прекратить пальбу. На кораблѣ, говорили они, еще осталось двадцать пять человекъ нашихъ товарищей, которые охотно сдаются и съѣхали бы на берегъ вмѣстѣ съ нами, если бъ Англичане взяли ихъ съ собою; сами же они, вовсе не умѣя грести, не могутъ плыть и въ тихую погоду, не только въ такую бурю; Англичане могли бы перевезти насъ всѣхъ на трехъ лодкахъ, но они не только объ насъ не думали, но когда мы просились къ нимъ въ лодки, отвѣчали: нѣтъ мѣста и для

насъ самихъ, — а между тѣмъ у нихъ нашлось мѣсто, чтобъ забрать съ собою все свои вещи; посмотрите, сколько они ихъ натащили, а съ нами, какъ видите, ничего нѣтъ, да и сами мы насильно ворвались въ послѣднюю ихъ лодку. Этотъ рассказъ произвелъ на насъ крайне неприятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что мы невольно убѣдились въ его дѣйствительности, взглянувъ на багажъ, натащенный Англичанами съ двухъ лодокъ: тамъ была цѣлая гора изъ чемодановъ, мѣшковъ, сапоговъ, разнаго роду провизіи и изрядное количество рома въ боченкахъ и бутылкахъ, и даже корабельные стѣнные часы.

Во время разсказа Турокъ, пальба изъ орудій, послѣ четырехъ выстрѣловъ, была прекращена.

Англичанамъ тотчасъ же предложили поѣхать на судно, чтобы перевезти оставшихся тамъ Турокъ, но они рѣшительно отъ того отказались; и когда офицеры, черезъ капитана, предложили имъ за это какую угодно плату, они отвѣчали, «что въ такой вѣтеръ противъ волны ѣхать нельзя.» Плѣнныхъ за

конвоемъ отправили въ отрядную квартиру; за нимъ на двухъ большихъ телѣгахъ, запряженныхъ тройками, едва уложили поклажу тридцати Англичанъ, бѣдные Турки шли безъ всего. Мы тоже собирались отправиться вслѣдъ за плѣнными по домамъ, какъ вдругъ къ намъ прискакалъ съ аванпостовъ офицеръ съ донесеніемъ, что большой военный неприятельскій пароходъ идетъ изъ Евпаторіи по направленію къ с. Айерчику. Въ подзорную трубу ясно было видно, что пароходъ на сильныхъ парахъ идетъ къ намъ. Тутъ нѣкогда было терять времени, — пароходъ могъ взять на буксиръ фрегатъ-транспортъ и увести его въ Евпаторію; къ намъ кетати подошли еще два орудія, и изъ всѣхъ четырехъ велѣно было открыть пальбу. — Артиллерія дѣйствовала славно: рѣдкій ударъ шелъ мимо судна; фрегатъ загорался въ нѣсколькихъ мѣстахъ; но всякій разъ сильный прибой волнъ своими всплесками тушилъ огонь; канонада продолжалась около часа; наконецъ, когда подводная часть фрегата была сильно повреждена, онъ сѣлъ на мель.

Дѣло окончилось въ пять часовъ; черезъ четверть часа опять присланъ былъ офицеръ съ донесеніемъ съ аванпостовъ, что пароходъ, не смотря на все свои усилія, въ продолженіе часа почти не трогался съ мѣста, и кончилъ тѣмъ, что, поворотившись, медленно пошелъ къ Евпаторіи. На мѣстѣ былъ оставленъ взводъ уланъ для наблюденія за транспортомъ и для присмотра за лодками.

На другой день, съ разсвѣтомъ, по распоряженію начальника отряда, были вызваны охотники изъ казаковъ, умѣющихъ грести и плавать. И наши Донцы-удальцы, не смотря на сильное волненіе, на противный порывистый вѣтеръ, на двухъ лодкахъ безъ рулей, перекрестясь, дружно тронулись на спасеніе непримиримыхъ враговъ креста—мусульманъ, оставленныхъ на жертву вѣрной смерти своими союзниками.

Турокъ перевозили на берегъ болѣе двухъ часовъ: такъ труденъ и опасенъ былъ переездъ; мы крѣпко боялись за нашихъ лихихъ казаковъ, но Богъ помогъ доброму дѣлу!...

Лошади, бывшія на кораблѣ, по приѣздѣ

туда казаковъ, уже все были затоплены. Судно зажгли, и верхняя его часть, непогруженная въ воду, сгорѣла.

Это былъ Англійскій купеческій транспортный фрегатъ «Куллоденъ», въ 726 тоннъ, съ четырьмя пушками, нанятый Англійскимъ правительствомъ для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ: на немъ было болѣе семисотъ пудовъ пороху, до тридцати тысячъ ядеръ, тридцать двѣ дорогія Арабскія лошади и множество провизіи; кораблемъ командовалъ Георгій Каріо, который, вмѣстѣ съ казенными бумагами и частною перепиской, тотчасъ же былъ отправленъ къ главнокомандующему въ Севастополь.

(М. Вѣд. N 4)

6.

ЧЕРТЫ НЕОБЫКНОВЕННОГО МУЖЕСТВА И РЕДКАГО САМООТВЕРЖЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

1.) 29-го экипажа боцманъ Алфимовъ состоялъ комендоромъ при бомбическомъ орудіи.

на четвертомъ бастіонѣ, и неустанно наводилъ свою пушку на 2-ю амбразуру французской батареи. Непріятельское ядро оторвало ему ногу, Алфимова понесли на носилкахъ. «Стой» крикнулъ онъ: «ей, Семень, поди-ко сюда». Подбѣжалъ матросъ, занявшій мѣсто комендора; «слушай!», говорилъ раненый, «если ты мнѣ къ вечеру не подобьешь втораго орудія, я приду поссорюсь съ тобой... Ну теперь пошелъ, неси на перевязку».

2. Бутырскаго пѣхотнаго полка деньщикъ Федоръ Аверьяновъ несъ, во время бомбардированія, полную миску со щами для своего офицера, у котораго собралось нѣсколько товарищей.

Аверьянову надобно было пройти черезъ большую площадь, у корабельной слободы, на которой лежало такое множество непріятельскихъ снарядовъ, что еще долго послѣ бомбардированія все это пространство было усеяно ядрами и нелопнувшими бомбами и гранатами. Бомбы и ядра падали со всѣхъ сторонъ; но усердный деньщикъ устремилъ

все вниманіе на миску и только искоса поглядывалъ на падавшіе снаряды. Дойдя до землянки, въ которой сидѣли офицеры, онъ тщательно поставилъ щи на лавку и перекрестившись сказалъ: «Ну, слава Богу, не пролилъ».

3. 5-го октября 1854 года, утромъ, Капитанъ 4-го ранга Кернъ крикнулъ своему деньщику: Михайло, чаю!—«Ваше высокоблагородіе,» отвѣтилъ деньщикъ, «чаю не будетъ, ядро снесло трубу съ самовара». — Пошелъ, сказалъ Капитанъ, и какъ хочешь, а чтобы былъ чай!—Въ это время летѣла мимо Корниловскаго бастіона непріятельская ракета. Увидѣвъ ее, деньщикъ сказалъ: «Сейчасъ будетъ», и бросился бѣжать, по направленію ея полета. Черезъ нѣсколько минутъ, исполнительный матросъ устанавливалъ желѣзную гильзу ракеты на пораненный самоваръ своего капитана.

4. На 3-й бастіонѣ упала огромнаго размѣра Англійская бомба и крутясь грозно

шпгѣла близъ собравшейся толпы матросовъ. «Не сердись, толстуха, сказалъ одинъ изъ нихъ, никого не испугаешь, — у меня теща сердитѣе тебя, а я и ее не боюсь», — и съ этими словами залѣпилъ трубку бомбы грязью.

5. Веселость, никогда не покидающая нашихъ солдатъ, выражается въ особенности въ опасныхъ случаяхъ. Когда, напримѣръ, Французы бросаютъ изъ 5-ти-пудовыхъ мортиръ кадучки съ гранатами, солдаты обыкновенно извѣщаютъ о томъ товарищей крикомъ: «берегись, ребята, капральство летитъ»!

6. Въ то время, когда арестантъ несъ снаряды на 5-й бастіонъ, около него лопнула бомба и осколкомъ ранила его въ руку. Арестантъ, не смотря на рану, донесъ сперва свою пошу по назначенію, а потомъ, въ полномъ убѣжденіи, что ему слѣдуетъ подать помощь, сѣлъ около орудія и громко закричалъ «ей, братцы, давай носилки».

7. Англичане выгнали изъ колодца уто-

нувшего рядоваго охотскаго егерскаго полка, который, во время ночной вылазки, попалъ туда невзначай. Въмѣсто того, чтобы похоронить тѣло, они приставили его къ траншеѣ и подперли камнями. Штуцерные, съ обѣихъ сторонъ, наблюдали другъ за другомъ и выжидали удалца, который покусился бы достать трупъ, выставленный образованнымъ народомъ на поруганіе. Ожиданіе не замедлилось. Извѣстный всему гарнизону матросъ 30-го флотскаго экипажи, именемъ Кошка, отправился, съ разрѣшенія начальства, въ опасную экспедицію. Подъ прикрытіемъ нашихъ штуцерныхъ, Кошка благополучно подползъ къ трупу, снялъ его и отправился въ обратный путь. Но вскорѣ представилась мѣстность, на которой онъ вполне открывался непріятельскимъ выстрѣламъ, а между тѣмъ, наши стрѣлки должны были прекратить огонь, чтобы не убить храбраго товарища. Но смѣтливый матросъ уже отыскалъ у траншеи Англійскіе носилки, прорѣзалъ въ нихъ двѣ дыры, положилъ на носилки покойника, просунулъ его руки въ отверстія и, укрывшись

подъ трупомъ и носилками, ухватилъ покойника за руки и невредимо приползъ съ нимъ на 3-й бастионъ, хотя въ трупъ попало, во время этого путешествія, шесть непріятельскихъ пуль.

8. Въ редутѣ лейтенанта Шварца, впереди 5-го бастиона, комендоръ бомбическаго орудія Романовъ, наводилъ его на французскую батарею. Тали уже были натянуты, какъ слѣдуетъ, клинъ подложенъ, уголь возвышенія опредѣленъ, направленіе дано.... Романовъ отскочилъ на край платформы, держа въ правой рукѣ шнуръ и будучи въ полной готовности дернуть его и пустить бомбу на утѣху непріятели; но предъ тѣмъ ему вздумалось еще разъ повѣрить прицѣлъ. Въ эту минуту, недалеко отъ нашего орудія упала непріятельская бомба и сердито зажужжала. — «Пли», сказалъ Романовъ, — бомба разорвалась, но никого не задѣла. «Вишь», сказалъ смѣясь досужій комендоръ, «дарма что бусурманская, а русскую команду знаетъ!» — «Пли!» снова крикнулъ онъ, дернувъ за

шнуръ, и наша бомба, вырвавъ щеку французской амбразуры, лопнула надъ самымъ орудіемъ.

9. Ночью 18-го октября, сигналистъ стоялъ на брустверѣ пятого бастиона. Въ глубокой темнотѣ сверкнулъ одинъ изъ многочисленныхъ огоньковъ, обозначающихъ выстрѣлы непріятельскихъ мортиръ, расположенныхъ передъ Севастополемъ, и горящая труба бомбы стала медленно отдѣляться надъ горизонтомъ... «Берегись, бомба!» крикнулъ сигналистъ, прибавивъ — «наша!» — это значило, что судя по полету бомбы, она должна была упасть на батарею. Бомба дѣйствительно ударилась въ мерлонъ, и, погрузившись въ растворенной отъ дождя земляной насыпи, не разорвалась... Сигналистъ, не перемѣняя голоса, крикнулъ «померла!» а въ слѣдъ за тѣмъ «берегись, бомба! армейская!» Дѣйствительно другая непріятельская бомба высоко поднялась на воздухъ и упала позади 5-го резервнаго Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, составлявшаго прикрытіе нашей батареи.

10. 29-го флотскаго экипажа матросъ Савостьянь Великій, выдернулъ трубку изъ непріятельской бомбы, упавшей близъ пороховаго погреба. Вскорѣ послѣ того осколокъ другаго непріятельскаго снаряда ранилъ Великаго въ ногу. Его положили на носилки и понесли на перевязочный пунктъ. «Ахти, безсовѣстные!» — сказалъ со смѣхомъ удалой матросъ, — «должно быть прогнѣвались, что я имъ испортилъ одну бомбу».

11. 24-го октября, послѣ вылазки генерала Тимооѣва изъ 6-го бастіона, солдаты Минскаго пѣхотнаго полка выносили раненыхъ и убитыхъ. Въ числѣ прочихъ четверо несли трупъ убитаго французскаго офицера. Кто-то сказалъ имъ: «за чѣмъ вы его несете, своихъ бы выносили». — «Нельзя, ваше благородіе,» былъ отвѣтъ, «онъ даромъ что французъ, а славно дрался».

12. Матросъ 37-го экипажа Колнаковъ, раненый въ руку, не хотѣлъ оставлять своего орудія, говоря батарейному командиру:

«помилуйте, ваше благородіе, развѣ одною рукою нельзя дѣйствовать!...» Упрямаго храбрца насильно отправили на перевязку.

13. Въ заключеніе остановимъ вниманіе на знакомомъ всему Севастополю Донскомъ казакѣ, Перекопской станицы, Осипѣ Зубовѣ. Онъ съ 1823 года служилъ на Кубани въ полку Кирѣева, гдѣ оставался во все время Турецкой и Персидской компаніи и вернулся съ полкомъ, въ 1829 году, обратно на Донъ. Въ 1832 году Зубовъ пошелъ въ Царство Польское, въ составѣ № 28-го Хрещатицкаго полка, и состоялъ на службѣ до 1839 года. Въ 1842 году былъ въ Грузіи въ полку № 8-го Полковника Жирова, и провель въ Закавказскомъ краѣ три года. Съ того времени Зубовъ, отслуживъ срокъ, жилъ въ своей станицѣ. Одинъ изъ его сыновей былъ убитъ въ Венгріи въ Зарубина полку въ 1849 году; другой служить нынѣ подъ командою Подполковника Наслѣдышева на Кавказѣ; третій, 12-ти лѣтній мальчикъ, оставался хозяиномъ дома, потому что самъ

Зубовъ, узнавъ объ открывшейся кампаніи противъ Турокъ, рѣшился идти на службу, и съ разрѣшенія начальства, отправился на собственномъ иждивеніи въ южную армію, находившуюся тогда въ Придунайскихъ княжествахъ. Между тѣмъ, дорогой конь заслуженнаго казака палъ, и Зубовъ долженъ былъ остаться при полкахъ, въ Крыму находившихся. Съ 12-го іюля 1854 года, Зубовъ состоялъ въ № 67-мъ полку Подполковника Маркова, и по собственному своему настоянію несъ одинаковую съ прочими казаками службу, не смотря на то, что ему было 55 лѣтъ отъ роду.

«Какимъ образомъ попалъ ты на 3-й бастионъ?» спросилъ Зубова одинъ изъ начальниковъ. «Да, ваше высокоблагородіе, когда бомба и ядра стали густо летать на 3-мъ номерѣ, мнѣ жаль стало молодежи: я и просилъ тогда Есаула нарядить меня, съ тѣхъ поръ Богъ и милуетъ».

Зубовъ постоянно ходилъ на вылазки, съ лейтенантомъ Бирюлевымъ, и съ ружьемъ въ рукахъ бросался въ непріятельскія тран-

шеи, вмѣстѣ съ друзьями своими (какъ они ихъ называетъ), матросами: Кошкой, Болотниковымъ и Кузьменковымъ. Они все четверо украшены знаками военного ордена.

«Всѣхъ друзей моихъ», говорилъ Зубовъ, и позапятнали: Болотникова убили, Кошку хватили штыкомъ, — слава Богу легко, — Кузьменковъ тоже ходитъ съ подвязанною щекой, да и у меня что то въ ухѣ звенитъ».

(М. Вѣд. N 20. 1855 годъ.)

7.

ПОДВИГЪ ДОНЦОВЪ ВЪ КРЫМУ.

№ 56-го полка урядникъ (Иловайской станицы) Калачовъ съ казаками: (Распопинской) Гордѣевымъ и Воропаевымъ, (Усть-Медвѣдицкой) Можаровымъ, (Распопинской) Зрянинымъ и (Мигулинской) Мирошкинымъ, движимые духомъ молодечества, неоднократно пытались схватить непріятельскаго часоваго; но попытки эти, не смотря на всю изобрѣтательность казачьяго духа, какъ-то не удавались, потому-что непріятельская ночная

цѣнь, разставленная на валу, была очень бдительна, и часовые стояли другъ отъ друга очень близко. Валъ этотъ, ограждающій весь лагерь, вышиною въ три аршина и ниже; слѣдовательно, обмануть бдительность часового и воспользоваться его оплошностію — было почти невозможно. Но чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше и рвенія. Калачовъ съ товарищами пустились на изобрѣтательность: ника, неизмѣнная подруга казака въ бояхъ, послужила имъ на этотъ разъ лучшимъ орудіемъ къ достиженію желаемой цѣли; загнувъ остріе ея крючкомъ, удалые охотники наши рѣшились снять часового, если не руками, такъ крючкомъ, и съ этимъ намѣреніемъ, въ ночи съ 29-го на 30-е января 1855 года, отправились на поиски. Пройдя долину около 5-ти верстъ, Донцы подошли къ горѣ; здѣсь уже нужно было ползти, дабы не быть замѣченными. Припавъ къ землѣ, охотники наши тотчасъ раздѣлились на двѣ партіи, предполагая снять разомъ двухъ часовыхъ, и тихонько поползли къ непріятельскому валу. Казаки: Можаровъ, Зрянинъ и

Мирошкинъ, встрѣчая на пути камни и кусты, подвигались довольно медленно, опасаясь возбудить бдительность часового, а урядникъ Калачовъ, съ казаками Гордѣевымъ и Воропаевымъ, пользуясь чистотою мѣста, быстро подползли къ часовому въ ту самую минуту, когда онъ смѣнилъ товарища. Измѣривъ вышину вала, казаки рѣшили, что схватить этого часового можно и руками; исполненіе этого дѣла пало на долю казака Гордѣева. Выждавъ мгновеніе, когда часовой подошелъ къ нему очень близко, Гордѣевъ вдругъ приподнялся, бросился на него, схватилъ и кинулъ на руки товарищей, чтобы зажимали ему ротъ; но французъ, падая стремглавъ на руки казаковъ, успѣлъ однакоже вскрикнуть, отчего часовой, стоявшій близь него, быстро прибѣжалъ на крикъ и выстрѣлилъ въ прищоръ по казакамъ, возбудивъ тревогу во всей цѣни. Можаровъ съ товарищами, видя опасность Калачова, тотчасъ прибѣжали къ нему на помощь и, ставъ въ прикрытіи, готовились встрѣтить пулями первыхъ преслѣдователей. Потомъ удосто-

вѣрившись, что Калачовъ съ французомъ уже внѣ опасности, они сбѣжали съ горы и благополучно прибыли въ лагерь.

Барабанный бой и движеніе войскъ слышны были въ непріятельскомъ лагерѣ до самаго разсвѣта.

(М. Вѣд. N 43, 1855 г.)

ПОДВИГИ ОСОВЕННОЙ ХРАБРОСТИ.

Унтеръ-офицеръ 42-го Флотскаго Экипажа Михайло Кругловъ, одинъ изъ лучшихъ комендоровъ нашихъ храбрыхъ и хладнокровныхъ воиновъ, которые находились безотлучно, отъ начала осады, на батареяхъ Малахова кургана; человекъ серьезной, дѣльный, словомъ хорошій боцманъ; онъ большой чудакъ и умѣетъ раземѣшить всякаго. На какой батарее не появится Кругловъ, непременно слышенъ хохотъ. Будучи комендоромъ 36-ти фунтоваго орудія, онъ находился при немъ безотлучно; утромъ, проснувшись, онъ обыкновенно смотритъ въ амбразуру, и если пальба не началась, то говоритъ: «а! зем-

лякъ (*) еще кофе пьетъ»; раздается первый выстрѣлъ, Кругловъ сейчасъ отвѣчаетъ, приговаривая: «здравствуй, землякъ, на тебѣ го-стинчикъ». Его выстрѣлы такъ удачны, что заставляютъ вскорѣ противниковъ молчать. Случалось, что Англичане открывали пальбу въ то время, когда Кругловъ дремалъ послѣ обѣда, сидя у орудія; его будятъ: Михайло Григоричъ, землякъ проснулся. — «А! проснулся, давай гранату», и вскочивъ, онъ немедленно наводитъ орудія. Матросы его не столько любятъ, какъ уважаютъ. Однажды непріятельское ядро ударило въ мѣшокъ, Круглова обсыпало мелкими камнями, и лице его покрылось кровью; ни сколько не конфузаясь, онъ обтеръ лице и продолжалъ наводить орудіе, приговаривая: «Ничего, землякъ, ничего, ужъ лучше того не сдѣлаешь, каковъ я есть». Онъ вообще сердитъ на Ан-

(*) Матросы наши, встрѣчаясь за границею съ Французами и Англичанами на берегу, очень скоро знакомятся съ ними за стаканомъ рому, и уже потомъ не иначе называютъ ихъ, какъ земляками.

гличанъ, а въ особенности на перебѣжчиковъ, которыхъ на бастионахъ угощаютъ водкой. «Ну, ужъ, говорилъ онъ, пусть кто изъ этихъ бродягъ покажется въ мою амбразуру, пришибу и сброшу въ ровъ, чтобъ не пили нашей водки.»

(М. Вѣд. N 43, 1855 г.)

Матросъ первой статьи 30-го Флотскаго Экипажа Петръ Кошка извѣстенъ тѣмъ, что участвовалъ почти во всѣхъ вылазкахъ, и постоянно отличался храбростію и предпримчивостію. Въ одной изъ вылазокъ онъ былъ въ передовомъ отрядѣ охотниковъ; отдѣлившись отъ своихъ и зная хорошо мѣстность, Кошка незамѣтно прокрался къ неприятельской цѣпи, бросился на трехъ стоявшихъ въ цѣпи Французовъ и этой смѣлой выходкой взялъ ихъ въ плѣнъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Кошка нѣсколько разъ одинъ прокрадывался къ неприятельскимъ траншеямъ и почти всякій разъ возвращался или съ захваченнымъ оружіемъ,

или со свѣдѣніями о числѣ непріятеля. Но подвигъ, которымъ приобрѣлъ онъ общее уваженіе и извѣстность, былъ слѣдующій: въ одной изъ вылазокъ, съ 3-го бастиона, противъ Англичанъ, были убиты два наши сапера; они, при отступленіи отряда охотниковъ, остались на мѣстѣ незамѣченными; на другой день съ бастиона увидѣли, что убитые наши саперы были врыты по поясъ въ землю около самой неприятельской траншеи, представляя какъ бы цѣль для нашихъ выстрѣловъ; подобное кощунство надъ тѣлами убитыхъ возмущаетъ духъ Русскаго, и Кошка вызвался охотникомъ принести тѣла падшихъ героевъ. Получивъ позволеніе, онъ перекрестился, и съ словами: «Господи, благослови!» отправился на дѣло славное. Сначала между камнями и бугорками, незамѣчаемый непріателемъ, прокрадывается Кошка къ тому мѣсту, гдѣ были врыты тѣла, потомъ смѣло встаетъ, и въ виду изумленныхъ Англичанъ выкапываетъ трупъ; по немъ открываютъ штуцерный огонь; но онъ продолжаетъ работать, не обращая вниманія на

свистъ пуль, Освободивъ трупъ Кошка взваливаетъ его на плеча и возвращается на бастіонъ. Видимо Господь хранилъ храбраго Кошку; онъ не былъ раненъ, между тѣмъ какъ въ трупъ, имъ несенный, попало пять непріятельскихъ пуль. Въ вылазкѣ 17-го января противъ Французовъ, гдѣ Кошка также былъ въ числѣ охотниковъ, вкочивъ первымъ въ непріятельскую траншею, онъ былъ раненъ штыкомъ въ лѣвую сторону груди насквозь, но такъ счастливо, что штыкъ прошелъ подъ кожу, не тронувъ кости. Эта первая, но не опасная рана стоила жизни ранившему его Французу, а штыкъ и ружье сдѣлались добычею нашего неустрашимаго воина. Въ настоящее время здоровье Петра Кошки видимо поправляется, и есть надежда, что непріятель въ скоромъ времени опять увидитъ его у себя въ гостяхъ.

10.

19-го ноября 1853 года, когда противъ Турокъ, подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, вы-

строилась наша первая боевая линия, въ которой находились два батальона пѣхотнаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, открылась обоюдная сильная канонада изъ орудій. Нѣсколько молодыхъ, неопытныхъ солдатъ, еще незнакомыхъ съ большимъ артиллерійскимъ огнемъ, начали пригибать головы. Унтеръ-офицеръ шестой мушкетерской роты Петръ Алексѣевъ, бывшій дядькою нѣкоторыхъ изъ этихъ новичковъ, которые, какъ извѣстно, въ полкахъ дядьку своего величаютъ дядюшкой, а сами въ отношеніи къ нему называются племянниками или просто племяшами. Дядька обратился къ своимъ племяшамъ: «ну, что вы тамъ раскланялись? отдали селямъ Туркамъ разъ, другой, да и стой смирно!»—«Да, дядюшка, вишь ты какъ они по насъ стрѣляютъ!» отвѣчалъ племяшъ. — Стрѣляютъ! это вороны каркаютъ, да шавки лаютъ на свою же голову. Чуютъ, что не одобровать имъ отъ нашихъ штыковъ.»—«А развѣ скоро пойдемъ въ штыки?»—«Вѣстимо дѣло! Страженія вѣдь безъ етого не кончатся!»—«Отчегожъ у насъ въ Дагестанѣ не

такъ какъ здѣсь, а прямо ура и коли?» — Въ Дагестанѣ!... вездѣ, братъ, свой манеръ, здѣсь компанія, а не экспедиція! здѣсь безъ салютаціи нельзя обойтись!» — «Вотъ оно что!» заключилъ молодой племяшъ, поглядывая съ любовью вверхъ на острый конецъ своего штыка, и больше уже не кланялся турецкимъ ядрамъ и гранатамъ. Въ глазахъ его сіялъ какой-то восторгъ. Дѣйствительно, вскорѣ батальоны бросились впередъ съ барабаннымъ боемъ и съ крикомъ ура! Племяшъ взялъ ружье на руку и, крѣпко сжимая его, готовился уже ринуться въ штыки, какъ вдругъ смертельная пуля сразила его наповаль. Дядька его, унтеръ-офицеръ Алексѣевъ, мрачно взглянулъ въ послѣдній разъ на павшаго подлѣ него, стиснулъ зубы, проворчалъ: «экъ его, сердечнаго, какъ хватило!» и потомъ отвернулся въ сторону, чтобы скрыть — не слезы, нѣтъ, а сильное, невольное движеніе мускуловъ на своемъ добромъ и мужественномъ лицѣ, — пронзительно вскрикнулъ ура! и врѣзался въ средину непріятеля. Много пало враговъ отъ руки Алексѣева; метя за смерть

любимаго племянника своего, онъ дрался съ изступленіемъ, и наконецъ израненный — палъ. Неудивительно, что горсть русскихъ разбила массы турецкія: въ этой горсти сражались все Алексѣевы!.. Но удивительна эта задушевная связь, это названное родство старыхъ и юныхъ воиновъ, и эта сердечная теплота чувства, не покидающая русскаго солдата въ самыя грозныя минуты отчаянной битвы.

II.

Когда подъ Ахалцыхомъ два орудія горной № 1-го батареи и при нихъ одно турецкое, отбитое у непріятеля подъ Ацхуромъ, приблизились вмѣстѣ съ обходною колонною къ рѣкѣ Поцховкѣ и, занявъ позицію передъ фронтомъ непріятельскаго расположенія, готовились открыть огонь по турецкимъ батареямъ и заваламъ, одно непріятельское ядро задѣло артиллерійскую лошадь при третьемъ орудіи, и сбilo съ ногъ ея вожатаго. Канониръ быстро вскочилъ на ноги, оправился, и, не смотря на контузію, сталъ размушту-

чивать раненую лошадь. Когда же ему было приказано удалиться къ перевязочному пункту, артиллеристъ забылъ боль и опасность, и обратился къ своему офицеру съ словами: «ваше благородіе! позвольте мнѣ остаться во фронтѣ и посмотрѣть какъ эта турецкая пушка будетъ стрѣлять по своимъ землякамъ.» Когда же орудіямъ слѣдовало перемѣнить позицію, контуженный канониръ присѣлъ на землю, и смѣясь сказалъ товарищамъ: «идите, кунаки, впередъ, ближе къ басурману, а я подожду доктора, да вмѣсто микстуры попрошу чарку водки, и тогда бѣгомъ добѣгу къ вамъ, а теперь и радъ бы идти съ вами, да ноги не держатъ!»

12.

Подъ ѣздовымъ другой батареи, дѣйствовавшей при Башъ - Кадыкъ - Ларѣ, было убито шесть лошадей, одна за другою. Шестъ разъ ѣздовой (изъ Малороссіянъ) хладнокровно слѣзалъ съ убитой лошади, и садился на здоровую. Когда же и шестая лошадь повалилась

подъ нимъ отъ турецкаго ядра, Малороссіянинъ нѣсколько разсердился и, взлѣзая на седьмого коня, не могъ не обратиться къ Туркамъ съ слѣдующею рѣчью: «экъ бисъ васъ возьми, да що же вы въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ привязались!» Это лѣнивое хладнокровіе артиллериста прекрасно характеризуетъ Малороссіянина, и въ то же время свидѣтельствуесть о величавой, холодной храбрости русскаго солдата.

13.

Послѣ Башъ-Кадыкъ-Ларскаго сраженія, трое рядовыхъ егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полка, съ ружьями на перевѣсѣ, отправились къ близъ-лежащей деревнѣ, гдѣ какая-то башня была еще занята непріателемъ. — Куда вы? спросилъ офицеръ Куринцевъ. — На штурмъ, ваше благородіе! — Куда на штурмъ? — А вонъ ту башеньку поочистить, ваше благородіе. Турки засѣли и сильно строчатъ по насъ. — Толпа Турокъ поспѣшно оставила башню и бѣжала изъ деревни, ища

спасенія.—Но если, во время дѣла, не любить русскій солдатъ разглагольствовать, потому что дѣло предпочитаетъ слову, за то не упустить случая сказать словцо на досугѣ, чтобы подшутить, хотя бы надъ собственнымъ своимъ несчастіемъ. Рядовому Князя Варшавскаго полка турецкая пуля оторвала носъ. Перевязавъ себѣ лице платкомъ, раненый не выходилъ изъ строя.—Какъ это тебя угораздило? спросилъ кто-то храбреца. — Пулюю; повернулся было заряжать, а шальная и отхватила; да ничего, табачокъ нюхать еще можно!

14.

Другому рядовому (Князя Воронцова полка) подъ Баяндуромъ оторвало ту самую ногу, которая прежде, въ Чеченскихъ экспедиціяхъ, въ разное время была прострѣлена пять разъ. Падая отъ новаго удара, раненый воскликнулъ: «вишь ты, проклятая, повадилась! ну, такъ нѣтъ же, умру прежде!» Вообще русскій солдатъ не ползаетъ въ кар-

манъ за словомъ, когда можно подшутить ловко и бойко, хоть бы надъ собственной гибелью, а когда нужно—отвѣтить съ достоинствомъ и величіемъ, и въ обоихъ случаяхъ не призадумается.

15.

Во время Башъ-Кадыкъ-Ларскаго сраженія, у одного унтеръ-офицера Эриванскаго полка оторвало руку. На раненаго не успѣли обратить вниманія: всѣ были заняты, всѣмъ было работы вдоволь. Онъ поплелся самъ на перевязочный пунктъ. На дорогѣ его встрѣтили товарищи, отводившіе другаго раненаго, и помогли ему добраться до мѣста. Не смотря на сильную боль (лѣвой руки у него какъ и не бывало), опытный служака тотчасъ замѣтилъ, что на ружьѣ одного изъ провожавшихъ его солдатъ сбитъ прицѣлъ. «Вотъ тебѣ, братишка, мое ружье, троихъ Турокъ имъ свалилъ, и тебѣ оно послужитъ лучше твоего!»

16.

Когда непріятельскіе батальоны были

сбиты съ Кадыкъ-Ларскихъ высотъ и батареи взяты, одинъ турецкій батальонъ, сохранивъ нѣкоторую правильность въ отступленіи, схватилъ снятое съ передка орудіе, и хотѣлъ увезти его съ собою. Наши солдаты стремительно бросились отнимать увозимое орудіе, причемъ одинъ шутникъ, возбуждившій общій смѣхъ, закричалъ непріятелю: «эй братъ, Турокъ, не хочешь ли вотъ штыка! а пушкото намъ оставь...» Пушка была дѣйствительно оставлена, а турецкій батальонъ почти весь переколотъ.

17.

Послѣ Ацхурскаго дѣла перевязывали одного раненаго солдата, который замѣтилъ, что подлѣ него лежитъ раненый Турокъ. «Перевяжите, ваше благородіе, прежде его рану, сказалъ онъ медику: онъ хуже меня раненъ.»

18.

31-го декабря 1853 года, прибылъ въ Динабургъ транспортъ съ казенными вещами,

отправленный изъ С.-Петербурга въ Варшаву, и остановился на постояломъ дворѣ. Два унтеръ-офицера, находившіеся при транспортѣ, тщетно прождавъ цѣлую ночь старшаго своего унтеръ-офицера Ивана Ловчика, отставшаго отъ нихъ на дорогѣ, не доходя Динабурга, пошли его отыскивать. По приходѣ въ корчму Ровокъ, отстоящую отъ города въ двадцати трехъ верстахъ, застали его сидящимъ за столомъ, въ самомъ убійственномъ расположеніи духа. — Что съ тобою? спросили товарищи.

— «Эхъ, братцы! пропала моя головушка! пропала моя служба! берите и ведите меня въ крѣпость.» — Богъ съ тобою, Ловчикъ! опомнись! скажи, что приключилось недобраго. — «Все пропало братцы! отвѣчалъ онъ со слезами, потерялъ я деньги и бумаги! осрамилъ я васъ, осрамилъ и полкъ! вотъ, скажутъ, до чего дошелъ на старости Ловчикъ? кто повѣритъ, что я потерялъ? скажутъ, пропилъ, но, видитъ Богъ, я не виноватъ!» — Гдѣ же ты потерялъ? — «И самъ не вѣдаю. Знаю только, что не на станціи; выходя изъ

нея, имѣлъ еще деньги въ карманѣ; самъ помню, какъ ощупывалъ ихъ; но пройдя съ версту — хватъ — ни денегъ, ни бумагъ! Я вотъ и зашелъ сюда ожидать, не объявятъ ли какой добрый человѣкъ о находкѣ.» — Не-чего, братъ, дѣлать! сказали товарищи: видно такая твоя судьба; никто не отыскалъ пропажи, а хотя и нашелъ жидъ какой, то долго будетъ поминать тебѣ, пойдемъ. — Ловчика доставили въ полицію. Его посадили подъ арестъ, начали слѣдствіе и сдѣлали распоряженіе къ отправленію транспорта по назначенію. Бѣдный Ловчикъ только плакалъ и горячо молился. — Происшествіе сдѣлалось гласнымъ въ городъ и окрестностяхъ. Вдругъ, 7-го января, являются къ помѣщицѣ С. Д. Могль двѣ ея крестьянки: Ева Ащукъ и Доротея Пилянъ, и объявляютъ, что онѣ нашли въ снѣгу какія-то бумаги и деньги, догадываясь, не принадлежатъ ли онѣ тому солдату, котораго недавно посадили подъ арестъ. Деньги и бумаги оказались дѣйствительно принадлежащими Ловчику. Первые были все налицо, въ числѣ 95 р. сереб., во вторыхъ

заклучался контрактъ съ извозчиками, ихъ паспорта, накладная и т. п. Все это было тотчасъ же помѣщицею передано мѣстному начальству, для отдачи Ловчику, и транспортъ отправился далѣе. Можно ли описать радость старика, будто воскресшаго изъ гроба при полученіи денегъ, по освобожденіи изъ подъ ареста? «Боже! благодарю Тебя! говорилъ онъ, обливая слезами находку. Не до конца еще, видно, прогнѣвилъ я Тебя! благодарю и Тебя, Матерь Божія, что услышала грѣшную молитву мою къ Тебѣ! благодарю и васъ, добрые люди, продолжалъ онъ, что спасли мою службу, помиловали мою головушку. Дай вамъ Господи здѣсь счастія и долю, а на томъ свѣтѣ царство небесное!» Великодушный поступокъ означенныхъ женщинъ тѣмъ болѣе достоинъ похвалы, что онѣ знали, кому принадлежатъ деньги, и слѣдовательно не надѣялись получить никакой изъ нихъ части въ награду, и что большая половина ихъ состояла изъ мелкаго серебра, которое могли бы онѣ израсходовать въ свою пользу незамѣтно. Помѣщица тотчасъ же сообщила объ этомъ свя-

щеннику той деревни, въ которой живутъ Ащукъ и Пилянъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ объявилъ въ церкви о такомъ благородномъ безкорыстїи ихъ въ первый воскресный день.

19.

Передъ Баяндурскимъ дѣломъ, командуящій корпусомъ, Князь В. О. Бебутовъ объѣзжалъ ряды 2-го батальона Князя Варшавскаго полка, того самаго полка, съ которымъ Башъ-Кадыкъ-Ларскій побѣдитель въ 1828 году защищалъ Ахалцыхъ. Обратясь къ солдатамъ, Князь напомнилъ имъ о томъ, что въ 1828 году съ этимъ полкомъ онъ защищалъ Ахалцыхъ, и прибавилъ, что въ ихъ полку вѣроятно уже нѣтъ никого изъ тогдашнихъ... — «Постараемся замѣнить, ваше сіятельство!» отозвался голосъ изъ рядовъ батальона...

20.

При посѣщенїи лазарета, Князь Бебутовъ подошелъ къ кровати драгунскаго Его Вы-

сочества наследнаго Принца Виртембергскаго полка рядоваго Озерова, получившаго осмнадцать ранъ въ Башъ-Кадыкъ-Ларскомъ сраженїи. — Ну что, братъ, въ отставку теперь? ласково спросилъ Князь изувѣченнаго героя. — «никакъ нѣтъ, ваше сіятельство! лѣвая рука еще дѣйствуетъ; только уже, конечно, отъ меня Туркамъ уваженїя никакого теперь не будетъ!»

21.

Бьда. Во время дѣла подъ Ахалцыхомъ, 1-го ноября 1853 года, у штуцернаго рядоваго 8-й егерской роты Никиты Овсянникова, въ замкѣ штуцера лопнула пружина. «Вотъ чортъ возьми! сказалъ онъ съ сердцемъ: вѣдь при такой бѣдѣ и Турокъ далеко; штыкомъ не достанешь!»

22.

Басурманская пуля боится креста. 1-го ноября 1853 года, подъ Ахалцыхомъ, унтеръ-офицеру 3-й карабинерной роты

Степану Ткаченкѣ ударила непріятельская пуля въ крестъ аммуниціи; но, потерявъ силу въ дальнемъ полетѣ, упала на землю, не причинивъ вреда. «Ага! сказалъ Ткаченко, басурманская пуля боится креста».

23.

Барабанщикъ. Во время штурма аула Суфлиса, 14-го ноября 1853 года, ядро ударило въ землю рикошетомъ возлѣ барабанщика 3-й егерской роты Николая Кожина, и засыпало пескомъ его барабанъ въ то время, когда онъ билъ наступленіе. Кожинъ, ни мало не смутясь, смель песокъ и сказалъ: «эй, бусурманы, теперъ кожа барабана нѣжнѣе моей, вамъ же веселѣе будетъ умирать подъ Русскую плясовую».

24.

Госпитальные толки. «Ты же какъ попалъ сюда, Силаичъ?» спросилъ одинъ больной другаго, сильно напоминая своимъ выговоромъ языкъ Малороссіи. — «Да такъ! бувъ

въ дилѣ; турецкая пуля зацепила,» отвѣчалъ тотъ, кто былъ названъ Силаичемъ. — «Да якъ же ты былъ въ дилѣ, когда ты вѣдь числился въ деньщикахъ?» — «Самъ пошелъ въ строевые.» — «Да какъ же ты самъ пошелъ, коли на то воли начальства не было?» — «Начальство отпустило. Въ томъ-то и штука!» — «Да какъ же это тебя, такого стараго, да еще и безпалаго, начальство отпустило?» — «Оно точно, дѣло было не легкое, да отпросился. Пришелъ къ его благородію, то есть къ своему-то, у котораго жилъ въ деньщикахъ, да и бухъ ему въ ноги: пощади, говорю, ваше благородіе, не погуби вѣрнаго своего слугу.» — «Такъ-таки и бухнулся? ахъ ты старый молотокъ! ну, а его благородіе что?» — «Онъ испужался сначала. Вишь ты, думалъ, что я ни вѣсть чего набѣдокурилъ.» — «Ну, а ты что?» — «Я заплакалъ, да прямо ему мое дѣло и рассказалъ, какъ было на душѣ. Батюшка, роднинькій, говорю, помилуй и не гнѣвайся, у симъ доволенъ я отъ твоей милости, да хочу служить нашему батюшкѣ Царю по солдатски: отпусти меня изъ

деньщиковъ въ строевые, и попроси командира нашего, нехай ихъ высокоблагородіе меня у тую сотню припшетъ, яку собирають подъ Турка.»—«Чтожь тебѣ на это его благородіе?»—«Его благородіе обѣщалъ просить войсковаго старшину; только сказалъ мнѣ, что сотню собирають не подъ Турка, а на Лезгинскую линію. Какъ услышалъ я это, такъ у меня руки и опустились. А его благородіе смотритъ да ухмыляется. — Али раздумалъ? говоритъ, али боишься Лезгинъ? а еще въ отрядъ просишься. — Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, говорю, нешто бояться оборванцевъ; оно конечно одно и то же, что Лезгинъ, что Турокъ — тѣ же басурманы; да только мнѣ бы хотѣлось подивиться на проклятаго Турка, да побить ихъ десятковъ съ пять, знали бы, якъ ругаться надъ нашею вѣрою и крестомъ. А на это мнѣ *мой-то* и говоритъ: правда, говоритъ, Турка надо бить: только у тебя Силанчъ, говоритъ храбрости не хватить. — У меня?! а что, ваше благородіе, али ихъ отродье сильнѣе нашего брата? куда имъ, гадюкамъ. Я бувъ еще ма-

лымъ, якъ родитель мой батюшка ходивъ подъ этого звиря, положивъ сотни три, да и свиртався на Донъ.»—«И ранили его?»—«А ни, Боже мой! еще принесъ басурманскаго добра дюжо-дюжо много, да получилъ хрестъ Св. Георгія.»—«А за что?»—«За якогось басурманскаго полковника; да еще снялъ съ него шаплюку.» — «И саблю онъ же снялъ? Какъ же это?»—«Какъ пустились наши Донцы въ атаку, родитель глядь, ажъ одинъ Турка утикаитъ до балочки, а конь у родителя бувъ ухъ добрый! догнавъ бисовское отродье и шпырнувъ его пикою. Ухъ! да и азія-жь проклятая!» — «А что?» — «Да то! съ коня падая, а самъ руку протигая къ пистолу. А родитель мой шпырнувъ его въ другій, тутъ и конецъ басурману. Такъ вотъ съ этимъ народомъ подрагаться лестно, а то Лезгины, по задворьямъ ходять, да ищутъ чего бы украсть. А Турка бить точно-что лестно; первое дѣло оттого, что онъ Турокъ, а второе, что робить обиду нашей Православной Церкви и Царю батюшкѣ...»—«Такъ тебя и отпустили подъ Турка?» — «Отпустили, дай

Богъ имъ здоровья! привелось-такъ посчитаться съ настоящими врагами Христовыми...» — «Ну, молотокъ!...» замѣтилъ собесѣдникъ Силаича, а за тѣмъ прекратилась бесѣда.

25.

Другой разговоръ. «Да ты про кого говоришь?» — «Да про Кузнецова.» — «Это про котораго же, Кузнецова?» — «Да все про того же, что въ 23-мъ полковника Хрещатицкаго полку...» — «Да! ну, такъ что же онъ?» — «Молодецъ онъ, да и христіанская душа! бить бьетъ, да и пощаду даетъ побитому, оттого, что жалостливо сердце христіанское. Былъ Кузнецовъ въ Эриванскомъ отрядѣ, въ дѣлѣ съ Турками, еще въ прошломъ году, 13-го ноября 1854 года, при Игрыдѣ. Наскакалъ онъ на какого-то чиновника, пашу что ли, да увидавши, что тотъ совсѣмъ почитай безъ оружія, вздумалъ взять его живаго въ полонъ. Схватилъ ужъ Кузнецовъ и лошадь его за поводья, и сталъ кричать, чтобы сдавался; но тотъ, вмѣсто отвѣта, вы-

хватилъ шашку, началъ защищаться, и нанесъ Кузнецову нѣскольکو ранъ въ грудь, а нашъ казачина все только удерживалъ супротивника, до тѣхъ поръ, пока тотъ, махая своимъ англійскимъ ножичкомъ, задѣлъ Кузнецова за живое; тогда Кузнецовъ осердился и ссадилъ пашу никою съ лошади. Паша, лежа на землѣ, схватился за пистолетъ, и выстрѣливъ въ Кузнецова, сильно попортилъ ему правое плечо. Въ это самое время подскакалъ Шемахинецъ, нашъ милиціонеръ, и ужъ замахнулся на Турка шашкою, да Кузнецовъ же остановилъ его. «Стой братъ! закричалъ онъ милиціонеру, не бей! онъ раненъ, безъ оружія, и на землѣ, а у насъ на тихомъ Дону есть заповѣдь родительская: лежачаго не бьютъ.» Всадникъ остался недоволенъ, и поворотилъ въ сторону, но Кузнецову не посчастливилось спасти своего плѣнника: онъ тутъ же умеръ на рукахъ Кузнецова, но, умирая, сложилъ изъ пальцевъ крестное знаменіе, и обратилъ къ небу погасавшій взглядъ... Оказалось, что плѣнный Кузнецова былъ Венгерецъ... Кузнецовъ съ трудомъ поднялъ

раненую свою руку, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «отпусти, Господи, прегрѣшенія и врагамъ нашимъ!» Въ послѣдствіи, когда спрашивали Кузнецова, не сердить ли онъ на Венгерца, его ранившаго, онъ отвѣчалъ: «Богъ съ нимъ! Жаль только что попортилъ мнѣ правую руку; за его же богоотступную душу не могу теперь перекреститься, а чтобъ бить басурмановъ, — есть еще лѣвая!»

26.

При осадѣ кр. Силистріи, когда траншеи наши подошли подъ самый валъ передоваго укрѣпленія, Турки бросали ручныя гранаты, которыя солдаты наши перебрасывали къ нимъ обратно, весело приговаривая: «такихъ подарковъ мы не принимаемъ, ловите свою чиненку, вамъ пригодится на черный день.»

27.

Въ сраженіи близъ села Кюрюкъ-Дара, 24-го іюля 1854 года, первые

пушечные выстрѣлы были сдѣланы Турками на такомъ разстояніи, что ядра ихъ далеко не долетали до нашихъ войскъ, находившихся въ 1-й линіи. Солдаты Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка привѣтствовали эти дальніе выстрѣлы громкимъ смѣхомъ и разными шутками: «вишь, еще до сраженія струсилъ, что по воробьямъ стрѣляетъ» — говорили они.

28.

Командиръ 1-го батальона Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, Полковникъ *князь Тархановъ*, верхомъ на лошади, съ шашкою въ рукѣ, бросился на турецкаго знаменщика, но былъ встрѣченъ нѣсколькими штыками. Увидѣвъ это, фельдфебель шефской роты, бросился на выручку своего батальоннаго командира, выстрѣломъ въ упоръ убилъ одного Турка, штыкомъ закололъ знаменщика и овладѣлъ знаменемъ.

29.

Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка Полковникъ *Спицынъ*, при атакѣ съ командуемымъ имъ дивизиономъ противъ турецкой кавалеріи, получилъ двѣ раны и подъ нимъ убита лошадь. Унтеръ-офицеръ его дивизиона немедленно соскочилъ съ своей лошади и, подведя ее къ Полковнику *Спицыну*, сказалъ: «садитесь, ваше высокоблагородіе, вы нужнѣе меня.»—Великодушный воинъ пережилъ своего начальника; ибо послѣдній, не согласившись даже перевязать своихъ ранъ, снова бросился съ своимъ дивизиономъ въ атаку противъ Турецкой пѣхоты, и былъ убитъ 12-ю пулями.

30.

25-го іюня 1854 года, бывшая въ Журжинскомъ отрядѣ противъ Турокъ 11-я рота Кольванскаго егерскаго полка, находившаяся долго въ цѣпи, разстрѣляла почти все свои патроны; рядовой этой роты жаловался ун-

теръ-офицеру *Качалову*, что не чѣмъ стрѣлять. «Эхъ! ребята,»—отвѣчалъ *Качаловъ*, «да развѣ вы забыли, что пуля дура, а штыкъ молодецъ—впередъ! пойдѣмъ штыкомъ работать!»—При этихъ словахъ *Качаловъ*, съ крикомъ «ура!» кинулся впередъ. Двадцать два человѣка егерей дружно ударили въ штыки на 45 человѣкъ Турокъ, засѣвшихъ въ камышахъ; непріятель, оставивъ половину на мѣстѣ, бѣжалъ.

31.

25-го іюня 1854 года, въ дѣлѣ подъ Журжею 3-й батальонъ Кольванскаго егерскаго полка, построенный въ колонны, былъ направленъ для взятія окоповъ, занятыхъ Турками. Егеря, достигнувъ батареи, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Турки, засѣвшіе во рву, амбразурахъ и на брустверѣ, производили сильный огонь. Командиръ 3-й карабинерной роты, прибѣжавъ съ егерями къ батарее, хотѣлъ взглянуть за амбразуру; замѣтивъ это движеніе, карабинеръ Никифоръ *Андреевъ*, схвативъ его за руку, вскричалъ:

«повремените немного, ваше благородіе, дайте мнѣ сперва прочистить окно, а то ничего не видать, красноголовые закрываютъ!»

Никифоръ Андреевъ бросился въ амбразуру, выстрѣломъ положилъ одного и закололъ штыкомъ другаго Турка; но въ это время былъ раненъ въ ногу и упалъ въ ровъ. Когда раненаго несли на перевязку, онъ смѣялся надъ Турками: «хороши красноголовые! въ 3-хъ шагахъ цѣлилъ мнѣ въ грудь, а попалъ въ ногу; куда имъ воевать, — и стрѣлять-то не умѣютъ!»

32.

25-го іюня 1854 года, когда Турки были выбиты изъ батарей на островѣ *Радоманъ* и бросились бѣжать вдоль Дуная, преслѣдуемые нашими егерями, унтеръ-офицеръ *Степанчукъ*, находившійся въ головѣ колонны, былъ пораженъ двумя пулями и упалъ; нѣсколько человекъ подбѣжали къ нему съ тѣмъ, чтобы перенести его на перевязочный пунктъ; «оставьте, братцы, меня здѣсь пока,»

говорилъ раненый; «когда переколите всѣхъ басурмановъ, то пожалуй — отнесите!»

33.

3-й карабинерной роты рядовой Федоръ *Куринскій* въ хору пѣсенниковъ плясалъ всегда съ бубномъ.

25-го іюня, въ дѣлѣ подъ *Журжой*, Федоръ *Куринскій*, находясь въ стрѣлкахъ, былъ раненъ въ руку. — «Проклятый Турокъ запретилъ играть на бубнѣ,» сказалъ смѣясь раненый; «отомстите братцы за меня; а я раздѣлаюсь съ нимъ послѣ!»

34.

Въ дѣлѣ съ Турками при г. Журжѣ, 23-го іюня 1854 года, непріятель приблизился на картечный выстрѣлъ къ одному изъ укрѣпленій на островѣ Радоманъ, занятому двумя орудіями легкой № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады, поставленными на барбетъ, и открылъ сильный штуцерный огонь по прислугѣ, при чемъ нѣсколько человекъ

было убито. Старшій канониръ Ѳедотъ Погуляевъ, при сильномъ сосредоточенномъ огнѣ крѣпости, коимъ была разрушена часть бруствера, съ полнымъ присутствіемъ духа исполнялъ обязанности нѣсколькихъ нумеровъ. Взойдя на вершину бруствера, банникомъ онъ указывалъ направленіе, гдѣ скрывались непріятельскіе штуцерные. Въ это время, колонны егерей, выдвинутыя для атаки высадившагося непріятели, проходили мимо батареи; «вотъ они, красноголовые; колите ихъ братцы, а пока вы дойдете, мы картечью проберемъ для васъ дорожку пошире!»

35.

Завидная смерть. 24-го іюля 1854 года, во время сраженія съ турецкою арміей, 2-й батальонъ гренадерскаго полка храбро дрался съ огромными колоннами втрое сильнѣйшаго непріятели. Подпоручикъ Казачковъ, отважно принимавшій участіе, впереди своего взвода, въ рукопашной битвѣ, раненый нѣсколькими штыками и съ разрубленною сильно

головой, былъ еще живъ, но отнести его на перевязочный пунктъ было некому: всѣ солдаты были заняты боемъ. Подпоручикъ Казачковъ старался самъ доползти до обоза, но не имѣлъ силъ, и, заливаясь кровью, лежалъ на землѣ. Въ это время стрѣлковый батальонъ, направленный съ лѣваго на правый флангъ, проходя, увидѣлъ его. Командиръ батальона, Полковникъ Лузановъ, съ участіемъ подошелъ къ раненому и, видя, что онъ еще живъ, приказалъ взять его своимъ солдатамъ и отнести къ обозу. «Напрасно,» сказалъ Казачковъ, «я чувствую, что умираю, но скажите мнѣ, какъ успѣхъ нашего сраженія?» Полковникъ Лузановъ отвѣчалъ, что Турокъ бьютъ, на всѣхъ пунктахъ преслѣдуютъ, истребляютъ, отнимаютъ у нихъ орудія, знамена, значки, и берутъ множество плѣнныхъ. Тогда Поручикъ Казачковъ, сдѣлавъ необыкновенное усиліе, приподнялся, сталъ на колѣни, перекрестился набожно и сказалъ слабымъ голосомъ: «благодареніе Богу, я умеръ не даромъ, Турки разбиты!» — упалъ снова на землю; потомъ, собравъ

опять силы, онъ снялъ съ груди образъ — благословеніе его матери, и, отдавая Полковнику Лузанову, сказалъ: «Будьте такъ добры, отдайте этотъ образъ моему товарищу, Прапорщику Извольскому: онъ перешлетъ его къ моей старухѣ-матери и напишетъ ей, что я умеръ, исполняя долгъ присяги Царю и отечеству.» Послѣ этихъ словъ, раненый лишился чувствъ; Полковникъ Лузановъ приказалъ солдатамъ нести его на перевязочный пунктъ, но на дорогѣ онъ умеръ.

36.

Искалъ и нашель. Во время сраженія съ Турками 24-го числа іюля мѣсяца, рядовой 2-й гренадерской роты того же полка Романъ Свиридовъ, молодой солдатъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, находясь въ этотъ день по обязанности службы въ обозѣ при лазаретной фурѣ, горевалъ, что ему не пришлось быть вмѣстѣ съ своими товарищами, и наконецъ отпросясь у старшаго въ командѣ, побѣжалъ къ своему батальону, и поспѣлъ

какъ разъ къ началу рукопашной битвы. Храбрый Свиридовъ бросился въ самый пылъ сраженія, закололъ одного турецкаго солдата, приговоривъ: это тебѣ за покойнаго нашего командира Князя Орбеліана, а теперь надо другаго для Князя Тарханова», — и погнался было за другимъ, но въ это самое время раздался залпъ изъ орудій батареи, устроенной непріателемъ противъ нашего праваго фланга, и ядро ударило въ грудь храбраго Свиридова. По окончаніи сраженія товарищи взяли его, и понесли на перевязочный пунктъ. Дордогой одинъ изъ несшихъ его, движимый сожалѣніемъ къ страданіямъ раненаго, сказалъ ему: «зачѣмъ, братъ, Романъ, уходилъ изъ обоза? вѣрно быть, такъ и оставался бы себѣ.»—«Чудный ты, право!» отвѣчалъ раненый,—«а ты небось, кабы пришлось, оставался бы въ обозѣ, когда поганый Турокъ бьетъ товарищей?»—«Ну, итѣ и я бы не остался.» «Такъ чтожъ и толковать?» Страдая жестоко отъ ужасной раны, Свиридовъ во все время былъ необыкновенно бодръ, и съ рѣдкимъ присутствіемъ духа переносилъ му-

ченія; при посѣщеніи товарищей и земляковъ, онъ весело толковалъ съ ними о всегдашней своей надеждѣ сходить въ отпускъ домой къ роднымъ, съ крестомъ на груди. Во время же посѣщенія начальниковъ, хвалившихъ его за храбрость, онъ такъ весело и самодовольно улыбался, что трудно было подумать, что рана его тяжела, не только смертельна! На третій день храбрый Романъ Свиридовъ умеръ, обнаруживая постоянно самыя благородныя, высокія чувства.

37.

Легкая рана. Въ сраженіи того же числа, когда батальоны наши подходили къ непріятельскимъ колоннамъ, 3-го батальона гренадерскаго полка рядовой Крупновъ, стрѣляя по непріятелю, сказалъ вдругъ товарищамъ: «Эге! братцы, кажется, меня ранили въ ногу.» Заверотивъ голенище сапога, онъ сталъ разсматривать рану. — «Ну, что братъ, какова рана?» спросилъ его бывший вблизи рядовой Губенковъ. — «Да такая, что и перевязывать

ее не стоитъ, когда непріятель передъ носомъ», — живо оправилъ сапогъ и шаровары, зарядилъ ружье и пошелъ въ атаку, забывъ второпяхъ, что ему должно прихрамывать; когда же, по окончаніи сраженія, Крупнова отвели на перевязочный пунктъ, оказалось, что рана была довольно трудная, и онъ самъ сознавался, что ему ступать раненой ногой было больно.

38.

Ампутація. По окончаніи сраженія 24-го іюля 1854 года, командиръ гренадерскаго полка, Полковникъ Князь Тарханъ-Моуравовъ, обходя въ вагенбургѣ раненыхъ нижнихъ чиновъ своего полка, подошелъ къ рядовому 11-й фузелерной роты Александру Воинову, которому ядро перебило ногу. На вопросъ командира полка о здоровьѣ, Воиновъ бодрымъ голосомъ отвѣчалъ: «ничего, ваше сіятельство, только прикажите скорѣе отрѣзать ногу, — сильно болитъ.» Удивленный такую просьбою, не согласовавшеюся съ бод-

рымъ видомъ раненаго, Князь Тарханъ-Моуратовъ возразилъ: «зачѣмъ же, братецъ, рѣзать, можетъ быть, такъ вылѣчать?» — «Нѣтъ, ваше сіятельство», сказалъ *усмѣхнувшись* Воиновъ: «я чувствую, что ужъ не хозяинъ этой ноги, напрасно только лѣчить будутъ, а Царю батюшкѣ можно будетъ послужить еще и на одной ногѣ.» Къ вечеру слѣдующаго дня, командиръ полка увидѣлъ Воинова уже безъ ноги; бравый гренадеръ казался довольнымъ своимъ положеніемъ какъ нельзя болѣе, говорилъ, что не жалѣеть о ногѣ, потерявъ ее на службѣ царской, и во все время Воиновъ своими благородными рѣчами, въ которыхъ выражались высокія чувства преданности Русскаго солдата къ своему долгу, ободрялъ всѣхъ раненыхъ, лежавшихъ съ нимъ въ одной палатѣ.

39.

Для чего понадобилась перевязка. Во время сраженія 25-го іюля, рядовой 9-й фузелерной роты гренадерскаго полка

Нахриновъ, раненый пулею въ лобъ, наклонилъ голову внизъ, засунулъ руку въ карманъ. — «Что ты, братъ, пули ищешь, чтоли?» спросилъ его рядовой Толстыхъ, — «ударилъ въ лобъ, а въ карманѣ ее ищешь!» «Пулю-то я нашелъ», отвѣчалъ Нахриновъ, а въ карманѣ ищу бинтъ и тряпицы перевязать рану, а то кровь льется по глазамъ и мѣшаетъ враговъ различать, какъ бы въ торопяхъ въ иного Турка лишній разъ не пырнуть штыкомъ.» — «Правда», замѣтилъ рядовой Лудниковъ, «давай завяжемъ, — тутъ столько натолпилось враговъ, что не надо одного колотить два раза, а наровить какъ бы заразъ двухъ задѣть. Только проклятые разбрелись по всей стени, никакъ ихъ въ кучу не загонишь.» И перевязавъ наскоро рану, три гренадера побѣжали преслѣдовать бѣгущаго врага.

40.

Последній выстрѣлъ. Въ томъ же сраженіи, рядовой 4-й фузелерной роты того же полка, Петръ Прокофьевъ, въ жару боя

не слышалъ, какъ его ранили пулею въ плечо; онъ стоялъ и торопливо заряжалъ ружье, когда командиръ той роты, увидѣвъ, что у него изъ плеча льется кровь, приказалъ ему идти на перевязочный пунктъ. «Слушаю, ваше благородіе», отвѣчалъ Прокофьевъ, «только позвольте разрядить на Туркѣ штуцеръ»,—и побѣжавъ впередъ, выстрѣлилъ въ непріятельскаго офицера, который палъ мертвый на землю.—«Ну, теперь можно идти и на перевязку», сказалъ спокойно Прокофьевъ.

41.

Защитники знамени. Во время рукопашной битвы 2-го батальона гренадеръ съ непріятельскими батальонами, турецкій офицеръ бросился было верхомъ къ батальонному знамени; но стоявшіе въ знаменныхъ рядахъ: фельдфебель гренадерской роты Антипъ Ефимовъ и унтеръ-офицеръ Федосій Чернацкій закричали ему: «ну, любезный Турка, не дожить тебѣ до этого! не слѣдь тебѣ на святой крестъ тянутьея», и гренадеры штыками сняли дерзкаго съ лошади.

42.

8) *Завтракъ съ врагомъ.* Въ рукопашной битвѣ 24-го іюня, когда 1-й батальонъ гренадеръ, опрокинувъ штыками густыя колонны непріятеля, погналъ его и преслѣдовалъ, рядовой 3-й фузелерной роты Тимофеевъ Велигузь, раненый въ ногу, сидѣлъ на землѣ; въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ въ изнеможеніи раненый Турокъ. Замѣтно было, что еще недавно между ними была жестокая борьба на смерть; теперь они, казалось, забыли о томъ. Велигузь, доставъ изъ сумки сухарь, усердно грызъ его; тогда раненый Турокъ весьма понятными жестами выразилъ, что чувствуетъ голодь. «А!» сказалъ Велигузь, «проголодался бѣдный, ладно, позавтракаемъ»,—и онъ далъ ему сухарей.

43.

9) *Что рана, что контузія?* При началѣ сраженія 24-го іюля, когда фланговая непріятельская батарея открыла сильный огонь

по батальонамъ гренадерскаго полка, рядовому 3-й фузелерной роты Потапу Шакуну ядро перебило ногу; стоявшій въ то время около него рядовой Ларионъ Данилюкъ, желая его утѣшить, сказалъ: «ничего братъ, это только контузія.»—«Да, контузія», отвѣчалъ раненый, «а какая же, по твоему, бываетъ рана?»—«да вотъ, напримѣръ, оторвутъ кому голову», отвѣчалъ послѣдній, усмѣхнувшись. Въ это время ядро размозило Данилюку голову. Шакунъ приподнялся, съ состраданіемъ посмотрѣвъ на убитаго, и проговорилъ: «правда, что у меня контузія; а вотъ его такъ ужъ точно—ранили.»

■ ■ ■

10) *Последнее ура.* Въ сраженіи 24-го іюля, рядовой Его Высочества роты, Николай Нищевъ былъ сильно раненъ ядромъ въ правую ногу ниже колѣна; вся кость была раздроблена. Страдая отъ ужасной раны, Нищевъ лежалъ на землѣ. Послѣ рукопашнаго боя Турки были опрокинуты. Въ это время мимо раненаго

проходили той же роты унтеръ-офицеръ Володинъ и рядовой Скуловъ. Нищевъ, вставъ на колѣни, закричалъ имъ: «братцы! скажите пожалуйста, чья беретъ?»—Вставай, братъ, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ Володинъ, наши погнали Турокъ по затылку въ Карсъ. «Эхъ, жаль, братцы! что я безъ ноги, сказалъ грустно Нищевъ, не могу гнать съ товарищами Турокъ; спасибо вамъ, что порадовали меня хорошо вѣстью; за это я при концѣ жизни моей закричу, въ послѣдній разъ для батюшки-Царя, три раза: ура! ура! ура!» Нищевъ дѣйствительно изъ всѣхъ силъ три раза крикнулъ ура, но, ослабѣвъ отъ напряженія, безъ чувствъ упалъ на землю. Его перенесли на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ черезъ полчаса умеръ.

■ ■ ■

Въ дѣлѣ при Кюрукъ-Дара, когда нашъ центръ, въ которомъ отличались въ послѣдствіи гренадеры (Великаго Князя Константина Николаевича полка, и Эриванцы-карабинеры

Государя Наслѣдника Цесаревича полка), сошелся съ Турками, наши и турецкіе батальоны остановились на мгновение другъ передъ другомъ, готовые обмѣняться смертельными ударами.... Вдругъ одинъ Эриванецъ схватываетъ съ себя шапку и бросаетъ Турку въ глаза, всадивъ ему въ то же мгновение штыкъ въ грудь. Примѣру этого храбреца послѣдовали его товарищи, и началась отчаянная рукопашная битва, окончившаяся извѣстнымъ разбитіемъ 60,000-наго турецкаго корпуса. Одинъ линѣйный нашъ казакъ (а кому неизвѣстно, что значатъ линѣйцы наши въ битвахъ съ азіатцами!), увидѣвъ подъ однимъ Туркомъ красиваго коня, положилъ себѣ во что бы то ни стало добиться этой лошади. Налетѣвъ, какъ вихрь, на Турка, и срубивъ его во мгновение ока, онъ уже считалъ его лошадь своею, но та, поворотивъ въ сторону, понеслась вдоль рядовъ турецкой кавалеріи, въ которыхъ не было интервала, гдѣ бы можно было ей пробѣжать. Казакъ нашъ летитъ за этою лошадыю вдоль тѣхъ же непріятельскихъ рядовъ, крича во всё горло: «держи, держи,

это моя!» по туркамъ было не до него и не до предмета его погони, потому что въ тотъ моментъ вся Турецкая кавалерія уже предалась общему бѣгству, а за нею поскакалъ конь убитаго казакомъ Турка. Линѣецъ нашъ не взвидѣлъ свѣту, съ досады разорвалъ на себѣ шапку въ клочки, и жестоко наказалъ нагайкой свою лошадь за то, что она не могла догнать турецкой.

46.

Въ дѣлѣ подъ *Журжею*, 25-го іюня 1854 года, при наступленіи цѣпи 1-й мушкетерской роты, рядовой (изъ Татаръ) Сахандей Утрубаевъ, пробираясь черезъ густой камышъ острова Радомана, наткнулся на трехъ Турокъ.

«Нѣтъ вамъ, друзья, пощады!»—закричалъ по-татарски Утрубаевъ и, положивъ на мѣстѣ одного Турка выстрѣломъ, онъ бросился на остальныхъ двухъ: завязалась борьба; ловкимъ ударомъ штыка Утрубаевъ тяжело ранилъ другаго Турка; послѣдній, не ожидая своей очереди, пользуясь пересѣчною мѣстностью, ушелъ отъ удалаго мушкетера.

На вопросъ товарищей, сколько онъ уложилъ своихъ одновѣрцевъ, Утрубаевъ отвѣчалъ: «жаль, что подвернулось только трое, да и то дрянъ такая—одинъ далъ тягу!..»

47.

Въ томъ же дѣлѣ 25 іюня, въ 5-ть часовъ по полудни, егеря Томскаго полка, разсыпанные вправо и влево отъ батареи, устроенной ниже *Журжи*, съ удивленіемъ замѣтили Архипа Чирникова, деньщика Подпоручика Томскаго егерскаго полка Самойлова, который, неся что-то въ рукахъ, весьма покойно, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, пробирался по цѣпи егерей.

«Куда тебя несетъ?» кричали солдаты Архипу. «Пока живъ, убирайся-ка отсюда по добру-по-здорову; пропадешь задаромъ!..»

— Нашли чѣмъ пугать, отвѣчалъ деньщикъ; Турокъ-то что ли вашихъ не видали? скажите-ка лучше—гдѣ баринъ—онъ сердечный съ самага утра ничего не ѣлъ, несуга ему кое-что закусить.»

— «Его благородіе на батареѣ», сказалъ одинъ изъ егерей, «да туда, братъ, не суйся—тамъ не до закуски—слышишь ли какъ жарятъ!»

— «Спасибо, землякъ», сказалъ Архипъ Чирниковъ; «Богъ не попуститъ, такъ и ядро вражье не зацѣпитъ!» По указанію егеря, Архипъ Чирниковъ, съ полнымъ хладнокровіемъ, отправился на батарею, гдѣ и нашелъ Подпоручика Самойлова, получившаго двѣ раны.

Провидѣніе сохранило вѣрнаго деньщика.

48.

Въ Журжинскомъ отрядѣ, во время войны съ Турками 22-го января 1854 года, на островѣ Радоманѣ, Томскаго полка, фельдфебель 5-й егерской роты Фальковъ былъ раненъ пулею на вылетъ. По излѣченіи раны оказалось, что онъ не въ состояніи владѣть рукою, и его назначили въ неспособные. «Нѣтъ, ужъ воля ваша», говорилъ Фальковъ, узнавъ рѣшеніе медика, «разстаться съ полкомъ не

могу; 16-ть лѣтъ въ немъ я служилъ, не оставлю его и теперь.»

Фалькову объявили, что при отставкѣ онъ имѣетъ право на третью прапорщичьяго жалованья.

«Знаю, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ; но пока есть силы, я хочу служить и съ ротою не разстанусь!..»

49.

Въ томъ же дѣлѣ 22-го января, при отступленіи Турокъ, унтеръ-офицеръ 4-й карабинерной роты Трофимъ Козыренко, находясь въ головѣ преслѣдующихъ, кинулся на Турка, остановившагося для выстрѣла: Турокъ спустилъ курокъ, пуля задѣла Козыренко; мусульманинъ хотѣлъ защищаться штыкомъ, но Козыренко отбилъ направленный на себя ударъ и закололъ Турка, приговаривая: «не ловокъ, братъ!»—Взявъ ружье убитаго, онъ показалъ его ротѣ:—«смотрите-ка братцы, и этимъ-то штыкомъ онъ хотѣлъ пробить грудь

Русскую!» Рота засмѣялась: штыкъ на неприятельскомъ ружьѣ былъ спаянъ въ трехъ мѣстахъ.

50.

Въ томъ же дѣлѣ 22-го января, рядовой 4-й карабинерной роты Матвѣй Петровъ, во время отступленія неприятеля, бросился на пару турецкихъ застрѣльщиковъ; заколовъ ближайшаго, онъ ударомъ приклада повалилъ другаго и, не желая бить лежачаго, требовалъ сдачи; на Турокъ упорствовалъ и, лежа на землѣ, старался ранить штыкомъ Петрова.—«Ну, коли не хочешь въ плѣнъ, такъ вставай; посмотримъ чья возьметъ.» Съ этимъ словами Петровъ освободилъ Турка изъ-подъ штыка; Турокъ векочилъ, бросился на храбраго егеря, нѣсколько неприятельскихъ застрѣльщиковъ бѣжало на помощь товарищу. Петровъ вторично ударилъ Турка штыкомъ, такъ что тотъ уже болѣе не подымался.

Сдѣлавъ выстрѣлъ по бѣгущимъ на него Туркамъ, Петровъ вернулся къ цѣпи.

51.

25-го іюня 1854 года, въ кровавой схваткѣ близъ батарей нашей, устроенный на лѣвомъ берегу Дуная, ниже *Журжи*, противу острова *Макана*, унтеръ-офицеръ Абрамъ Ефимовъ былъ окруженъ 4-мя Турками. Не смутясь, Абрамъ Ефимовъ прокололъ штыкомъ одного изъ противниковъ, быстро обратился къ другимъ и, не смотря на полученную имъ рану въ ногу, посадилъ на штыкъ еще одного; остальные двое затѣмъ были поражены пулями. Уговаривали Абрама Ефимова идти на перевязку. «Далеко братцы,»—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ, — «я и самъ себя перевяжу.» При этихъ словахъ Ефимовъ сѣлъ на землю, изъ-за обшлага шинели вытащилъ тряпицу, перевязалъ рану и, вставъ на ноги, объявилъ, что онъ готовъ снова угощать басурманъ.

52.

25-го іюня, унтеръ-офицеръ Ремецкій съ двумя рядовыми, слѣдуя отъ батарей, уст-

роенной ниже *Журжи*, вверхъ по лѣвому берегу Дуная, встрѣтилъ турецкаго офицера съ 4-мя рядовыми. Турки, замѣтивъ нашихъ солдатъ, криками требовали помощи отъ людей, бывшихъ на островѣ *Маканъ*; но помощь не являлась. «Сдавайтесь!» крикнулъ имъ Ремецкій. Турки-рядовые, вмѣсто отвѣта, приняли оборонительное положеніе съ намѣреніемъ защищаться: но офицеръ ихъ, не надѣясь вѣроятно на своихъ подчиненныхъ и рассчитывая на пощаду, ломанымъ русскимъ языкомъ кричалъ, что онъ Венгерець, а не Турокъ.

«Ну, дружище, ушелъ ты отъ нашихъ штыковъ въ Венгрію—не бѣжишь отъ насъ въ Туретчинѣ: впередъ, впередъ! коли, ребята, ихъ!»—вскрикнулъ Ремецкій, кинувшись на Турокъ, —и враговъ не стало.

53.

25 іюня, во время дѣла на островѣ *Радоманъ*, рядовой 1-й карабинерной роты Леонтій Ивановъ, находясь въ цѣпи, былъ раненъ;

фельдфебель той же роты, видя, что Иванову нужна помощь, приказалъ одному изъ рядовыхъ довести его до перевязочнаго пункта; но Ивановъ рѣшительно отказался. «Не нуждаюсь я въ помощникахъ и въ мирное время, а теперь и говорить нечего; ты, братъ-землякъ, ступай-ка лучше въ цѣпь на мое мѣсто, а я поплетусь и безъ тебя!»

54.

Въ дѣлѣ 25-го іюня, 8-я егерская рота атаковала непріятеля, высадившагося на островѣ Радоманѣ. Рядовой Евстигнеевъ былъ впереди роты; вскорѣ пуля пробила правую ногу егеря. «Нѣтъ,» вскричалъ Евстигнеевъ, «не пойду на перевязку, пока не помѣрюсь штыкомъ», и хромой продолжалъ идти впередъ.—Рота ударила въ штыки: новая пуля пробила лѣвую ногу егеря. Не имѣя возможности слѣдовать впередъ, Евстигнеевъ облокотился на ружье и, забывъ свои раны, жадно слѣдилъ за ходомъ схватки, крики одобренія часто вырывались изъ груди его.

«Хорошо, братцы, загнали басурмана въ Дунай: спасибо вамъ, друзья, другой разъ такой потѣхи не дождешься!» говорилъ Евстигнеевъ. Ослабѣвшій отъ сильной потери крови, егерь былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ.

55.

Въ дѣлѣ подъ крѣпостію Силлистрію, 9-го іюня 1854 года, Брянскій полкъ занималъ лѣвую оконечность траншей. Между нижними чинами 11-й егерской роты упала граната, трубка у которой дымилась.

Рядовой Семень Коноваленко быстро бросился къ гранатѣ, и схвативъ ее, перекинулъ за насыпь; чрезъ нѣсколько мгновеній граната лопнула, не причинивъ никому вреда.

Командиръ батальона спросилъ у Семена Коноваленко: «зналъ-ли онъ, какой опасности подвергался, хватая гранату?»

«Зналъ, что могу погибнуть,» отвѣчалъ Коноваленко; «но думалъ, что если Богу угодно, то спасу ваше высокоблагородіе,

ротнаго капитана и сохранию жизнь нѣсколькихъ храбрыхъ моихъ товарищей!»

56.

6-го іюня, въ траншеяхъ при осадѣ крѣпости Силистрія, 9-й егерской роты унтер-офицеръ Михайло Кондратьевъ былъ раненъ осколкомъ гранаты.

Фельдфебель той же роты, Иванъ Антоновъ, подъ огнемъ непріятельскимъ, перевязалъ наскоро рану своего товарища и совѣтовалъ ему идти на главную перевязку. «Нѣтъ», говорилъ Кондратьевъ, «на перевязку не пойду — дайте братцы заколоть хоть одного Турка — авось они красноголовые сдѣлаютъ ночью вылазку!»

57.

Одновременно съ Кондратьевымъ, былъ раненъ той же роты рядовой Силантій Карякинъ осколкомъ гранаты въ лѣвую ногу. Перевязавъ наскоро рану, Карякинъ сталъ

на свое мѣсто, — ротный командиръ хотѣлъ отправить его на перевязочный пунктъ.

«Помилуйте, ваше благородіе, если всѣхъ отправлять на перевязку, то тамъ столько наберется народу, что негдѣ будетъ повернуться! Богъ милостивъ — перетерплю, а здѣсь, быть можетъ, сегодня же и съ Туркой расплачусь — авось нехристи вылѣзутъ изъ своей трущобы!»

58.

Въ томъ же дѣлѣ 10-го іюня 1854 года, командиръ 4-го батальона Брянскаго егерскаго полка, Майоръ Домбровскій, находясь съ батальономъ въ траншеяхъ, замѣтилъ верховаго Турка, пробирающагося за непріятельскими завалами; взявъ штуцеръ у стрѣлка 4-й карабинерной роты, Ивана Бубера, и поставивъ прицѣлъ на 600 шагахъ, Майоръ Домбровскій хотѣлъ выстрѣлить въ непріятеля.

«Ваше высокоблагородіе,» сказалъ стрѣлокъ, «позвольте выстрѣлить мнѣ — не напрасно же я столько лѣтъ обучался — да и къ штуцеру-

то къ своему приловчился — промаха не дамъ!..»

Буберъ прицѣлился, выстрѣлилъ — и ссадилъ всадника съ лошади.

59.

17-го мая 1854 года, на лѣвомъ флангѣ траншей находилась рота 3-го стрѣлковаго батальона. Стрѣлокъ Степанъ Толстокоровъ, раздосадованный, что не можетъ съ вѣрностію бить непріятельскихъ стрѣлковъ, съ помощію своихъ товарищей взлѣзъ на росшее вблизи дерево и, не смотря на сыпавшіяся на него пули, хладнокровно поражалъ непріятеля и спустился съ дерева, когда уже смерклося.

20-го мая, стрѣлокъ Степанъ Толстокоровъ былъ раненъ изъ крѣпостнаго ружья картечью въ руку и въ то же время былъ поврежденъ стволъ его штуцера. Вовсе не заботясь о ранѣ, онъ горько жалѣлъ о потерѣ своего оружія и долго не хотѣлъ оставить рядовъ, желая отомстить врагу.

60.

22-го мая, стрѣлокъ Василій Наумовъ, находясь въ траншеѣ, воспользовался выгоднымъ положеніемъ одной пустой амбразуры, помѣстился въ оной и безъ промаха дѣйствовалъ по цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ, державшихся за насыпь. Непріятельскія пули свистали около Наумова, не задѣвая храброго стрѣлка. Около вечера Наумовъ былъ раненъ. — Отправляясь на перевязку, онъ какъ особой милости просилъ у ротнаго командира — не отдавать его штуцера никому.

«Я долго въ госпиталѣ не останусь!» говорилъ стрѣлокъ. Черезъ двѣ недѣли, хотя рана еще не совсѣмъ была закрыта, Наумовъ былъ уже въ рядахъ батальона.

61.

3-го сапернаго батальона. Во время устройства въ передовой линіи траншей, выведенныхъ противу крѣпости Силистріи, осад-

ной батареи, работавшіе на оной саперы замѣтили, что Турки очень часто подбѣгаютъ къ одному дереву и весьма скоро возвращаются.

«Вѣдь это, должно быть, вишня-черешня», сказалъ унтеръ-офицеръ Гавриловъ Бахтинъ; «вишь нехристи какіе — для лакомства и живота не щадятъ! — вѣдь стало — молодцы!»

Не прошло четверти часа, какъ молодой саперъ Максимъ Сатоненко, слышавшій, что дядька его называлъ Турокъ-лакомокъ молодцами, тихо вышелъ къ дереву и, нарубивъ пукъ сучьевъ съ вишнями, явился въ траншею. — «На, дядюшка, попробуй, вкусна-ли черешня!..»

«Молодецъ-племяша, и вишня вкусна, — да жаль только, что ты дерева-то совсѣмъ не срубилъ!..»

62.

3-й саперной роты, рядовой Матвѣй Темный, при переправѣ черезъ Дунай, несъ фащину къ работамъ мостоваго прикрытія.

Раненый въ голову, саперъ продолжалъ тащить фащину, спокойно стирая съ лица кровь, лившуюся изъ раны.

«Брось фащину и иди къ доктору!» кричали ему товарищи. «Ничего братцы; докторъ еще не уйдетъ; — какъ дотащу фащину до мѣста, и на перевязку пойду.»

63.

Въ сраженіи 13-го октября 1854 года на Кадыкіойскихъ высотахъ, во время атаки редута № 4-го, штуцернику Одесскаго егерскаго полка 5-й роты, Дементію Коммиссарову оторвало осколкомъ гранаты концы средняго и указательнаго пальцевъ лѣвой руки; долго онъ не оставлялъ своего штуцера, стараясь еще зарядить его, но лившаяся кровь мочила патронъ и оружіе; выведенный изъ терпѣнія, Дементій Коммиссаровъ обратился къ офицеру: «Ваше благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку, а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ! я же сейчасъ ворочусь.» И дѣйстви-

тельно, чрезъ нѣсколько минутъ Дементій Коммиссаровъ явился опять между стрѣлками, и, хотя съ перевязанною рукою, не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

64.

Въ томъ же дѣлѣ, когда разбитая наголову непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ и во весь духъ мчалась назадъ, лежавшій на землѣ, раненый въ ногу, штуцерный 4-й карабинерной роты Цвѣрковскій, котораго не успѣли еще отвезти на перевязку (а самъ онъ идти былъ не въ состояніи), увидѣлъ скакавшаго впереди на лихой лошади Англичанина. «Ахъ, батюшки,» сказалъ онъ, «не дайте ему выскочить! онъ славно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу!» Съ этими словами онъ повернулся, приподнялся, прицѣлился, выстрѣлилъ — и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку!» сказалъ Цвѣрковскій.

65.

Въ одно время съ горнистомъ 1-го батальона Денегою, принесеннымъ съ оторванною рукою на перевязочный пунктъ, принесли туда же англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. Видя это, Денего забылъ о собственныхъ страданіяхъ, и обратился къ полковому штабъ-лѣкарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе! погодите еще смотрѣть меня, помогите вотъ этому прежде, а то онъ пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые!»

66.

Во время Башъ-Кадык-ларскаго сраженія, гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка юнкеръ, Князь Андрониковъ, достойный сынъ побѣдителя Турокъ предъ Ахалцыхомъ, увидѣвъ, подъ сильнѣйшимъ непрі-

ательскимъ огнемъ, что юнкеръ Гогіевъ палъ, пораженный картечью, — поднялъ его, вынесъ на плечахъ изъ-подъ выстрѣловъ, и тотчасъ же за тѣмъ самъ возвратился въ бой. — По полученіи знаковъ отличія военнаго ордена, назначенныхъ въ тотъ полкъ, гренадеры единогласно назвали Князя Андроникова — первымъ въ числѣ преимущественно заслужившихъ этотъ крестъ. Генераль-Адъютантъ Князь Воронцовъ, извѣстясь о семъ, удостоилъ юнкера Князя Андроникова къ производству въ прапорщики; но Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ произвести его въ подпоручики, и пожаловалъ чинъ прапорщика юнкеру Гогіеву.

67.

Когда храбрый князь Багратіонъ-Мухранскій повелъ батальоны вѣренной ему бригады на батареи, расположенныя на Кадыкларскихъ высотахъ, отрядъ раздѣлился на двѣ колонны: вправо пошелъ въ атаку съ гренадерами Генераль-Маіоръ князь Орбели-

ани, влѣвъ князь Багратіонъ — Мухранскій остался съ Эриванцами. Подступивъ къ оврагу, надъ которымъ былъ непріятель, и скрывъ такимъ образомъ людей своихъ стѣною обрыва отъ турецкихъ выстрѣловъ, онъ приказалъ людямъ своимъ отдохнуть, а самъ одинъ пошелъ осмотрѣть непріятельскую позицію. Какъ только онъ показался, пули и картечь посыпались на него градомъ. Окинувъ взоромъ расположеніе батарей, князь Багратіонъ-Мухранскій спустился снова къ своимъ батальонамъ и приказалъ солдатамъ снять шапки и помолиться. Затѣмъ командовано: «впередь!» грянуло ура и штурмъ начался. Солдаты взбѣжали на крутую гору, и первый, не слѣзая съ коня своего, очутился между непріятельскихъ орудій командиръ батальона, маіоръ Турчановскій. Подлѣ него находились батальонный адъютантъ Витковскій и, съ развѣвающимся знаменемъ, шефской роты унтеръ-офицеръ, знаменщикъ Лушъ. Непріятель защищался отчаянно; прикрывавшіе орудія турецкія батальоны открыли неумолкный огонь и бросились въ рукопаш-

ный бой. Майоръ Турчановскій убитъ на мѣстѣ тремя пулями; послѣднимъ его крикомъ было: «ребята впередъ!» Знаменщикъ Лушь, смертельно раненый, упалъ, но чтобъ не уронить знамени, держался на колѣняхъ, крѣпко прижимая къ груди драгоцѣнную свою ношу. Но какъ силы измѣняли ему, ее принялъ изъ рукъ умирающаго одинъ изъ четырехъ, находившихся при немъ ассистентовъ. Такимъ образомъ знамя перешло изъ рукъ въ руки cadaго изъ нихъ, и всѣ четверо заплатились жизнью всѣ пали; но, падая, заботились только о томъ, чтобы не уронить знамени. Когда послѣдній ассистентъ изнемогалъ подъ славнымъ своимъ бременемъ, изъ рядовъ штурмующихъ бросился къ нему рядовой, по имени Бойко выхватилъ изъ рукъ его знамя и, по особому счастью остался живъ. Между тѣмъ непріятель, настигнутый кавалеріею и видя невозможность стоять противъ нашихъ, бросился бѣжать. Всѣ пушки были взяты; надъ батареями развѣвались побѣдоносныя знамена, и рядовой Бойко, тутъ же произведенный въ

унтеръ-офицеры, показывалъ солдатамъ, что знамя, которое онъ удостоился держать, прострѣлено въ девяти мѣстахъ, и что верхняя его часть снесена цѣльнымъ картечнымъ зарядомъ.

— 2-го ноября 1853 года, во время канонады, пѣсенники 3-й карабинерной роты Эриванскаго полка затапули лихую боевую пѣсню, не обращая вниманія на ревъ ядеръ. Когда непріятельскимъ ядромъ вырвало разомъ двоихъ изъ кружка пѣсенниковъ, пѣсня не прерывалась ни на минуту и продолжалась до окончанія боя.

— Штабсъ-Капитанъ Грицай 1-й, накануне дѣла 25-го декабря 1853 года при сел. Четати, рассказывалъ своему младшему брату, командиру 3-й гренадерской роты, о дѣлѣ 19-го декабря, въ которомъ отличалась, подъ его командою, 4-я гренадерская рота, выбившая штыками непріятели, заставшаго въ оврагѣ. При этомъ младшій братъ сказалъ: «я увѣренъ, что въ первомъ дѣлѣ, въ которомъ будутъ мои гренадеры, они также покажутъ себя молодцами.» Въ сраженіи 25-го

числа пришлось обоимъ братьямъ съ своими ротами стоять рядомъ и отбивать атаки превосходной въ силахъ непріятельской пѣхоты. Оба брата и роты ихъ, движимые соревнованіемъ, явили рѣдкую храбрость, и почти въ одно время младшій братъ палъ, пораженный пулею въ голову, а старшій получилъ въ голову же опасную рану.

— Поручикъ Калакуцкій, при д. Фонтинѣ-банулуй, съ одною своею ротою, построенною въ ротную колонну отразилъ три раза атаковавшій его турецкій батальонъ. Этотъ храбрый офицеръ сначала встрѣтилъ турокъ тремя залпами, смѣняя для этого свои взводы; а потомъ, бросаясь въ штыки, опрокидывалъ непріятеля.

— Прапорщикъ Доманскій просилъ, при самомъ началѣ дѣла, дозволенія находиться при Полковникѣ (нынѣ Генералъ-Маіорѣ) Баумгартенѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ ему самыя опасныя порученія. Не смотря на рану, полученную въ голову, неустрашимый офицеръ этотъ передавалъ приказанія

своего полковаго командира тамъ, гдѣ кипѣлъ самый упорный и кровопролитный бой.

— Прапорщикъ Кудрявцевъ, не смотря на то, что картечью оторвало ему на ногѣ три пальца, ходилъ два раза вмѣстѣ съ прапорщиками фонъ-Раабеномъ, Громомъ 2-мъ и Тудзиловскимъ 2-мъ съ охотниками впередъ, и когда въ 3-й разъ были вызваны охотники, дабы выбить турецкую пѣхоту, засѣвшую въ землянкахъ, то сами нижніе чины просили къ нимъ прапорщиковъ: Кудрявцева, фонъ-Раабена, Грома 2-го и Судзиловскаго 2-го, которые въ этотъ день, своимъ мужествомъ и отвагою, заслужили удивленіе всего отряда.

Вообще офицеры полка, не смотря на двѣ и на три полученные ими раны, оставались до конца дѣла во фронтѣ.

68.

Во время сраженія, когда 3-й батальонъ Тобольскаго полка опрокинулъ турецкую ка-

валерію, занявшую въ тылу нашемъ позицію, и пѣхота наша заставила непріятеля броситься къ оврагу, два турецкія орудія, съ небольшимъ прикрытіемъ и прислугою, отдѣлились отъ своей кавалеріи. Увидѣвъ это, прапорщикъ Косачъ съ рядовыми Яковомъ Толстоноженкою и Мартыномъ Молчановымъ, фельдфебелемъ Иваномъ Успенскимъ, а также хорунжій Нечаевъ съ урядникомъ Петромъ Карповымъ, приказнымъ Михайломъ Мартыновымъ и казаками: Кирѣемъ Малтахинымъ и Леономъ Бурналивымъ, бросился на орудія и положили на мѣстѣ прикрытіе и оставшуюся прислугу; а взятые орудія подтащили къ своему валу, за которымъ стояла наша пѣхота. Непріятельская кавалерія, желая отбить эти орудія, бросилась на казаковъ и подоспѣвшихъ гусаръ, и вступила съ ними въ рукопашный бой; но поражаемая сильнымъ огнемъ нашей пѣхоты и картечью изъ двухъ орудій, дѣйствовавшихъ весьма искусно подъ командою Поручика Марченки (раненаго при этомъ въ ногу), конница эта совершенно смѣшалась и въ большомъ безпорядкѣ бро-

силась назадъ. Тогда казаки и гусары ударили на нихъ и успѣли еще отбить четыре орудія и три совершенно разбитыхъ зарядныхъ ящика.

Въ концѣ боя, когда турки начали отступать изъ Четати, Полковникъ Баумгартенъ вызвалъ охотниковъ для очищенія деревни и двинулъ ихъ двумя колоннами: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Прапорщиковъ Судзиловскаго и фонъ-Раабена, направилась въ нижнюю часть деревни и переколола въ одной землянкѣ 20 турокъ, не хотѣвшихъ сдаться; другая колонна, имѣя въ головѣ отважнаго Прапорщика Кудрявцева, уже опасно раненаго въ ногу, и Прапорщика Грома 2-го, бросилась, по грудамъ непріятельскихъ труновъ, къ верхней Четати. Въ самомъ непродолжительномъ времени охотниками нашими было очищено все селеніе до Фонтына-банулуй, при чемъ часто приходилось выбивать непріятеля, засѣвшаго въ землянкахъ. Здѣсь рядовые: 10-й мушкетерской роты Иванъ Куцы и 9-й мушкетерской Данило Бень, вбѣжавъ съ Прапорщикомъ Кудрявцевымъ въ церковь

и заставъ, что нѣсколько турокъ зарѣзали уже Священника и срывають съ образовъ украшенія, бросились на нихъ и всѣхъ перекололи.

69.

При защитѣ д. Фонтына-Банулуй, командиръ 1-й мушкетерской роты Капитанъ фонъ-Вригтъ былъ раненъ двумя пулями въ обѣ ноги. Его подхватили четыре человекъ той же роты, но два изъ нихъ были вдругъ убиты ядромъ; оставшіеся же: унтеръ-офицеръ Иванъ Ананьевъ и рядовой Родіонъ Васильевъ, не понавъ на дорогу, по которой слѣдовала рота, были остановлены высокимъ валомъ съ глубокою канавою, чрезъ которую, не смотря на всѣ усилія, не могли перенести своего ротного командира. Между тѣмъ Капитанъ фонъ-Вригтъ, видя настигавшую ихъ турецкую пѣхоту, просилъ своихъ подчиненныхъ положить его въ канаву, а самимъ искать спасенія; но унтеръ-офицеръ Ананьевъ и рядовой Васильевъ не покинули сво-

его раненаго Капитана до тѣхъ поръ, пока не поразила его новая пуля.

70.

Когда Капитанъ Бантышъ, командиръ 2-й мушкетерской роты, былъ убитъ, то деньщикъ его Юрченко взялъ турецкое ружье и просилъ позволенія стать въ ряды своей роты, съ которою раздѣляя всѣ опасности, отличился мужествомъ.

71.

При началѣ сраженія, весь обозъ Тобольскаго полка, находившійся въ д. Фонтынѣ-Банулуй, былъ отведенъ сперва въ д. Четати, а потомъ, влѣдъ за 3-мъ батальономъ, и построень вагенбургомъ на нашей третьей позиціи. При этомъ случаѣ большая часть фурштатскихъ нижнихъ чиновъ, деньщиковъ и нестроевыхъ, получивъ ружья, отобранныя отъ Граничанъ, разсыпаны были по валу и дѣйствовали вмѣстѣ съ строевыми.

1-й полубатареи легкой № 1-го батареи
10-й артиллерийской бригады:

Штабсъ-Капитанъ Хиршхейдтъ и Поручикъ Липарскій, въ то время, когда перебита была вся прислуга, сами заряжали и дѣйствовали изъ орудій своихъ, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ.

Фейерверкеръ 4-го класса Егоръ Денисовъ, старшій канониръ Игнатій Кузьминъ и младшій канониръ Никифоръ Михайловъ, не смотря на значительную убыль артиллерийской прислуги, продолжали успѣшно дѣйствовать изъ своихъ орудій, исполняя въ одно время обязанности нѣсколькихъ нумеровъ.

8-го эскадрона гусарскаго Генераль Фельд-маршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка:

При рукопашной схваткѣ нашихъ гусаръ и казаковъ съ турецкою кавалеріею, гусарскаго Генераль-Фельдмаршала князя Варшавскаго полка юнкеръ Булгаровъ 2-й, лишившись лошади, взялъ ружье у раненаго солдата и съ охотниками Тобольскаго пѣхотнаго

полка ходилъ для выбитія турецкой кавалеріи изъ оврага.

Рядовой Никифоръ Стигній, также потерявъ въ сраженіи лошадь, пошелъ пѣшкомъ за отрядомъ къ д. Моцецей. На дорогѣ онъ догналъ раненаго артиллериста и оставался при немъ въ полѣ до часа въ виду непріятеля, до тѣхъ поръ, пока не приблизились повозки для раненыхъ; послѣ чего, уложивъ товарища на повозку, онъ доставилъ его къ батарее, оказывая ему въ пути всевозможное попеченіе.

72

Подвигъ приказнаго Растригина, совершенный 5-го Февраля 1854 года.
«Господи твоя воля! . . . Экая погодушка завернула, — сказалъ крестьясь усатый приказный донскаго № 34 Полковника Влаева полка Растригинъ, входя подъ навѣсъ бывшаго валахскаго шкета, — дайте-ка, братцы, пообогрѣться». Казаки-станичники раздвину-

лись и очистили мѣсто вокругъ огня товарищу и начальнику казачьяго поста на Дунаѣ, выше Калараша. — «Диво да и только, что за край безтолковый! сказалъ казакъ Подкуповъ, — въ январѣ мѣсяцѣ бывали такіе деньки, что весну напоминали; казалось, того и гляди, что придется сѣрко своего пускать на свѣжую траву; а теперь, вишь-ты! февраля мѣсяца пятый день, а какъ сиверко стало, чай на дворѣ большой морозъ!» — «Морозъ не то что великъ, да вѣтромъ-то больно прохватываетъ, глаза снѣгомъ льпитъ!» — сказалъ казакъ Язанцевъ, только-что вернувшійся съ поста. — «Турки такъ скоробились отъ холода, что ужъ и часоваго не видать: проклятые бусурманы крѣпко боятся холоду!» — «Боятся, — вѣстимо боятся! вѣдь это не то, что наши братья, православные; смотри-ка, голова-то у него бритая, а на ногахъ туфли.... Тамъ какъ въ плащъ ни закутывайся, а все человекъ — съ концевъ-то мерзнетъ!» — «Ты говори! Извѣстное дѣло, турку труднѣе; нашъ братъ, въ такай холодъ, какъ отбудеть службу, такъ по ми-

лости Царя да начальства и чарку приметъ, ну и снова хоть на часы; а имъ за певѣріе — по ихъ закону и водки-то пить нельзя?» — «Нельзя? . . . Какъ бы не такъ, нельзя! — сказалъ Панфиловъ, — видывалъ я, пьютъ не хуже другаго православнаго, да слабъ народъ-то, послѣ чарки никуда не годится!...» Бесѣда станичниковъ была прервана появленіемъ одного изъ казаковъ. Вошедшій казакъ, обращая къ Растригину, сказавъ: «тамъ, внизъ отъ крѣпости, тѣмъ рукавомъ р. Дуная, что упирается въ супротивный турецкій постъ, плыветъ лодка съ народомъ». — «Повидимъ, — сказалъ Растригинъ, схвативъ шапку и ружье, — а вы братцы, сготовьтесь, чтобы принять радушно незванаго гостя, осмотри ружья, — да не зѣвай: по первому знаку выходи, а до тѣхъ поръ сиди смирно!» — Сильно гудѣлъ вѣтеръ, крупныя волны плескали въ прибрежья, густая мятель лишала возможности различать предметы на самомъ близкомъ разстояніи... Растригинъ подошелъ къ часовымъ, которые указали ему направленіе, гдѣ была замѣчена лодка. Смѣтливый

приказный спустился къ оврагу, прилегъ и началъ пристально взглядываться по поверхности Дуная... Послѣ нѣсколькихъ минутъ внимательнаго наблюденія: «вижу, — сказалъ Растригинъ: — причалили къ берегу... высаживаются... привязали лодку... Разъ, два, три — экіе шальные: всеъ разомъ лѣзутъ, сосчитать не дадутъ... всего человѣкъ 40 вышло!... Ну-ка, Подкуповъ, снаряди нашу лодочку, да подгяни ее осторожно къ верху, до кустовъ; вы, часовые, стой — да смотри не зѣвай, бритоголовые собираются къ намъ въ гости!...» Растригинъ вернулся подъ навѣсъ шикета, гдѣ всякой изъ казаковъ уже былъ готовъ встрѣтить турка. — «Братцы, — сказалъ Растригинъ, — къ непріятельскому посту, чтò насупротивъ, подплыла большая лодка, вышло изъ нея человѣкъ можетъ 50 бритоголовыхъ, можетъ больше, можетъ и меньше! не даромъ лодка приплыла: смотри, на развѣтѣ спустятся къ намъ!...» — «Пусть спустятся: встрѣчу такую сотворимъ, что въ другой разъ тѣ же самые не пріѣдутъ!...» — «А какъ пріѣдутъ?... Я такъ думаю вотъ

что братцы! ночь темная, бурная, холодно и непогодно: бусурмане перезябли и грѣться пошли — лодка привязана, быть можетъ безъ присмотра стоитъ; а если есть кто на лодкѣ, такъ развѣ зазябшій часовой, который, чай, такъ передрогъ, что и жизни не радъ!... Махнемъ-ка, братцы, сами на ту сторону, да и отхватимъ вражью лодку: смогимъ — увеземъ съ собою, не сладимъ — такъ пустимъ внизъ по Дунаю; наши же казаки перехватятъ!» — «Ну что-жъ, — плыть такъ плыть! — сказалъ Панфиловъ, — да что скажетъ хорунжій?» — «Хорунжаго спрашивать некогда, — извѣстное дѣло, какъ лодку притянемъ, хорунжій скажетъ: молодцы! — Ну, а какъ потонемъ, брани не услышимъ, а въ станицѣ помянутъ!» — Плыть!!! единодушно сказали казаки... «Съ Богомъ, товарищи! Подкуповъ у лодки; ты Панфиловъ, захвати топоръ, да смотри: востеръ-ли? Лазаревъ, заברי-ка канату, — можетъ пригодиться Турка связать; ты Язанцовъ, чего насупился-то? возьми фонарикъ, чтò Валахъ-то оставилъ; можетъ, освѣтить придется! идемъ! Андре-

евъ, а ты, дружище, ступай къ часовымъ, одного пошли къ хорунжему, а другимъ накажи: смотришь зорко — буде помощь намъ нужна, помогите... къ лодкамъ братцы!...» Удалство въ крови у Донца. Въ самомъ отважномъ и смѣломъ предпріятіи онъ видитъ простое исполненіе долга; весело и шутя онъ собирается на опасный поискъ и беззаботно идетъ на встрѣчу смерти. Не долго судили и рядили казаки... не учился Растригинъ стратегіи и попросту размыслилъ: — «непріятель приг отовиленя переѣхать на нашъ берегъ, хочеть накрыть насъ въ распахъ!... предупредимъ врага, да и лодкой поживимся!» И вотъ, шесть безстрашныхъ удалцовъ собрались около маленькой лодочки, тщательно осмотрѣли ее и, по указу Растригина, каждый занялъ свое мѣсто, каждый понялъ, что долженъ дѣлать!... «Съ Богомъ ребята!...» Растригинъ снялъ шапку, всѣ последовали его примѣру, всѣ набожно перекрестились и дружно ударили веслами... «Подымайся къ верху! сказалъ Растригинъ; такъ! руль вправо! хорошо! подымемя до оврага, отдай! весла

долгой — само понесеть: какъ разъ упремся въ лодку невѣрныхъ!...» И все притихло на лодкѣ... Страшно волновался Дунай... Шестъ удалцовъ не думали объ опасности: каждый изъ нихъ внимательно слѣдовалъ за ходомъ лодки и своевременно снѣшилъ принять мѣры противъ могучей волны, готовой захлеснуть слабую ладью... вѣтеръ и мятель лѣпила глаза... уже далеко они отплыли отъ берега, уже внимательному Растригину слышался плескъ волнъ о непріятельскую лодку... «Ребята! — тихо сказалъ Растригинъ, — лодка вражья близко... забирай вверхъ, чтобы стать къ правому борту; такъ! ты, Панфиловъ, съ топоромъ на берегъ — руби канатъ; да смотри: руби осторожно, чтобъ каната не испортить! вы трое — хватайте веревку, а тамъ Богъ поможетъ; вѣтеръ такой, что хоть корабль сдвинетъ...» Ладья подплыла къ самому борту непріятельской лодки. Часовой, Турокъ, то роуливо выстрѣливъ, бѣжалъ на берегъ. Въ одно мгновение канатъ, укрѣплявшій лодку къ берегу, былъ обрубленъ, напоромъ волнъ лодку отхватило отъ берега — и огромное

турецкое судно, вельдь за ладью, поплыло вниз по течению. Двое из удалцовъ, вкочивъ на неприятельское судно, управляли рулемъ и удерживали бѣгъ его, изъ опасенія, чтобы судно не придавило ладьи. Между тѣмъ, вселощенные Турки бросились къ берегу и открыли огонь; но лодки и храбрецы были уже вѣ выстрѣла... «Наша взяла! ну, братъ Растригинъ, молодецъ! — Быть тебѣ урядникомъ, какъ Графъ-Атаманъ узнаетъ!» — «Еще бы не узнать! — узнаетъ! Слышишь, какъ Турки салютуютъ новому уряднику!...»

Послѣ продолжительной и упорной борьбы со стихією, на разсвѣтъ, 6-го февраля, лодка и лодочка пристали къ лѣвому берегу Дуная, далеко ниже своего поста. Турецкая лодка, увезенная Растригинымъ изъ-подъ носа у Турокъ, имѣетъ длины 13 сажень, ширины 3 сажени, съ одною мачтой, съ намощеннымъ поломъ.

73.

Въ кровопролитномъ бою при Кюрукъ-Дара, артиллерія наша, соревнуя другимъ

войскамъ, оказала необыкновенные подвѣги мужества и рѣшительности. Такъ, батарейная № 1-го батарея Кавказской бригады, ослабивъ неприятеля огнемъ своимъ съ разстоянія пушечнаго выстрѣла, вынеслась впередъ и, снявшись отъ неприятельской позиціи въ 250 саж., снова открыла огонь. Турки начали усиливать свои батареи и поражать нашу артиллерію перекрестными выстрѣлами; тогда начальникъ артиллеріи Кавказскаго корпуса Генералъ - Лейтенантъ Бриммеръ приказалъ этой батарее выдвинуться впередъ на самый ближній картечный выстрѣлъ. Батарея наша, не смотря на сосредоточенный огонь неприятельскій, начала наступательное движеніе, и когда была саженьхъ въ 120 отъ неприятеля, то командиръ оной, старый кавказецъ, Полковникъ Лагода, подѣхавъ къ Генералу Бриммеру, сказалъ: «Ваше Превосходительство, хорошій картечный выстрѣлъ; не прикажете ли сняться?» — «Рано!» было ему отвѣтомъ — и дѣйствительно, батарея открыла огонь лишь въ 70-ти саженьхъ отъ турецкой позиціи!

Когда непріятель началъ отступать, то батарейной № 1-го батареи Поручикъ Давыдовъ, выскакавъ впередъ, изрубилъ трехъ Турокъ; а находившіеся при Генералѣ Бриммерѣ вѣстовой и ординарецъ также приняли дѣятельное участіе въ сраженіи: первый, соскочивъ съ лошади, свалилъ съ ногъ Турка, бросившагося на одно изъ нашихъ орудій, а второй, изрубивъ одного непріятельскаго солдата, другаго взялъ въ плѣнъ.

Батарейной № 1-го батареи Кавказской бригады фейерверкеръ Сильверстовъ, раненый уже подъ Баяндуромъ и получившій во время сраженія сильную контузію, кинулся на Турка и, заколовъ его отнятымъ у него же ружьемъ, возвратился къ батарее, не сказавъ никому о своей контузіи.

Батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады фейерверкеръ Еремѣевъ и бомбардиръ Труховъ, и батарейной № 2-го батареи той же бригады бомбардиръ Гордѣевъ и Даниловъ, получивъ сильныя раны

осколками гранаты, оставались при орудіяхъ до конца сраженія.

Той же батарейной № 1-го батареи, вольноопредѣляющійся Величкинъ, у котораго ядромъ оторвало обѣ ноги, сожалѣлъ только объ одномъ, — что не могъ до конца сраженія оставаться въ рядахъ своихъ мужественныхъ товарищей.

24.

25-го іюня 1854 года, въ дѣлѣ подъ Журжею, на островѣ Радоманѣ, наши войска показали новый, блистательный примѣръ храбрости и неустрашимости. Бой продолжался съ ранняго утра до самой ночи. Каждый батальонъ по нѣсколько разъ ходилъ въ штыки и дружнымъ натискомъ опрокидывалъ превосходнаго въ числѣ непріятеля. Раненые приходили на перевязочный пунктъ только для того, чтобы сдѣлать перевязку и потомъ снова идти въ бой, торопили медиковъ, прося убѣдительно, чтобы какъ можно

скорѣе отпустили ихъ къ своимъ товарищамъ. «Насъ здѣсь не много, — говорили они, — а бусурманы насѣдаютъ крѣпко, теперь некогда лѣчиться». Командиръ отряда, Генераль-Лейтенантъ Соймоновъ съ трудомъ могъ вытащить изъ рядовъ около 80 человекъ раненыхъ и поставить ихъ въ резервъ, убѣдивъ ихъ, что они и тамъ приносятъ пользу.

75.

Смерть на пушкѣ. На штурмъ Суфлиса Подпоручикъ Виленскаго полка Даниловъ бросился на орудіа, съ цѣлью стрѣлковъ 6-й егерской роты. Получивъ раны пулями въ лицо, въ грудь на вылетъ и въ правый бокъ между реберъ, храбрый офицеръ этотъ не переставалъ биться, и шашкой изрубилъ двухъ Турецкихъ солдатъ, но наконецъ, обезсиленный, упалъ на непріятельское орудіе.

76.

Единоборство. 2-го ноября 1853 года, въ сраженіи подъ Баяндуромъ, когда Куртины ворвались въ обозъ колонны, бывшей подъ начальствомъ Генераль-Маіора Князя Орбеліани 3-го, и когда пикинеры драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, подъ командою храбраго дивизионера, Полковника Тихоцкаго, пущенные въ атаку, сбили хищниковъ, тогда въ моментъ схватки, Прапорщикъ того полка Вихманъ, только-что изрубившій одного Куртина, долженъ былъ снова помѣряться силами съ наскакавшимъ на него всадникомъ. Въ пылу боя завидѣлъ онъ несущагося къ нему Куртина съ пикою, грозившею пронзить его; храбрый Прапорщикъ Вихманъ, не теряя присутствія духа, приготовился принять ударъ шашкою; но куртинская пика пробила шубу Вихмана, бывшую на немъ сверхъ сюртука, и остреемъ своимъ прошла подъ правую мышку. Разсуждать было некогда: Вихманъ схватилъ

древко пики руками. Долго два противника оспаривали другъ у друга право владѣть копьемъ. Унтеръ-офицеръ 9-го эскадрона Харьковскій, выскакавъ на помощь Прапорщику Вихману, рубнулъ раза два куртинскаго джигита, но отъ ударовъ русской шашки только визгнулъ панцырь, защищавшій Куртинца. Видя, что копье попало въ мощную руку юноши, куртинецъ потерялъ надежду владѣть имъ, выпустилъ его изъ рукъ и, въ то мгновеніе, когда обернулся влѣво, чтобъ выхватить изъ ноженъ саблю, былъ пронзенъ подъ правое ухо своимъ же собственнымъ копьемъ, оставшимся въ рукахъ Прапорщика Вихмана, и, выбитый изъ сѣдла, палъ за-мертво. Пика, булатъ и копье достались побѣдителю.

77.

Въ сраженіи 13-го октября 1854 года, на Кадыкіюйскихъ высотахъ, Азовскаго пѣхотнаго полка, Поручикъ Эизидель (принятый изъ Саксонской службы), разговаривая

наканунѣ сраженія въ кругу товарищей, обѣщаль имъ непременно отличиться, и сказалъ имъ: «вы увидите завтра, гдѣ я буду». Эизидель сдержаль свое слово: въ числѣ первыхъ былъ онъ на укрѣпленіи, гдѣ получилъ три тяжелыя раны.

Рядовой Иванъ Заровный защищаль израненаго Поручика Эизиделя, и палъ жертвою своей преданности начальству.

78.

Днѣпровскаго пѣхотнаго полка
рядовой Климъ Ефимовъ, при взятіи Комарскихъ высотъ, находясь въ цѣпи штуцерныхъ, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ бровь; послѣ сдѣланной перевязки, онъ просилъ доктора отпустить его на мѣсто сраженія, и по разрѣшеніи прибылъ къ своей ротѣ, въ которой и находился до конца сраженія.

79.

Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенберг-

скаго полка, Вахмистръ Гуровъ, не смотря на полученную имъ рану, видя, что эскадронный командиръ, Маіоръ Майдель, раненый въ голову, уналь, — слѣзъ съ лошади подь убіиственнымъ огнемъ пѣхоты, и вывелъ своего начальника.

Унтеръ-офицеръ Кисленко, раненый въ локоть пулею, отправился на перевязочный пунктъ, но едва услыхалъ перестрѣлку, какъ, не окончивъ перевязки, возвратился во фронтъ и остался до конца боя.

Гусарскаго Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полка, Унтеръ-офицеръ Захаровъ, когда убита была подь Генераломъ Рыжевымъ лошадь, подаль ему свою, а самъ остался подь сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей снимать сѣдло съ убитой лошади. Онъ исполнилъ это хладнокровно, безъ суеты, и принесъ сѣдло на плечахъ до перевязочнаго пункта.

Своднаго уланскаго полка, Эскадрона Его Высочества Эрцгерцога Австрійскаго

Алберта, рядовой Зиноватый, будучи раненъ и сбитъ съ коня, схватилъ бѣжавшую непріятельскую лошадь, сражался на ней до конца дѣла, а послѣ дѣла, отыскавъ свою лошадь, явился раненый въ эскадронъ.

Конно-легкой № 12 батареи, Фейерверкеръ 3-го класса Максимъ Федоровъ, видя, что ящичный ѣздовой Донской батарейной батареи былъ убитъ непріятельскимъ уланомъ, и что ящикъ былъ уже захваченъ непріятелемъ, бросился туда, убилъ саблею улана, готовившагося сѣсть на подсѣдельную лошадь, и самъ успѣвши вскочить на нее, доставилъ ящикъ въ батарею.

80.

При осадѣ крѣпости Силистріи, 10-го мая 1854 года, Полтавскій пѣхотный полкъ, въ полномъ его составѣ, былъ назначенъ для производства осадныхъ работъ подь крѣп. Силистріею и для устройства батареи, имѣвшей цѣлью обстрѣливать береговую дорогу

изъ крѣпости. Работы производились подъ сильнымъ непріятельскимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Около 5 часовъ по-полудни, — время, въ которое обыкновенно производилась смѣна рабочихъ и прикрытія, канонада изъ крѣпости усилилась. Одна изъ гранатъ упала въ траншею, гдѣ собиралась для смѣны 5 я мушкетерская рота.

Унтеръ-офицеръ той-же роты (нынѣ Прапорщикъ) Витовичъ, мгновенно бросился къ гранатѣ, вырвалъ горящую трубку и, отбросивъ ее въ сторону, отератилъ разрывъ снаряда.

Въ ночь съ 7-го на 8-е іюня, для производства траншейныхъ работъ и для прикрытія рабочихъ, находились части Полтавскаго пѣхотнаго полка.

На ординарцахъ при полковомъ командирѣ былъ унтеръ-офицеръ Брызгунъ.

Во время обзора работъ полковымъ командиромъ, осколокъ непріятельской гранаты оторвалъ руку у ординарца.

Унтеръ-офицеръ Брызгунъ просилъ ближайшаго ротнаго командира о назначеніи къ полковому командиру новаго ординарца и до тѣхъ поръ не позволилъ отправить себя на перевязочный пунктъ, пока новый ординарецъ не прибылъ на мѣсто его.

81.

Въ 1853 году, до открытія турецкой компаніи, Алексопольскаго егерскаго полка Прапорщикъ Шакальскій, въ слѣдствіе его домашнихъ обстоятельствъ, просилъ по командѣ увольненія его отъ службы.

Высочайшимъ приказомъ въ 23-й день января 1854 года, Прапорщикъ Шакальскій былъ уволенъ отъ службы Подпоручикомъ.

Военныя дѣйствія были открыты. Подпоручикъ Шакальскій, тотчасъ по полученіи отставки, подалъ прошеніе на Высочайшее Имя объ опредѣленіи его вновь на службу въ Алексопольскій егерскій полкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рапортомъ просилъ командира полка дозволить ему, впредь до опредѣленія

на дѣйствительную службу, нести все обязанности одной, на равнѣ съ прочими офицерами полка.

«Въ настоящее время,—говорилъ Подпоручикъ Шакальскій,—когда Царю и Отечеству нужны усердные слуги, некогда думать о частныхъ дѣлахъ! — Я прошу не лишать меня чести раздѣлить труды и умереть за вѣру наравнѣ съ товарищами моими, храбрыми Алексопольцами».

Подпоручикъ Шакальскій, оставаясь какъ бы волонтеромъ при полку, съ необыкновеннымъ усердіемъ исполнялъ все обязанности службы и во время осады крѣпости Силистріи служилъ примѣромъ храбрости, ходилъ съ охотниками и просилъ позволенія, при всякомъ нарядѣ чиновъ Алексопольскаго полка въ траншеи, раздѣлять съ ними опасности.

8-го іюня Подпоручикъ Шакальскій, находясь въ траншеяхъ, размѣстилъ около себя штуцерныхъ, слѣдилъ за каждымъ выстрѣломъ и поощрялъ стрѣлковъ за каждый вѣрный выстрѣлъ.

Непріятельская штуцерная пуля поразила въ голову храбраго и доблестнаго Подпоручика Шакальскаго, который черезъ полчаса послѣ полученной имъ раны померъ.

82.

Такъ какъ 3-й стрѣлковый батальонъ не ходилъ въ траншеи въ полномъ его составѣ, а посылаемы были роты, то и знамя батальона оставалось въ лагерѣ осаднаго корпуса при оставшихся ротахъ.

Знаменщикъ, унтеръ-офицеръ Пименъ Фетисовъ, не желая отставать отъ другихъ своихъ товарищей, со слезами упрашивалъ, чтобы ему позволено было ходить въ траншею со штуцеромъ.—«Могу ли я съ честью носить знамя, если не буду въ огнѣ!»

Отличный унтеръ-офицеръ, во все время нахождения въ траншеяхъ, показалъ себя храбрымъ и отличнымъ стрѣлкомъ.

83.

22-го мая 1854 года, при осадѣ крѣпости Силистріи, когда осадныя работы наши при-

близилась къ передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, чтобы облегчить дальнѣйшіе подступы и съ меньшею потерей людей и времени вѣнчать контръ-эскарпъ турецкаго укрѣпленія. — посредствомъ фугаса была взорвана часть пространства земли между траншеею и ровомъ непріятельскаго укрѣпленія.

Едва оглушительный трескъ отъ взрыва затихъ, какъ Турки открыли страшный огонь съ крѣпости и съ передовыхъ укрѣпленій. Всѣ батареи наши, устроенныя въ траншеяхъ, отвѣчали сильнымъ огнемъ.

Два сапера бросились въ воронку взрыва для вѣнчанія гребня оной.

Стрѣлокъ 5-го стрѣлковаго батальона, Донатъ Михайловъ пошелъ вслѣдъ за саперами.

«Вы, братцы, — говорилъ стрѣлокъ саперамъ, — вы дѣлаете свое дѣло — ставьте туры да фашины; а я буду стеречь, чтобы красноголовые вамъ не мѣшали!»

Не смотря на сильный непріятельскій огонь, храбрый стрѣлокъ, прикрываясь то туромъ,

то фашиной, не допустилъ непріятельскихъ стрѣлковъ приблизиться къ воронкѣ взрыва, которая въ скорости занята была нашими войсками.

5-го стрѣлковаго стрѣлокъ Донатъ Михайловъ и 4-го сапернаго батальона унтеръ-офицеръ Королевъ и рядовой Илья Черниковъ награждены знаками военного ордена.

Вд.

Въ ночь съ 7-го на 8-е іюня, на лѣвомъ флангѣ осадныхъ нашихъ работъ при кр. Силистріи, противъ нагорнаго укрѣпленія находилась рота Охотскаго егерскаго полка.

Едва смерклось, какъ Турки открыли сильный огонь съ своихъ укрѣпленій и ружейный огонь изъ-за траншей, соединявшихъ передовыя ихъ укрѣпленія.

При самомъ началѣ стрѣльбы, унтеръ-офицеръ Федоръ Иващенко былъ раненъ пулею въ голову. Не дозволивъ никому провозить себя къ перевязочному пункту, Ива-

щенко отправился туда одинъ.— Когда перевязка была окончена, храбрый унтеръ-офицеръ просилъ позволенія идти къ ротѣ. Не смотря на убѣжденіе доктора, унтеръ-офицеръ Федоръ Иващенко, забравъ свою амуницію, вернулся къ ротѣ и оставался въ траншеяхъ до смѣны полка, служа примѣромъ своимъ товарищамъ.

85.

При нападении шести сотъ Турокъ 14-го июня 1854 года, на команду казаковъ, изъ тридцати четырехъ человекъ состоящую, той же сотни артельщикъ и хлѣбопеки, приказный Шульгинъ и казаки Курилинъ, Кудиновъ и Шелоплотовъ, находившіеся на упраздненномъ Сульдовскомъ казачьемъ посту, въ трехъ четвертяхъ версты отъ команды, для выпеченія хлѣба, услышавъ выстрѣлы, оставили безопасное мѣсто и, сѣвъ на лошадей, бросились на помощь атакованнымъ товарищамъ своимъ, но на пути были отрѣзаны отъ команды, и рѣшились пробиться сквозь толпы, ихъ

окружавшія. При этомъ приказный Шульгинъ, раненый пулею въ ногу, упалъ съ лошади, но не уронилъ ни пика, ни ружья и, почти ползая на колѣняхъ и отбиваясь на все стороны, успѣлъ присоединиться къ командѣ; а казакъ Кудиновъ, бывъ окруженъ сорока или болѣе Турками, до тѣхъ поръ съ неустрашимостью защищался отъ нападавшихъ на него, пока не вонзилъ пика въ одного изъ нихъ, и въ это время самъ былъ раненъ двумя пиками, но, не теряя присутствія духа, схватилъ ружье и, убивъ заграждавшаго ему путь Курда, раненый ускакалъ въ Ахалкалаки; Курилинъ же, пробиваясь къ командѣ, когда пробилъ одному изъ Турокъ пикою голову, и увлеченъ былъ на землю паденіемъ его, саженьяхъ во ста отъ мѣста, гдѣ команда была атакована, присѣвъ за камень, все время атаки защищался отъ нападавшихъ то пикою, то стрѣляя изъ ружья; одинъ Шелоплотовъ, пробившись сквозь толпу непріятеля, присоединился верхомъ къ командѣ не бывъ раненъ.

86.

Другой примѣръ отваги и рѣшимости представляетъ необыкновенный поступокъ урядника Морозова № 37-го полка, находящагося въ составѣ дѣйствующей арміи на Дунаѣ. О немъ командиръ полка, Полковникъ Шапошниковъ доноситъ войсковому дежурству слѣдующее: «по полученнымъ свѣдѣніямъ, что турки заняли Букарестъ, урядникъ Морозовъ, состоявшій въ 4-й сотнѣ, которая была прикомандирована для развѣдыванія о неприятелѣ въ сел. Маредомняску, вызвался охотникомъ и отправился въ Букарестъ. Морозовъ, объѣхавши весь городъ, узналъ, что двѣсти турокъ и наша находилась въ городѣ, и что къ четыремъ часамъ пополудни, 26-го числа, ожидали въ городъ Букарестъ пятнадцать тысячъ турецкаго войска; въ городѣ видѣлъ французскихъ, венгерскихъ и польскихъ офицеровъ и турецкихъ солдатъ; для ожидаемыхъ въ Букарестъ неприятельскихъ

войскъ заготовлено было пятнадцать тысячъ окъ хлѣба.» Необыкновенный, по своей отважности, поступокъ Морозова, былъ доведенъ до свѣдѣнія г. Генераль-Адъютанта графа Андреа-Эльмита и, по ходатайству Его Сіятельства, г. Командующій войсками изволилъ пожаловать уряднику (Николаевской станицы) Василью Васильеву Морозову знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія.

87.

Во время войны съ турками въ 1854 году, въ Журжинскомъ отрядѣ, 25-го іюня, Колыванскаго егерскаго полка 8-я рота, находясь продолжительное время въ цѣпи, разстрѣляла патроны; данъ былъ сигналъ смѣнить цѣпь. — Въ то время, когда одна цѣпь проходила другую, командиръ 8-й роты, находившійся на флангѣ, былъ раненъ въ ногу и упалъ. — Замѣтивъ это, нѣсколько турокъ окружили раненаго.

Фельдфебель *Богдановъ*, унтеръ-офицеръ *Степановъ* и рядовой *Мацарскій* бро-

сились на выручку своего начальника и, не смотря на числительное превосходство турокъ, храбрые егеря пробились къ раненому Штабсъ-Капитану и вырвали его изъ рукъ непріятельскихъ.

Изъ трехъ молодцовъ уцѣлѣлъ одинъ фельдфебель, который, отбиваясь отъ турокъ, донесъ своего ротного командира до цѣпи; рядовой *Мацарскій* былъ заколотъ, а унтеръ-офицеръ *Степановъ* тяжело раненъ.

88.

3-го февраля 1854 года, по распоряженію Генералъ - Адъютанта Шильдера, съ батареи, устроенной на островъ *Радоманъ*, былъ открытъ огонь по непріятельской Рущукской флотиліи, сосредоточенной въ устьѣ р. *Ломъ*.

Фейерверкеръ батарейной № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады *Илья Михайловъ*, замѣтивъ, что нѣсколько удачно попавшихъ непріятельскихъ ядеръ большого

калибра разрушили наружную земляную одежду одной изъ амбразуръ, изъ которой орудіе наше дѣйствовало по флотиліи, не смотря на сосредоточенный огонь Рущукскихъ батарей, влѣзь въ амбразуру и съ совершеннымъ спокойствіемъ занялся исправленіемъ оной, подшучивая надъ опасностію, которой подвергался.

Непріятельское ядро вырвало молодца изъ рядовъ храбрыхъ : удалому фейерверкеру оторвало обѣ ноги.

Фейерверкеръ *Илья Михайловъ* получилъ въ награду знакъ военного ордена.

89.

Въ сраженіи при Кюрукъ - Дара, во время самой жестокой схватки, одинъ лифійный нашъ казакъ увидѣлъ въ рядахъ непріятеля весьма красивый значекъ, непременно захотѣлъ взять его, а потому началъ ломиться въ непріятельскую толпу, добираясь до значка. Другой казакъ, видя неминуемую опасность, которой подвергался его

товарищъ, схватилъ и остановилъ его ; но тотъ, вмѣсто благодарности, которой послѣдній вправѣ былъ отъ него ожидать за спасеніе его отъ вѣрной смерти, обернувшись, началъ его бранить самымъ энергичнымъ образомъ ; значекъ же, между тѣмъ, исчезъ у нихъ изъ глазъ, и попалъ въ руки другихъ ихъ товарищей. Раздосадованный линѣецъ горько послѣ этого жаловался своему офицеру, что онъ чрезъ услугу своего товарища, о которой онъ его не просилъ, упустилъ самый лучший и красивый значекъ.

90.

Вскорѣ послѣ сраженія 24-го іюля 1854 года, командиръ гренадерскаго полка, Полковникъ князь Тарханъ-Мору поѣхалъ въ вагенбургъ, чтобъ посѣтить раненыхъ своего полка. Подѣзжая къ госпиталю, князь замѣтилъ рядоваго 2-й гренадерской роты Верещагина ; онъ бодро и весело расхаживалъ возлѣ одной палатки, въ шинели, на-

дѣтой въ накидку. Никакъ не полагая, что онъ раненъ, и желая сдѣлать ему выговоръ за безпорядокъ одежды, командиръ полка спросилъ строго : что онъ тамъ дѣлаетъ и зачѣмъ не при своей ротѣ. Верещагинъ распахнулъ шинель, и показалъ, что у него отрѣзана рука. Грустно и больно было смотрѣть на молодого, цвѣтущаго здоровьёмъ солдата съ отрѣзанной рукой, но отраднo было видѣть въ немъ столько бодрости послѣ потери руки ! . . .

91.

Въ битвѣ на Джела-Гельскихъ высотахъ, близъ Баязета, въ минуту общаго пораженія Турокъ, ружейною пулею была повалена лошадь подъ Штабсъ-Капитаномъ Аксамитнымъ, заскакавшимъ въ тылъ опрокинутому неприятелю. Офицеръ этотъ, до половины тѣла придавленный конемъ своимъ, лежалъ на землѣ, употребляя послѣднія силы, чтобъ освободиться изъ-подъ гнетущаго его бремени. Въ пылу общей рѣзни никто не за-

мѣтилъ его паденія; смерть видимо парила подъ нимъ; два непріятельскіе солдата, на бѣгу одинъ за другимъ, почти въ упоръ выстрѣлили по немъ, — но конь, предсмертнымъ движеніемъ поднявъ голову, принялъ на себя двѣ смертельныя пули, предназначенныя всаднику. Штабсъ-Капитанъ Аксамитный, и въ этомъ положеніи, — съ пистолетомъ въ рукахъ, — казался еще неприступнымъ. Въ него стрѣляли, но никто однакожь не рѣшался рубить его. Но наконецъ, увы! послѣдняя опора, на которую онъ такъ надѣялся, измѣнила ему. Пистолеть его осыкъся. Бѣгущій непріятель готовъ былъ уже ринуться на лежащаго, который погибъ бы неминуемо, еслибъ въ это время, вслѣдъ за непріятелемъ, не явился Полковникъ Хрещатицкій съ казаками своими. Урядникъ Елисей Сучковъ, первый замѣтилъ опасное положеніе Штабсъ-Капитана Аксамитнаго, котораго зналъ прежде. Стремглавъ бросился къ нему Сучковъ и явился предъ изумленнымъ офицеромъ съ словами: «Ваше Благородіе, вы ранены?» — Кажется, что нѣтъ,

отвѣчалъ офицеръ. «Ну, Богъ васъ хранилъ, Ваше Благородіе, видно не пришла ваша очередь. Какъ же, эти бусурманы стрѣляли по васъ, по лежащему, какъ въ мишень!» Говоря это, урядникъ соскочилъ съ коня, вытащилъ офицера изъ-подъ убитой лошади, передалъ его на стремя бывшему тутъ казаку Артему Амирову, сказавъ: «смотри, Артемушка, ступай скорѣе, конь твой, кажется, ничего, авось вывезетъ Его Благородіе! вишь какъ сыплетъ картечью.» Когда же офицеръ, съ чувствомъ признательности за спасеніе свое, просилъ Сучкова принять кошелекъ съ деньгами, тотъ отвѣчалъ рѣшительно: «что хотите Ваше Благородіе, а денегъ не возьму: грѣхъ! меня за это Богъ накажетъ, да и Царь спасибо не скажетъ.» Такимъ образомъ совершился одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ спасенія, когда всякая надежда на спасеніе была невозможна! — Должно сказать, что еще прежде, предъ началомъ рѣшительнаго боя, въ жаркой кавалерійской схваткѣ съ Баши-Бузуками и Арабами, —

офицеръ этотъ едва не погибъ, свалившись съ лошадыю въ оврагъ; но молитвы его старушки - матери видимо хранили въ тотъ день нашего храбреца. Онъ остался невредимымъ, получивъ только легкую контузію въ лѣвую ногу.

92.

Въ Журжинскомъ отрядѣ, 22-го января 1854 года, Томскаго егерскаго полка, 8-й роты рядовой Михайло Ларіоновъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ, но въ продолженіе дѣла мѣста своего не оставлялъ. По прибытіи на бивуакъ, Ларіоновъ отъ большой потери крови такъ ослабъ, что невольно усвоилъ себѣ мысль о скорой смерти. Рота присудила храброму егерю орденъ Св. Георгія.

«Спасибо товарищи, — говорилъ Ларіоновъ, — не жить мнѣ между вами, не носить ордена, дайте крестъ достойному; а если Богу будетъ угодно сохранить меня, то я постараюсь заслужить крестъ.»

Рядовой Ларіоновъ излечился отъ раны и 25 іюня, въ продолженіи всего дѣла, постоянно веселый, находился впереди роты и примѣромъ своимъ воодушевлялъ всѣхъ.

93.

8-й егерской роты рядовой Гаврило Поруленко, въ дѣлѣ 25-го іюня, былъ раненъ пулею въ руку и отправленъ на перевязочный пунктъ. По окончаніи перевязки, Поруленко собралъ патроны у раненыхъ и вернулся къ ротѣ, которая была въ сильной перестрѣлкѣ; оставивъ часть патроновъ у себя, остальные онъ роздалъ товарищамъ.

Спустя нѣсколько времени, Поруленко былъ сильно контуженъ; но, не смотря на страданія, желая дострѣлять патроны, оставался въ строю до конца дѣла.

94.

4-й карабинерной роты, Томскаго егерскаго полка Архипъ Касьяновъ, 25-го іюня

раненый въ ногу, былъ захваченъ Турками, отведенъ въ лодку и оставленъ подъ надзоромъ гребцовъ. Архипъ Касьяновъ предпочитая явную смерть плѣну у Турокъ, уловивъ минуту, когда вниманіе гребцовъ было обращено на сраженіе, бросился въ Дунай и, не смотря на рану, благополучно переплылъ на островъ *Чорой*.

95.

Въ Журжинскомъ отрядѣ, 25-го іюня 1854 года, Турки, подъ покровительствомъ огня съ Руссукскихъ батарей, начали переправляться съ праваго берега Дуная на островъ *Радоманъ*.

При огромности перевозныхъ способовъ, которыми владѣлъ непріятель, переправа шла безостановочно; высадившіеся на *Радоманъ* Турки, безпрестанно поддерживаемые вновь прибывающими войсками, быстро распространились по острову.

Батальоны Томскаго егерскаго полка, подкрѣпленные двумя батальонами Тоболь-

скаго пѣхотнаго полка, выбивая Турокъ изъ одной позиціи на другую, отбѣснили ихъ къ самой оконечности острова.

Во время общей атаки, барабанщикъ 2-й гренадерской роты Тобольскаго пѣхотнаго полка былъ убитъ. Прапорщикъ Ширмо-Щербинскій, находясь передъ фронтомъ своего взвода, поднялъ барабанъ и продолжалъ бить наступленіе. Пораженный осколкомъ гранаты въ лѣвое плечо съ раздробленіемъ кости, Прапорщикъ Щербинскій, бросивъ барабанъ, взялъ у горниста горни и, оставаясь впереди роты, трубилъ наступленіе. Дружно ударили въ штыки храбрые Тобольцы и опрокинули непріятели. Послѣ молодецкой атаки, Прапорщикъ Щербинскій, совершенно изнемогшій отъ раны, позволилъ отнести себя на перевязочный пунктъ, взявъ слово съ Тобольскихъ гренадеръ отомстить за его рану.

Сдержали слово Тобольцы: съ необычайною отвагою произведены были ими послѣдующія атаки.

Прапорщикъ Ширмо - Щербинскій умеръ отъ раны.

96.

25-го іюня, во время переправы Турокъ на лѣвый берегъ Дуная, была разсыпана цѣпь стрѣлковъ Томскаго егерскаго полка по обѣимъ сторонамъ батареи, устроенной ниже Журжи.

Подпоручикъ Самойловъ, находясь въ цѣпи, замѣтилъ одного Турка, рѣзко отличавшагося огромнымъ ростомъ и силою, который удачно отбивался штуцеромъ отъ трехъ нашихъ егерей. Видя неудачныя попытки Томцевъ побороть Турка и боясь, чтобы онъ не ушелъ отъ нашихъ въ виду цѣпи, Подпоручикъ Самойловъ схвативъ съ земли ружье, кинулся на великана и ловкимъ ударомъ сбилъ его съ ногъ.

Турокъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Послѣ сего, не смотря на полученную рану штыкомъ въ руку, Подпоручикъ Самойловъ, называя рану царапиною, оставался во фронтѣ и, по приказанію командира батальона, собравъ застрѣльщиковъ въ камы-

шахъ, атаковалъ непріателя, успѣвшаго высадиться на лѣвый берегъ, и опрокинулъ Турокъ, при чемъ былъ раненъ пулею въ ногу. Пуля осталась въ ногѣ.

Докторъ нашелъ возможность вырѣзать пулю, и, приступая къ операціи, совѣтовалъ Подпоручику Самойлову понюхать хлороформу.

Раненый отказался отъ хлороформа и съ полнымъ хладнокровіемъ выдержалъ операцію, по окончаніи которой возвратился къ ротѣ, гдѣ и оставался до конца дѣла.

97.

16-го Апрѣля 1854 года, Турки сдѣлали высадку на лѣвый берегъ Дуная противу Турно.

6-й мушкетерской роты Тобольскаго пѣхотнаго полка рядовые Францъ Кокошникъ и Василій Киселевъ находились въ лазаретѣ. Услышавъ тревогу, они поснѣшно встали, вооружились и, не смотря на слабость лихорадочную, бросились бѣгомъ къ сборному пункту и стали въ ряды 12-й роты.

Началось наступление ; рота была назначена на приступъ занятыхъ непріателемъ насыней. «Ну, товарищи, — говорилъ Киселевъ, — мы съ землякомъ 2-го батальона не были подъ *Четати* и не кололи бусурмана, — а здѣсь себя покажемъ!...»

Мушкетеры дѣйствительно показали себя молодцами : Кокошникъ за храбрость заплатилъ жизнью , а Киселевъ былъ раненъ въ руку ; но до окончанія дѣла постоянно находился во фронтѣ впереди.

Увлеченные примѣромъ Кокошника и Киселева, рядовые Тобольскаго пѣхотнаго полка: Петръ Макѣенко, Иванъ Кирца, Филиппъ Борисовъ, Аонасіи Черновъ, Ефремъ Небыденко, Ефимъ Никифоровъ, Федоръ Казачекъ, Корней Греценко, Тихонъ Побережный, Иванъ Герасименко, Гурій Ивановъ и Марко Малышъ, находившіеся въ лазаретѣ , услыжавъ стрѣльбу , неотступно просили у штабъ-лѣкаря стать во фронтъ. «Разъ человекъ рождается — разъ и умираетъ, — говорили солдаты, — чѣмъ умирать

отъ болѣзни — лучше умереть отъ вражьей пули, — добромъ помянуть!»

Больнымъ дозволено было присоединиться къ своимъ товарищамъ; изъ нихъ Марко Малышъ убитъ, Гурій Ивановъ раненъ; остальные, по окончаніи дѣла, вернулись снова въ лазаретъ.

39.

Того же 16-го апрѣля 1854 года, Турки, переправившись противу *Турно*, держались за остатками насыней, бывшихъ на лѣвомъ берегу Дуная.

4-я Гренадерская и 12-я мушкетерская роты Тобольскаго пѣхотнаго полка приступомъ овладѣли укрѣпленіями и опрокинули Турокъ къ рѣкѣ.

Непріатель, покровительствуемый огнемъ батареи кр. *Никополя*, переправлялся на правый берегъ Дуная. Одна изъ лодокъ, пробитая нашимъ ядромъ, не успѣвъ отплыть 50 шаговъ отъ лѣваго берега, вмѣстѣ съ находившимися на оной людьми начала тонуть.

Рядовой 12-й мушкетерской роты Сидоръ Ревлюкъ, замѣтивъ, что лодка идетъ ко дну, просилъ позволенія у ротнаго командира спасти тонувшихъ.

Получивъ разрѣшеніе командира роты, Сидоръ Ревлюкъ, не смотря на сильный огонь съ Никопольскихъ батарей, подойдя къ берегу, знаками давалъ знать Туркамъ, чтобы они бросили оружіе свое въ воду. Турки бросили оружіе и также знаками умоляли о спасеніи. Ревлюкъ, сбросивъ съ себя одежду, кинулся въ воду, вплавъ достигъ онъ лодки и, привязавъ переданный ему канатъ къ рулю, поплылъ обратно къ берегу, таща за собою лодку съ 50-ю Турками, изъ числа которыхъ было 30-ть человекъ живыхъ и 20 убитыхъ.

Выйдя на берегъ, плѣнные Турки, подымая руки къ небу и прикладывая лице свое къ плечу Сидора Ревлюка, изъявляли благодарность своему избавителю.

Рота присудила Сидору Ревлюку орденъ Св. Георгія, а начальникъ отряда приказалъ произвести его въ унтеръ-офицеры. Сидоръ Ревлюкъ просилъ, чтобы его оставить рядовымъ, говоря: «я предпочитаю быть лучшимъ въ ротѣ солдатомъ, чѣмъ обыкновеннымъ унтеръ-офицеромъ.»

90.

Подвиги морскихъ чиновъ въ Севастополь.

Контръ-Адмиралъ Юхаринъ завѣдывалъ всеми батареями второй дистанціи. Съ особенною заботливостью и рѣдкою распорядительностью снабжалъ батареи снарядами и исправлялъ на нихъ поврежденія. Былъ раненъ осколкомъ бомбы, но чрезъ три дня снова явился на четвертый бастионъ, гдѣ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, находился постоянно днемъ и ночью, служа прекраснымъ примѣромъ непоколебимой храбрости и хладнокровія.

Флотскихъ экипажей Капитанъ-Лейтенанты: 41-го, Духачевъ; 35-го, Князь Бяратинскій; 32-го, Поповъ; Лейтенанты: 35-го, Криднеръ; 41-го, Жандръ; состоящій по флоту Шестаковъ; корпуса морской артиллеріи Штабсъ-Капитанъ Пестичъ.

Штабъ- и Оберъ-Офицеры сіи, состоя первоначально при покойномъ Генераль-Адъютантѣ Корниловѣ, а потомъ при Вицъ-Адмиралѣ Станюковичѣ, постоянно были употребляемы какъ благонадежные и храбрые офицеры. Они всегда исполняли все порученія на батареяхъ, подъ сильнымъ неприятельскимъ огнемъ, съ самоотверженіемъ и требуемою точностью; сверхъ того каждый изъ нихъ имѣлъ отдѣльные порученія по частямъ снабженія различными потребностями батарей, что исполняли во все время съ отличнымъ успѣхомъ.

Капитанъ 4-го ранга, 33-го, Микрюковъ; Капитанъ - Лейтенантъ,

31-го, Хомутовъ. Съ неутомимою дѣятельностью и неусыпнымъ рвеніемъ исполняли свою должность подъ неприятельскимъ огнемъ, и собственнымъ примѣромъ храбрости одушевляли своихъ подчиненныхъ.

31-го флотскаго экипажа Капитанъ-Лейтенантъ Гувениусъ завѣдывалъ всею артиллеріею на первой дистанціи, до бомбардированія и по 7-е число октября 1854 года привелъ артиллерію въ блестящій видъ и порядокъ, а въ первые два дня бомбардированія выказалъ отличную храбрость и распорядительность. Октября 5-го, сильно контуженный въ голову и раненный въ лице осколками, онъ былъ отнесенъ безъ чувствъ въ госпиталь.

35-го флотскаго экипажа Капитанъ-Лейтенантъ Князь Ширинскій-Шихматовъ завѣдывалъ артиллеріею по всей первой дистанціи оборонительной линіи, вступивъ въ эту обязанность послѣ Капитанъ - Лейтенанта Гувениуса. Примѣрною храбростью своею и

распорядительностью служилъ отличнымъ примѣромъ своимъ подчиненнымъ.

Лейтенанты флотскихъ экипажей : 29-го, Янушевскій, и 31-го, Князь Максумовъ.

Находясь при начальникѣ дистанціи, безпрерывно передавая его приказанія, постоянно бывали подъ сильнымъ огнемъ непріателя, и дѣйствовали съ примѣрнымъ самоотверженіемъ и усердіемъ. Первый контужень 12 октября.

34-го флотскаго экипажа Капитанъ 1-го ранга Варницкій, каждую ночь, съ вѣреннѣмъ ему батальономъ, составляя прикрытіе батареи выдерживалъ сильный огонь непріателя, и собственнымъ примѣромъ мужество одушевлялъ своихъ подчиненныхъ, готовыхъ каждую минуту молодецки отстоять свой постъ. Контужень 9 октября.

44-го флотскаго экипажа Капитанъ 2-го ранга Соковнинъ, находясь на батарее,

дѣйствуя днемъ и ночью противъ непріателя и подвергая себя убійственному огню, постоянно оказывалъ примѣръ отличной храбрости.

37-го флотскаго экипажа Капитанъ 2-го ранга Спицынъ 1-й, каждую ночь, съ вѣреннымъ ему батальономъ, составляя прикрытіе батареи, выдерживалъ сильный огонь непріателя, и собственнымъ примѣромъ мужества воодушевлялъ своихъ подчиненныхъ, готовыхъ каждую минуту молодецки отстоять свой постъ. Контужень 12 октября, но не оставлялъ своего поста.

Капитанъ-Лейтенанты флотскихъ экипажей : 30-го, Стройниковъ; состоящій по флоту Дипкинъ, и 42-го, Завадовскій.

Штабъ-Офицеры сии, находясь на батареяхъ, дѣйствуя днемъ и ночью противъ непріателя, подвергая себя убійственному его огню, постоянно оказывали примѣръ отличной храбрости. Первый изъ нихъ ранень 7-го, а второй 11 октября.

Лейтенанты : 32-го, Стронскій ; 39-го, Реймерсъ, и 37-го, Сарычевъ 3-й.

Каждую ночь находясь при своихъ батальонахъ въ прикрытіи батарей, выдерживали сильный огонь непріятели, и собственнымъ примѣромъ мужества одушевляли своихъ подчиненныхъ, готовыхъ каждую минуту молодецки отстоять свой постъ.

Корпуса флотскихъ штурмановъ Прапорщикъ Воронцовъ 1-й, находясь постоянно на валу подъ выстрѣлами непріятели, наблюдалъ движенія его.

Ластовыхъ командъ Майоръ Гудима, находясь на батарее, дѣйствуя днемъ и ночью противъ непріятели, и подвергая себя убійственному его огню, постоянно оказывалъ примѣръ отличной храбрости.

Капитанъ Краевскій. Офицеру этому поручена уборка съ батареей раненыхъ и убитыхъ, что исполнялъ онъ во все время,

подъ непріятельскимъ огнемъ, съ самоотверженіемъ.

30-го флотскаго экипажа Капитанъ 1-го ранга и командиръ корабля «Ягудилъ», Кислинскій 1-й. Корабль «Ягудилъ», находясь на позиціи противъ южной бухты, съ 5-го по 10-е октября, выдерживалъ самый жестокий перекрестный огонь, подвергаясь быть сожженнымъ калеными ядрами и конгревовыми ракетами, которыя видимо были направлены только противъ корабля, загоравшагося въ продолженіе шести дней девять разъ. Одно хладнокровное распоряженіе Капитана, во время загоранія какъ самаго корабля, такъ и близъ стоящихъ его блокшифовъ, спасло корабль. Во время пожаровъ дѣйствіе артиллеріею съ корабля не прекращалось; офицеры и нижніе чины съ охотою шли въ самую опасность, что служить доказательствомъ лучшей степени доведеннаго на корабль порядка и военной дисциплины. Кромѣ того, ему было поручено до 5-го числа привести правый флангъ въ оборони-

тельное положеніе, и наконецъ самая оборона. Подъ собственнымъ его надзоромъ и его командою устроены были четыре батареи и укомплектованы съ корабля офицерами и прислугою. Всѣ эти батареи, изъ которыхъ двѣ выстроены во время бомбардированія города, находились въ отличномъ порядкѣ и исправлялись средствами корабля. Въ дополненіе сего, корабль успѣвалъ снабжать снарядами находящіяся на дистанціи батареи, и посылалъ людей съ офицерами, 6-го и 7-го октября, для дѣйствія орудіями на бастіонъ № 3-й, по случаю большой убыли прислуги отъ орудій.

41-го флотскаго экипажа Капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ, командуя всѣми батальонами и батареями, на Бомборской высотѣ расположенными, что составляло лѣвый флангъ позиціи, выказалъ себя самымъ дѣятельнымъ, распорядительнымъ и лично храбрымъ. Завѣдываемыя имъ батареи доведены были до такой дисциплины и стройности, что когда въ первый день бомбардированія взорвало

погребъ, при чемъ убило и ранило до 150 человѣкъ, его слова было достаточно, чтобы въ самое скорое время всѣ орудія были укомплектованы новою прислугою и большей частью охотниками, матросами изъ батальоновъ. Будучи контуженъ въ первый разъ, онъ не оставлялъ своего мѣста, но другая болѣе сильная контузія была причиною, что его отнесли въ госпиталь.

38-го флотскаго экипажа Капитанъ 2-го ранга Винкъ. Еще въ первый день бомбардированія онъ заступилъ мѣсто раненаго Капитана 1-го ранга Ергомышева, вступивъ въ командованіе батальонами и батареями на Бомборской высотѣ. Состоя главнымъ помощникомъ дистанціоннаго начальника, въ продолженіе двѣнадцати дней безотлучно находился на бастіонѣ № 3-й, на которомъ въ его глазахъ перемѣнилось семь батарейныхъ командировъ, убитыхъ и раненыхъ, и будучи самъ нѣсколько разъ легко раненъ и контуженъ, подавалъ примѣръ мужества офицерамъ и прислугѣ у орудій. Весь день •

находился при орудіяхъ, а ночью исправлялъ поврежденія, распоряжаясь храбро, дѣятельно и усердно.

Капитанъ 2-го ранга Попадопуло, состоя командиромъ бастіона № 3-й, былъ раненъ осколкомъ бомбы въ щеку, но, не смотря на просьбы офицеровъ отойти для перевязки раны, не сходилъ съ бруствера подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, сказавши, что пока ноги его еще будутъ цѣлы, онъ не спустится за брустверь и умретъ на немъ, и только сошелъ на минуту, чтобъ отправить въ госпиталь сына своего, которому раздробило руку и сильно контузило въ животъ; поручивъ сына заботамъ одного изъ офицеровъ, продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ; но послѣ, сильно контуженный ядромъ, упалъ и былъ отправленъ въ госпиталь.

45-го флотскаго экипажа Капитанъ 2-го ранга Никоновъ завѣдывалъ батареею въ осемнадцать орудій, на которой находился

во время бомбардированія безотлучно. Прчмѣрною храбростью своею и мужествомъ довелъ людей, какъ на батарее, такъ и въ батальонѣ, до совершенства въ смѣлости, дѣятельности и любви къ военному дѣлу. Порядокъ на батарее былъ примѣрный. Первые семь дней, по недостатку войскъ въ отрядѣ, исправлялъ батарею, замѣнялъ прислугу, подносилъ снаряды и воду, перемѣнялъ подбитыя орудія—все своими средствами, и въ центрѣ позиціи былъ дѣятельнымъ помощникомъ.

Лейтенантъ 38-го флотскаго экипажа Ивковъ. Принялъ въ командованіе бастіонъ № 3-й, послѣ шести командировъ, убитыхъ и раненыхъ, контуженъ легко, но не оставлялъ своего мѣста и содержалъ бастіонъ № 3-й въ большомъ порядкѣ. Другая сильная контузія принудила его отправиться въ госпиталь.

30-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Прокоповичъ состоялъ на кораблѣ «Ягудіилъ»

старшимъ офицеромъ , и должность свою исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ; съ 5-го по 11-е октября 1854 года показалъ неусыпную дѣятельность подъ выстрѣлами, которыми непріятель осыпалъ корабль. Онъ былъ тамъ первый , гдѣ корабль загорался, и подавалъ примѣръ другимъ, удерживая военный порядокъ и дисциплину, заботясь въ то же время о снабженіи береговыхъ батарей снарядами.

34-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Саренко. На корабль «Ягудиль», подъ выстрѣлами непріятеля, исправлялъ вахту съ 5-го по 11-е октября; все отдаваемыя ему по службѣ приказанія исполнялъ съ усердіемъ, и временно командовалъ новою батареею на городской стѣнѣ, на высотѣ южной бухты.

Корпуса морской артиллеріи : Штабсъ-Капитанъ Станкевичъ. Въ первый день бомбардированія, когда выбыли на третьемъ бастионѣ все артиллерійскіе офицеры, онъ вы-

звался охотникомъ туда , не смотря что былъ нуженъ на корабль. Тамъ онъ находился двое сутокъ и, будучи сильно контуженъ въ шею, не хотѣлъ оставить службы; ему поручено было снабженіе батареей порохомъ ; эту обязанность онъ исполнялъ прекрасно.

Прапорщикъ Алексѣевъ показалъ усердіе и расторопность на службѣ , за что назначенъ командиромъ четырехъ-пушечной батареи, находящейся на пересыни южной бухты, и дѣйствующей по направленію почтовой дороги. Благоразуміемъ своимъ онъ сохранялъ прислугу отъ разрывавшихся весьма часто надъ пересыню бомбъ.

Корпуса флотскихъ штурмановъ Штабсъ-Капитанъ Семеновъ. Этому офицеру поручено было снабженіе батареей снарядами и разными артиллерійскими припасами. Онъ дѣятельно и храбро выполнялъ свою обязанность, находясь постоянно подъ ядрами и бомбами, и батареи ни въ чемъ не имѣли нужды.

Командующій 36-мъ флотскимъ экипажемъ, Капитанъ-Лейтенантъ Воеводскій. Распорядительностью своею и неутомимою бдительностью много способствовалъ къ успѣху военныхъ дѣйствій на 4-й дистанціи, служа постоянно для нижнихъ чиновъ примѣромъ самоотверженія и отличной храбрости.

36-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Ершовъ. Командуя батареею, дѣйствовалъ отлично противъ непріятели, и, подвергая себя сильному его огню, показывалъ примѣръ отличной храбрости и неутомимости.

41-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Сенивинъ. Командуя батареею дѣйствовалъ отлично противъ непріятели, и, подвергая себя сильному его огню, показывалъ примѣръ отличной храбрости и неутомимости. Раненъ въ голову.

Командиръ 19-го рабочаго экипажа, Подполковникъ Арцыбашевъ. Въ первый день бомбардированія былъ контуженъ въ спину,

не оставлялъ своего мѣста, подавая собою примѣръ неустрашимости прислугѣ у орудій, и тогда только сошелъ съ башни, когда всѣ орудія на ней были подбиты. 7-го числа вторично былъ контуженъ въ спину, и не оставилъ своего мѣста.

Командиръ 31-го флотскаго экипажа, Капитанъ 1-го ранга Бартеневъ. Завѣдывая всѣми батареями сѣверной стороны, по порученію начальства, привелъ ихъ въ совершенную исправность и прибавилъ къ нимъ новыя. Во время бомбардированія города съ моря, 5-го октября, и дѣйствія непріятельскаго флота по приморскимъ укрѣпленіямъ, выказалъ достоинства храбраго и распорядительнаго начальника, лично присутствуя при отраженіи.

29-го флотскаго экипажа Капитанъ-Лейтенантъ Реуновъ. Командуя батареею № 8, содержалъ ее въ отличномъ порядкѣ, и съ примѣрнымъ мужествомъ отражалъ непріятельскія суда.

Флотскихъ экипажей Лейтенанты: 43-го, Десятовъ, и 37-го, Папаегоровъ 2-й.

Командуя, первый—декомъ на Михайловской батарее, а второй—фасомъ на батарее № 10-й, и подавая подчиненнымъ примѣръ храбрости и самоотверженія, исполняли мужественно и съ хладнокровіемъ свои обязанности.

34-го, Швенднеръ 4-й, командуя при-морскою батареею, въ продолженіе шести мѣсяцевъ долженъ былъ часто дѣйствовать противъ непріятельскихъ судовъ. 11-го сентября, при бомбардированіи башни восемью пароходами, равно какъ и 5-го октября, искусствомъ сформированной имъ артиллеріи, наносилъ вредъ непріятелю, не позволяя ему приближаться къ берегу для обстрѣливанія рейда. 5-го октября раненъ въ голову.

43-го, Щегловъ. Командуя фасомъ Александровской батареи, дѣйствовалъ съ самоотверженіемъ; примѣромъ своимъ одушев-

лялъ ввѣренную ему команду, и мѣткими выстрѣлами наносилъ вредъ непріятелю 5-го октября.

35-го, Кузьминъ-Короваевъ. Находясь на башнѣ, подъ командою Лейтенанта Швенднера, съ отличнымъ мужествомъ исполнялъ свою обязанность, и вполне замѣнивъ его во время дѣла, раненый тремя пулями, оставался до конца дѣйствія.

Флотскихъ экипажей: Командиръ парохода «Крымъ»; 29-го, Капитанъ 2-го ранга Протопоповъ; командиръ парохода «Бессарабія»; 41-го, Капитанъ-Лейтенантъ Щеголевъ; командиръ парохода «Эльборусъ», 29-го, Лейтенантъ Асланбековъ.

Занимая съ ввѣренными имъ пароходами дистанціи для обстрѣливанія дорогъ и балокъ, дѣйствовали, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, обращенныхъ на рейдъ, съ примѣрнымъ искусствомъ. Служа для перевоза

войскъ, исполняли быстро и въ точности это важное порученіе.

41-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Вейсъ 2-й. Командовалъ отрядомъ гребныхъ судовъ, который въ началѣ употреблялся для разъѣздовъ внѣ рейда и наблюденія за движеніями непріятельскихъ судовъ. По минованіи же въ этомъ надобности, получилъ другое назначеніе; вмѣстѣ съ малыми пароходами вполне обезпечилъ сообщеніе города съ сѣвернымъ берегомъ, и былъ необыкновенно полезенъ при перевозкѣ войскъ, раненыхъ, и проч., подъ выстрѣлами непріятели; при этомъ Лейтенантъ Вейсъ въ особенности выказалъ неутомимую дѣятельность, чрезвычайное мужество и распорядительность.

Командиръ парохода «Дунай», 26-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Шафоновъ. Пароходъ «Дунай» служилъ для сообщенія сѣверной стороны бухты съ городомъ, и работалъ, почти не прекращая паровъ въ продолженіе около двухъ мѣсяцевъ; причемъ

командиръ, не имѣя въ послѣднее время помощниковъ, днемъ и ночью, съ необыкновенною дѣятельностью, усердіемъ и искусствомъ, исполнялъ возложенную на него обязанность, нерѣдко подъ непріятельскими выстрѣлами: такъ 5-го октября было поручено ему вывести изъ-подъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ транспортъ, въ коемъ хранились начиненные снаряды; онъ исполнилъ порученіе съ примѣрнымъ хладнокровіемъ, храбростью и искусствомъ.

41-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Гавришевъ 3-й. Принялъ въ командованіе свое корабль «Великій Князь Константинъ», со дня обложенія города непріателемъ, содержалъ его постоянно въ совершенной исправности, снабжая батареи орудіями, принадлежностями и снарядами, требуемыми съ корабля, съ быстротою и самоотверженіемъ подъ выстрѣлами непріятели.

33-го флотскаго экипажа Лейтенантъ Эсмантъ 2 й. Служа на пароходѣ, испол-

няли свою обязанность съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, перевозя войска и снаряды подъ выстрѣлами непріятеля.

Корпуса морской артиллеріи: Подпоручикъ Трегубовъ; Прапорщики: Говятскій и Острено.

Офицеры сіи, служа на пароходахъ, исполняли свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, перевозя войска и снаряды подъ выстрѣлами непріятеля.

Васильевъ. Арсенальныхъ ротъ Верещагинъ. Корпуса флотскихъ штурмановъ: Капитанъ Родіоновъ; Штабсъ-Капитанъ Васильевъ 2-й, Поручикъ Степановъ 2-й.

Офицеры сіи, служа на корабляхъ и пароходахъ, исполняли свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, перевозя войска и снаряды подъ выстрѣлами непріятеля.

Прапорщики: Мошкаловъ, Степановъ 4-й, Дупановъ, Порохонецкій 1-й, Албуловъ, Галь, Грекке, Машкинъ, Челищевъ, Середовичъ 2-й, Опищенко, Корпуса корабельныхъ инженеровъ Прапорщикъ Поповъ 3-й.

Офицеры сіи, служа на пароходахъ, исполняли свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, перевозя войска и снаряды подъ выстрѣлами непріятеля.

29-го флотскаго экипажа Капитанъ 1-го ранга Юрковскій. Начальникъ 4-й дистанціи, Контръ-Адмиралъ Истоминъ свидѣтельствовалъ, что, съ начала обложенія непріятелемъ города Севастополя, Капитанъ 1-го ранга Юрковскій, какъ старшій по немъ Капитанъ, постоянно ему помогалъ и содѣйствовалъ неутомимо, въ особенности же при вооруженіи батарей корабельными орудіями, не помышляя объ отдыхѣ ни днемъ, ни ночью. Своимъ вліяніемъ на подчиненныхъ, онъ изъ нихъ дѣлалъ богатырей:

матросы, работая днемъ подъ его командою, ночью шутя возили пушки съ кораблей, для новыхъ батарей или для замѣны подбитыхъ орудій. Во время бомбардированія города Севастополя, онъ постоянно находился тамъ, гдѣ непріятельскій огонь былъ сильнѣе, и матросы, видя въ немъ примѣръ неустрашимости, дѣйствовали геройски. 12-го числа Капитанъ Юрковскій раненъ и контуженъ въ голову, и не смотря на совѣтъ доктора и убѣжденія Контръ-Адмирала Истомина отправиться на квартиру для отдыха, онъ не оставилъ батареи, а лѣчился на открытомъ воздухѣ. Онъ страдалъ рожею на лицѣ; но этого достойнаго Штабъ-Офицера ничто не могло оторвать отъ своихъ обязанностей: не обращая вниманія на свой новый недугъ, онъ не отходилъ отъ орудій, пользуясь медицинскимъ пособіемъ подъ открытымъ небомъ. Капитанъ Юрковскій столько храбръ и хладнокровенъ, что начальникъ 4-й дистанціи не находилъ словъ вполне выразить его благородныя достоинства.

29-го флотскаго экипажа Капитанъ 1-го ранга Зоринъ, занимавшій во время бомбардированія города позицію на первой линіи обороны, между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, на мѣстности совершенно открытой непріятелю, примѣромъ своей личной неустрашимости и распорядительности, обратилъ на себя особенное вниманіе начальника 2-й дистанціи. Г. Вицъ-Адмиралъ Новосельскій свидѣтельствовалъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ ежедневно, что какъ офицеры, такъ и нижніе чины 29-го экипажа, одушевляемый примѣромъ г. Зорина, являли видъ замѣчательно бодрый и веселый.

91.

ПРАВДИВОЕ СЛОВО.

Останавливаясь предъ мастерскимъ изображеніемъ битвы, удивляешься смѣлости мысли художника и искусству, съ какимъ выполнена эта мысль; но скоро нами овладѣваетъ участіе къ сражающимся, и влечетъ на поле битвы; съ этого мгновенія мы смотримъ на

картину уже не тѣми глазами: колонны двигаются; до нашего слуха доходятъ громъ оружія, клики побѣды и ужаса; стоны раненыхъ болѣзненно звучатъ въ нашемъ сердцѣ, а пролитая кровь какъ будто дымится! Невольное волненіе переполняетъ душу, и бездушное полотно переселяетъ насъ въ дѣйствительность. Каковы же долженствовали быть чувства участниковъ богатырской битвы 24-го іюля 1854 года, гдѣ жизнь была — наименьшая ставка! гдѣ честь оружія, спокойствіе Кавказа и слава отечества — были на первомъ планѣ! И мы отстаивали эти священные символы одинъ противъ трехъ. Въ минуты такой борьбы, соединеніе спокойствія съ увлеченіемъ, равнодушія съ пылкостью, проникательности съ отважностью, — соединеніе этихъ качествъ я называю истиннымъ величіемъ души! Мы видѣли это величіе въ нашихъ начальникахъ, и я хочу сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ сподвижниковъ Князя Бебутова, подвиги котораго въ бою подъ Кадыкъ-Ларомъ еще свѣжи въ нашей памяти, — о генералѣ Брим-

мерѣ. — Восходящее солнце 24-го іюля озарило намъ волнистую равнину, на которой двигались колонны Александропольскаго отряда, а вокругъ него огромнымъ, чернымъ серпомъ обозначилась Турецко-Анатолійская армія, сгибавшаяся въ кольцо, какъ змѣй, собирающійся ужалить. Въ центрѣ нашей боевой линіи, противъ центра непріятельскаго, находилась Кавказская гренадерская бригада и 24 батареинныя орудія, которыми лично командовалъ начальникъ артиллеріи, Генералъ-Лейтенантъ Бриммеръ. Соединеніе лучшей нашей пѣхоты съ громадною силою трехъ батарей, и присутствіе стараго Генерала, извѣстнаго своею энергіею, предвѣщало рѣшительныя дѣйствія на этомъ пунктѣ, и мы не обманулись. Окончивъ построеніе къ бою, центръ двинулся впередъ, и первое непріятельское ядро было какъ бы сигналомъ общаго спокойствія, такъ велика увѣренность въ своей силѣ закаленныхъ въ бою Кавказскихъ войскъ, а величавый видъ начальника артиллеріи придавалъ еще болѣе увѣренности всеѣмъ его окружавшимъ. Огонь разгарался

по всей линіи; центръ стройно спускался въ пологую лощину, на противоположной сторонѣ коей стояли густыя непріятельскія колонны. Наши батареи, переходя съ позиціи на позицію, довольно рѣдко отвѣчали непріятельской артиллеріи, зная цѣну своихъ выстрѣловъ, и сберегая ихъ для рѣшительной минуты. Эта минута скоро настала: лѣвый флангъ Турокъ, находившійся въ началѣ сраженія вдали отъ насъ, и отдаленный отъ главныхъ силъ, вошелъ въ связь съ центромъ; тотчасъ противъ правой оконечности нашего центра явилась батарея, бравшая насъ во флангъ и отчасти въ тылъ; высоты съ правой стороны покрылись пѣхотой, а лощина наводнилась кавалеріей. Мы находились на разстояніи картечнаго выстрѣла отъ непріятельской линіи, громимые съ фронта и съ фланга картечью, батальнымъ огнемъ, огнемъ штуцеровъ, ядрами и гранатами; гренадеры и карабинеры стояли непоколебимо. Въ эти торжественныя минуты тысячи снарядовъ бороздили пространство и землю, сопровождая свой полетъ визгомъ, свистомъ, ши-

пнѣемъ — всеми звуками ада, и смерть быстро летала по нашимъ рядамъ! Но Генераль Бриммеръ, грозный и равнодушный, казалось, не замѣчалъ опасности: онъ внимательно слѣдилъ за дѣйствіемъ артиллеріи и передвиженіями непріятеля, и предупреждалъ его замыслы. Убѣдившись, что дѣло не можетъ продолжаться въ такомъ положеніи, онъ быстро двинулъ батареи, остановилъ ихъ въ шестидесяти саженьяхъ отъ непріятеля, и осыпалъ его картечью. — Дѣйствіе нашей артиллеріи было ужасающее: Турки кувыркались въ нашихъ глазахъ, колонны низамъ рѣдѣли, колебались, но стояли на мѣстѣ, смыкались и снова таяли! Межъ тѣмъ наша первая линія проходила интервалы батарей, и въ грозномъ молчаніи поднималась на высоты. — Тогда, подъ этимъ адскимъ огнемъ, по мановенію Гассанъ-паши (командовавшего центромъ непріятеля), полкъ Арабистанскаго низама рванулся впередъ и ринулся на 2-й батальонъ гренадеръ: впереди несли красное знамя, испещренное стихами корана, а за нимъ валили красноголовые Турки. Гренадеры,

ослабленные огромною потерей, и обремененные числом неприятеля, остановились и стали тихо отступать, удерживая натиск штыкомъ и пулей. Генераль Бриммеръ однимъ словомъ, однимъ взмахомъ руки остановилъ гренадеръ, и выдвинулъ впередъ 3-й батальонъ Эриванцевъ, который, пробѣжавъ фронтъ 2-й батарейной батареи, звѣрски врѣзался во флангъ Турокъ, а съ другой стороны взводъ 1-й батарейной батареи осыпалъ ихъ картечью; гренадеры въ свою очередь налетѣли съ фронта— и храбрый низамъ уложили доскомъ; красное знамя также пошло на расплату смѣлой попытки своихъ защитниковъ. Наша пѣхота съ кликами побѣды, бросилась на высоту. Турки не выдержали удара, и обратили тылъ, увозя артиллерию во весь карьеръ, центръ былъ прорванъ. Выйдя на высоту, мы увидѣли бѣгство безпорядочной толпы, и на прощанье проводили ее картечью. Но преслѣдовать было не время: густыя массы Турокъ лѣваго фланга спускались уже съ высотъ, готовясь обрушиться на флангъ и тылъ нашего центра. Генераль

Бриммеръ перемѣнилъ фронтъ и повелъ войска на высоту, 2-й батальонъ карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, въ продолженіе остальной атаки, находился на правой оконечности центра; бывъ окруженъ многочисленнымъ неприятелемъ, онъ отражалъ съ тыла и фланга атаки кавалеріи и штуцерныхъ, и въ то же время шелъ впередъ, опрокидывая неприятельскую пѣхоту. Утомленный боемъ и ослабленный потерями, этотъ батальонъ съ замѣтною усталостью поднимался по покатости. Генераль Бриммеръ подѣхалъ къ нему, поздравилъ съ побѣдою, и обращаясь къ солдатамъ, сказалъ: «Родные мои! тридцать лѣтъ я васъ знаю, и всегда видѣлъ соколами; вы много сдѣлали сегодня, но нужно еще поработать.»— Онъ указалъ имъ на высоты, усѣяныя Турками; радостное ура! служило отвѣтомъ задушевному привѣтствію. Гренадеры и карабинеры рванулись впередъ, и неприятель, сбитый съ высотъ, спустился въ долину,—и скоро отступление его, подъ атаками нашей кавалеріи, превратилось въ

бѣгство. По окончаніи сраженія, въ виду бѣгущаго непріятели, когда еще не умолкла отдаленная канонада конной артиллеріи, Генераль Бриммеръ благодарилъ артиллеристовъ за ихъ службу; онъ обнималъ раненыхъ, не оставлявшихъ батарей до конца сраженія; слезы навертывались на его глазахъ и голосъ дрожалъ отъ волненія, и никто бы не узналъ въ немъ тогда суроваго воина, непоколебимаго среди опасностей и грознаго для непріятели.

92.

ПОДВИГИ ОСОБЕННОЙ ХРАБРОСТИ.

31-го флотскаго экипажа мичманъ Батьяновъ, во время бомбардированія Севастополя 5-го октября 1854 года находился на 4-й дистанціи, когда попавшая въ пороховой погребъ бомба произвела пожаръ. Контръ-Адмираль Истоминъ, обратясь къ Батьянову, сказалъ: «Вотъ случай отличиться; ступай и потуши» Сказано, и Батьяновъ бросился

съ матросами въ погребъ и потушилъ пожаръ, при чемъ обжегъ себѣ руку. 10-го октября, при взрывѣ пороховыхъ ящиковъ на Корниловскомъ бастіонѣ, Батьяновъ сильно контуженъ въ голову и правое ухо, съ обжогомъ правой части лица, отчего произошло теченіе изъ уха матеріи, имѣвшее вліяніе на его слухъ. Не смотря на это, онъ остался на бастіонѣ. Ноября 1-го, будучи посланъ Контръ-Адмираломъ Истоминымъ въ городъ за приказаніемъ, возвращался оттуда въ темную и весьма бурную ночь. Проѣзжая черезъ мостъ, наведенный на Южной бухтѣ, на срединѣ его, отъ разъединенія волнами досокъ, Батьяновъ съ лошадыю провалился въ море; освободивъ изъ стремянъ ноги и сбросивъ съ себя въ водѣ почти всю одежду и сапоги, полуодѣтый, онъ сперва держался за доску, упавшую съ моста, а потомъ, когда замѣтилъ, что волны готовы унести его на рейдъ, бросилъ ее, пустился вплавъ и благополучно достигъ до Павловскаго мыска, гдѣ, вытщенный въ оцѣпенѣніи, былъ приведенъ въ чувство и отогрѣтъ.

На другой день утромъ онъ отправился къ своему посту. — 30-го декабря Батьяновъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ правое плечо и, не смотря на боль, остался на бастионѣ. — Мичманъ Батьяновъ, приказомъ Главнокомандующаго, отданнымъ 26-го ноября, награжденъ орденомъ Св. Анны съ бантомъ.

Братъ его, 34-го экипажа Лейтенантъ Батьяновъ, служилъ также съ отличіемъ. Въ вылазку 29-го ноября, когда взяты были непріятельскія мортиры, онъ велъ 80 человекъ охотниковъ матросовъ, былъ раненъ пулею, которая остановилась въ позвоночномъ хребтѣ и черезъ нѣсколько дней умеръ въ большихъ мученіяхъ.

93.

29-го флотскаго экипажа матросъ Севастьянъ Литвиновъ, находясь въ прислугѣ у орудія и будучи контуженъ въ голову, онъ не хотѣлъ оставить своего орудія; чрезъ три дня получилъ двѣ раны въ одинъ день,

въ грудь и ногу; оба раза перевязавшись, не смотря на боль, явился къ своему орудію, при которомъ былъ комендоромъ, и, на предложеніе товарищей отдохнуть, отвѣчалъ: «Пока во мнѣ есть хоть капля крови, я не оставлю своего орудія.» Таковымъ презрѣніемъ опасности и исполненіемъ долга онъ подавалъ примѣръ товарищамъ.

94.

41-го флотскаго экипажа квартирмейстеръ Михайло Мартынюкъ. 7-го октября непріятельская бомба, пробивъ пороховой погребъ, розорвалась въ немъ; немедленно изъ отверстія крыши поднялся густой столбъ дыму. Квартирмейстеръ Михайло Мартынюкъ, находившійся въ то время комендоромъ у орудія, увидя это, схватилъ ведро съ водою и, взбѣжавъ на крышу погреба, сталъ лить воду въ это отверстіе; потомъ собралъ нѣсколько человекъ и, заставивъ ихъ лить воду въ пробитую крышу, самъ бросился во внутренность погреба, который былъ полонъ ды-

му, и началъ раздвигать пороховые ящики; видя, что одинъ изъ нихъ загорѣлся, онъ вытащилъ его вонъ изъ погреба и залилъ водой. Такимъ образомъ погребъ уцѣлѣлъ, благодаря присутствію духа и безстрашію квартирмейстера Мартынюка.

95.

КАЗАКЪ ЕРМИЛЪ ШМАРЕВЪ.

Въ мартѣ 1855 года, войска Малокалахскаго отряда, подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Липранди, были расположены, какъ извѣстно, лагеремъ и бивуакомъ при селеніяхъ: Мадлавита и Голенцы-Команы; кавалерійскій же отрядъ, изъ 4-хъ эскадроновъ Бугскихъ уланъ и 4-хъ сотенъ казаковъ, занималъ с. Пояны: передовая цѣпь сего отряда, находясь въ связи съ цѣпью, выставленною отъ главныхъ силъ, наблюдала за с. Чепурчани и теченіемъ Дуная, къ сторонѣ д. Дессы. Кто не живалъ на Дунаѣ, тотъ никогда не видывалъ настоящихъ ту-

мановъ. Въ началѣ весны и осенью, густая, непроницаемая мгла обхватываетъ значительныя пространства прибрежьевъ рѣки. Около вечера, туманъ слоями спускается на землю и съ каждымъ часомъ становится гуще и мрачнѣе. Начиная съ 5 часовъ вечера одного дня, туманы держатся часто до полудня другаго. Холодная сырость проникаетъ до костей, паръ густою массою стоитъ въ воздухѣ и лишаетъ возможности различать предметы на самомъ близкомъ разстояніи; даже звукъ замираетъ... 14-го марта, Турки, пользуясь мракомъ подобнаго тумана, сосредоточились въ значительныхъ силахъ за с. Чепурчани и быстро атаковали лѣвый флангъ Поянскаго отряда. Но не удалось невѣрнымъ застать нашихъ въ располхъ: привычное ухо сторожеваго казака караулило врага. По первой тревогѣ, уланы подкрѣпили Донцовъ. Непритель былъ опрокинутъ и съ большою потерею обратился въ бѣгство. Во время общей, внезапной атаки, казачій постъ, составлявшій оконечность лѣваго фланга цѣпи, на пересѣченной мѣстности, былъ окру-

женъ Турками. Казаки Донскаго казачьяго № 42-го полка: Ефимъ Давыдовъ и Ермилъ Шмаревъ, послѣ упорной защиты, попались въ руки непріятеля.

29-го Декабря 1854 года, съ праваго берега р. Прута, въ слободку Калибаши, лежащую противу Молдаванскаго селенія Стойканы, явился на находящейся тамъ постъ Донскаго казачьяго № 42-го полка, Бурацкой станицы, казакъ Шмаревъ. Увѣренный въ счастливомъ спасеніи изъ плѣна, сотворивъ крестное знаменіе и поцѣловавъ родную землю, Ермилъ Шмаревъ объявилъ себя казаконъ Донскаго № 42-го Полковника Ульянова полка. Съ любопытствомъ окружили Донцы своего собрата и просили рассказать имъ объ его плѣнѣ. Ермилъ Шмаревъ началъ свой рассказъ слѣдующимъ образомъ: «Полкъ нашъ, братцы, прибылъ за границу позже другихъ. Насъ послали къ Калахвату, гдѣ за крѣпостію сидѣлъ Турокъ. Мы стояли въ Поянахъ. Каждый день, бывало, не то что сраженіе какое, а такъ просто: то они насъ задѣнутъ, то мы ихъ пощиплемъ,

ну и ничего!.. Не то что война, а стрѣляли каждый день!..»

«14-го марта, 5-й сотнѣ вышелъ чередъ цѣпь занимать. Мнѣ, со станишникомъ Ефимомъ Давыдовымъ, пришлось стоять на крайнемъ посту, противъ самаго Дуная. Съ вечера палъ туманъ—темень стала такая, что Ефимъ — меня, а я — Ефима въ лицо не узнавали... Стоимъ, — все тихо. Думаемъ: гдѣ имъ, нехристямъ — не то время, носы изъ-за окоповъ не высунуть!.. Вдругъ... такъ по нашему примѣрно на зарѣ, слышимъ... въ правой цѣпи выстрѣлъ... мы сготовились. Къ холму, на которомъ стояли, примыкалъ оврагъ, слышимъ—опять выстрѣлъ. Мы съ холма къ оврагу, чтобы пристроиться къ резерву, — не видно ни зги, хоть глазъ выколи!.. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ: Алла! Алла! — Мы выпалили. — Туда-сюда, анъ выходу нѣтъ, окружили басурмане... Я за пику; но въ это время былъ раненъ въ правую ногу и вылетѣлъ изъ сѣдла. Насъ захватили и привели въ Калахвату. — Товарища моего отправили во внутрь Туречины, а меня, ра-

ненаго, повезли въ Шумлу, положили въ госпиталь... Нечего сказать — присмотръ былъ сносный и кормили не дурно, — одно плохо: винной порціи не давали... Дней черезъ 40 рана моя совсѣмъ прошла, и ходилъ я, какъ теперь. Потребовали меня къ Пашѣ и приказали вступить въ турецкія войска. — Я отказался и объявилъ на-отрѣзъ, что противу братьевъ своихъ служить не стану... Кричалъ на меня сердитый Паша и ударилъ нѣсколько разъ... Дали мнѣ день на размышленіе: служить, или разстрѣляютъ!.. Взяло меня раздумье... служить противу своихъ не приходится, — грѣхъ, — а какъ разстрѣляютъ, то и того хуже: душа христіанская даромъ пропадетъ!.. Помолился однако Богу и сказалъ на-отрѣзъ Туркамъ, что противъ своихъ служить не стану. Паша разгнѣвался, грозилъ уши обрѣзать, да лихъ нѣтъ, приказалъ водить за отрядомъ и прибавилъ, что присмотръ за мною будетъ строгій и что чуть, дескать, что, такъ сейчасъ повѣсятъ! Изъ-подъ Шумлы отрядъ посланъ былъ на Русукъ, и черезъ Журжево прибылъ въ

Бухарестъ. Тамъ узналъ я, что наши вернулись уже въ предѣлы Россіи. Грусть меня взяла невыносимая, и думалъ я: ужь не видать мнѣ больше земли родной, — такъ на вѣкъ и погибну межъ нехристей. Но милостивъ Господь Богъ. Послали Турецкій отрядъ къ сторонѣ Браилова — заговорили и Турки и Молдаване, что все идутъ въ Бессарабію, на Русскихъ; а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вся рать басурманская спѣшно ударилась за Дунай. Нашъ отрядъ оставался на рѣкѣ, клички не помню, на рѣкѣ, что вдоль Молдавіи течетъ и въ Прутъ упирается. Разъ послали партію къ Пруту: за мною хоть строгаго присмотра не было, а улизнуть было нельзя... Однажды, я и приставленный ко мнѣ старый баши-бузукъ, мы ѣхали вмѣстѣ и въ двоимъ далеко отделились отъ партіи... Бузукъ былъ добрый старикъ, даромъ что Турокъ, — такой ласковый и обходительный; говорили мы каждый по своему, и ничего: другъ друга понимали. — Ыдемъ мы по берегу, и вижу я на другой сторонѣ Прута... свои, Донцы-товарищи разъ-

взжаютъ!.. Сердце у меня такъ и защемило, — думаю себѣ: если теперь не удастся, никогда не уйдешь!.. Взглянулъ я на старика — добрый старикъ ничего не понимаетъ, улыбался... Мѣстность была способная, глухая... ѣхали мы рядомъ... я нагнулся стремя поправить... пустилъ старика шаговъ на десять впередъ, перекрестился... гикнулъ мимо... ударомъ по затылкушибъ Турка на землю... коня за узду, да и былъ таковъ!.. Долго скакалъ я вверхъ по р. Пруту, — смотрю—селеніе стоитъ... Богъ вѣсть, думаю, можетъ въ деревнѣ Турка найду: снова поймаютъ, — родины не увидишь, да и на осину повѣсятъ!.. Слѣзъ я съ коня, разсѣдлалъ лошадей, побросалъ сѣдла въ трущобу и пустилъ коней по полю, а самъ... съ оглядками на всѣ стороны, словно прохожій какой, вошелъ въ селеніе... Ко всякому грѣшнику милостивъ Господь: Турокъ въ деревнѣ не было! На другой день, изъ Молдавскаго селенія Стойканы перевезли меня прямо къ вашему посту... Теперь, братцы, заключилъ Шмаревъ: ведите меня

къ начальству: скорѣе бы до станишниковъ добратся...» — Жаль, братъ-землякъ, что ты коней-то бросилъ на чужомъ берегу! — сказалъ одинъ изъ Валуевскихъ казаковъ, бывшихъ на посту въ Калибршѣ...

96.

Подвиги особенной храбрости.

Тищенко — унтеръ-офицеръ 42-го Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія, — человекъ бравый, распорядительный и храднокровный; его поговорка: «сила небесная.» — Въ первые дни бомбардированія пальба была такъ часта, что до орудія нельзя было дотронуться. «Рѣже стрѣлять!» говорили ему: «орудіе горячо.» — Ничего, мы его сейчасъ напоимъ, — отвѣчалъ Тищенко. Вода немедленно являлась, и орудіе мочили швабрами. Англичане сильно надоѣдаютъ ему своею стрѣльбою. «Да неужь-то не покараетъ тебя сила небесная!» говорилъ онъ, заряжая и наводя орудіе.

Ангеловъ — унтеръ-офицеръ 44-го Флотскаго Экипажа, небольшого роста, коренастый, ловкій, хорошій марсовой. Покойный Адмиралъ Корниловъ его очень любилъ, и прїѣзжая на фрегатъ «Коварна», на которомъ служилъ Ангеловъ, всегда спрашивалъ объ его здоровьѣ. Вообще Ангеловъ очень дѣятеленъ, трудолюбивъ и исполнительъ по службѣ. Онъ комендоръ на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана; его орудіе дѣйствовало не такъ много, но за то страдало отъ продольной англійской батареи, и ему не разъ случалось подъ ядрами мѣнять 36-ти-фунт. орудіе.

Шинкаренко — унтеръ-офицеръ 39-го Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія; имъ всегда любовались на батарее, какъ лучшимъ артиллеристомъ. Шинкаренко замѣчателенъ тѣмъ, что очень серьезенъ: никто и никогда не видалъ, чтобы онъ улыбнулся.

Василій Количенко — матросъ 32-го Флотскаго Экипажа. Ему было отнято плечо

въ верхней трети. Послѣ операціи онъ тотчасъ же обратился къ оператору съ словами: «Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. Нельзя ли рюмку вина выпить?» Когда ему принесли рюмку вина, онъ, поднявъ ея лѣвою рукою, сказалъ: «за ваше здоровье. Ваше Высокоблагородіе!»

97.

Наши казаки въ гостяхъ у Турецкаго Мушира.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Кюрюкь-Дарскаго дѣла, а именно 29 го іюня, изъ Александропольскаго лагеря было отправлено нѣсколько человекъ нашихъ казаковъ съ письмомъ къ Турецкому Муширу отъ командующаго дѣйствующимъ на границѣ корпусомъ, Князя В. О. Бебутова, и съ письмами отъ плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ. Посланные казаки были: Николай Павловъ Затрапезный, изъ Дворянъ, приказный Моздокскаго казачьяго полка, и съ нимъ уряд-

никъ Кубинскаго полка Галактионовъ, урядникъ Кавказскаго полка Голодновъ и урядникъ Моздокскаго полка Сагандаковъ. Последнему былъ данъ бѣлый парламентарскій флагъ. Казаки наши отправились, и путешествіе ихъ не обошлось безъ интересныхъ, характеристическихъ подробностей. Постараюсь передать его точными выраженіями приказнаго Николая Затрапезнаго, въ томъ видѣ, какъ я записалъ ихъ со словъ рассказчика. . . «Вотъ мы и отправились. Съ нами былъ переводчикъ, какъ слѣдуетъ...» (Прошу замѣтить, что Николай Затрапезный не простой казакъ, а приказный, и слѣдовательно за словомъ въ карманъ не полѣзеть, а говоритъ складно, красно, и не прочь отъ доморощеннаго литературнаго прибавленія къ своей молодецкой рѣчи. Не лишнее также сказать, что Затрапезный — казакъ рослый, плечистый и расторопный, лѣтъ 32-хъ отъ роду)... «Верстахъ въ пятнадцати отъ нашего лагеря повстрѣчали мы штукъ шесть баши бузуковъ: все верхами, этакъ, стояли на пригоркѣ. Завидѣвши насъ, они съ

пригорка стали спускаться и къ намъ навстрѣчу. Переводчикъ предъявилъ имъ конвертъ. Они показали вѣжливость, и повели насъ къ своему баши-бузуцкому начальнику, Хаджи-Темиръ-Агѣ, по-ихнему. Ъхали мы недалеко и пріѣхали къ особому лагерю, должно-быть баши-бузуцкому же. Палатокъ тутъ я насчиталъ восемьдесятъ четыре штуки, и все такія красивыя, разноцвѣтныя. Начальникъ находился въ голубой, складной палаткѣ, человекъ на пятьдесятъ. Онъ принялъ насъ ласково, угощалъ шербетомъ, чаемъ, кофеемъ, трубками, а самъ послалъ, должно полагать, съ увѣдомленіемъ къ Муширу. Тутъ мы оставались часа два съ половиной. Пообѣдали. Обѣдъ извѣстно какой у Азіятовъ: пловъ, баранина, вареники, соусъ изъ сливъ и яблоковъ, — яствъ много, только винцомъ занять не пришлось: вина не подавали. Хаджи съ нами шутилъ, говорилъ, что видѣлъ меня въ дѣлѣ 19-го Іюля, хотѣлъ, вишь, меня убить, да пистолетъ осѣкся. Должно полагать, вретъ Хаджи, по той причинѣ, что гдѣ въ этой свалкѣ запомнить

кого въ лице? Такъ, полагаю, для краснаго слова выдумалъ... Пообѣдавши, мы благодарили и просили, чтобы насъ отпустилъ. Хаджи далъ намъ провожатаго; ружья оставилъ при насъ, а пистолеты, кинжалы и шашки отобралъ. Часа черезъ два съ половиной выѣхали мы въ турецкій лагерь. Проѣхавши версты четыре, повстрѣчали ихнее строевое войско: эскадронъ драгунъ; впереди Полковникъ. Полковникъ поздоровался съ нами по своему; только я замѣтилъ, что языкъ у него не настоящій турецкій, а какой-то, то есть, ломаный: должно полагать изъ иностранцевъ... Съ драгунами мы тронулись вмѣстѣ; ѣхали больше молча. Версты за четыре до главнаго лагеря Полковникъ приказалъ завязать намъ глаза. Досадно было, потому-что хотѣлось таки пови-смотреть ихній военный, то есть, обиходъ; да на наше счатья дождь пошелъ; Турки стали кутаться, жаться, и за нами не больно присматривали, такъ что кое-какъ изъ-подъ повязки могъ я выглядывать, и видѣлъ на полѣ подбитыя нами въ последнемъ дѣлѣ

артиллерійскія орудія и ящики зарядные поломанные. По пріѣздѣ въ лагерь, повязки съ насъ сняли. Лагерь стоялъ у стѣны самаго Карса. Изъ палатокъ никто не выходилъ, и когда мы въѣхали въ лагерь, намъ сдѣлали на караулъ и скомандовали по-Русски. Такъ мы доѣхали до палатки Мушира; палатка была атласная и большущая, снаружи бѣлая, а внутри сѣрымъ сукномъ обтянутая, трапы же, замѣтилъ я, шелковые. Внутри, вокругъ всей палатки, диваны. Тутъ же, въ особомъ отдѣленіи, должно быть, и штабъ былъ ихній: офицеровъ было много; они насъ окружили, и одинъ сказалъ: «Вы дрались хорошо, но вы всемъ обязаны тому, что сконфузили нашихъ подлецовъ баши-бузуковъ на правомъ флангѣ, а не будь баши-бузуковъ, ничего бы вы противъ нашихъ четырехъ батарей не сдѣлали.» Онъ говоритъ, а я себѣ другое думаю, да молчу: пуцай, молъ, еще повретъ. А тутъ входитъ другой офицеръ, высокій, на головѣ феска, а самъ въ *пальтъ* изъ черной клеенки. Ему все отдали честь, и сказали намъ, что

онъ иностранецъ: оно и видно было, такъ какъ по турецки говорилъ онъ, то есть, чрезъ силу. Вотъ онъ, какъ только вошелъ, такъ и заговорилъ съ нами: «Если бы, говоритъ, не подлецы баши-бузуки, мы задали бы вамъ фейферу.» А я отвѣчаю, — зло, знаете, меня взяло, что сами драться не умѣютъ, а на баши-бузуковъ сваливаютъ, — говорю: «пока еще вы намъ задали бы фейферу, а уже мы вамъ прописали фигу...» На, моль, съѣшь, да не ври. Долговязый офицеръ засмѣялся, и началъ съ своими товарищами по французски разговаривать. Поговоривши этакъ съ пять минутъ, предложили намъ: «Не хотите ли, говорить, водки?» — «Отчего же, говорю, послѣ дождя не мѣшаетъ!» Позвали человѣка, спросили у него водки; онъ говоритъ, что нѣтъ, а я думаю: видно, еще послѣ нашей потасовки не успѣли походныхъ запасовъ собрать, т. е. такъ я думаю про себя, а впрочемъ молчу, ни слова!.. Въ это самое время позвали насъ къ Муширу. Пришелъ офицеръ въ красномъ мундирѣ съ серебряными петлицами, и по-

велъ насъ въ другое отдѣленіе палатки. Муширъ привсталъ и поклонился намъ, а потомъ спросилъ чрезъ переводчика: «Это тѣ самые молодцы, что дрались съ баши-бузуками?» — Переводчикъ отвѣчалъ: «Тѣ самые.» — «Молодцы,» говоритъ, — «такъ и надо драться, а какъ перестанемъ, приходите, будемъ друзья.» — На это мы отвѣчали: «Драться такъ драться, а не драться, такъ лучше и въ поле не выходить!» Муширъ засмѣялся и подарилъ намъ каждому по часамъ. Мы взяли и поблагодарили. Тутъ отвели насъ опять въ офицерское отдѣленіе. Офицеры опять къ намъ. Одинъ спрашиваетъ: «Есть ли у васъ какая нибудь *новизна*, и получаете ли какія нибудь газеты.» Я говорю: — «Что за газеты! Мы никакихъ не получаемъ.» — «А офицеры у васъ развѣ никакихъ новостей не знаютъ?» — «У насъ, — говорю, и полковые Командиры новостей не знаютъ, — т. е. я говорю съ тѣмъ, чтобы меня больше ни о чемъ не спрашивали. — «Такъ кто же знаетъ *новизну*?» привязался тотъ же офицеръ, должно быть изъ Поляковъ,

такъ какъ онъ по русски говорилъ на польскій манеръ. Я отвѣчаю: «Князь Бебутовъ да Князь Барятинскій знаютъ.» — Офицеръ засмѣялся и опять-таки присталъ: «А вы, говоритъ, чтò знаете?» — «А мы то знаемъ, говорю, что какъ ударятъ въ барабанъ да скажутъ: маршъ впередъ, мы и идемъ впередъ; эту новость мы знаемъ.» — «Ну, такъ знайте же, продолжалъ Полякъ, что у васъ Кронштадтъ взятъ и Одесса взята, а подъ Севастополемъ стоятъ и бомбардируютъ.» — Я говорю: «Ну, мы этого и не слыхали; была бы правда, у насъ бы скорѣе было извѣстно.» Съ тѣмъ Полякъ и отвязался, и разговоръ весь кончился. Тутъ завязали намъ глаза и повели тѣмъ же порядкомъ обратно. Опять прибыли къ баши-бузуцкому Хаджи-Агѣ. Онъ опять принялъ насъ хорошо, подчивалъ чаемъ, кофеемъ; далъ и поужинать и даже уступилъ намъ свою постель, а самъ ушелъ ночевать въ другую палатку, то есть вѣжливость большую оказалъ, даромъ что баши-бузукъ и нехристь!.. Лошадей нашихъ за ночь то же накормили, а поутру насъ

наполни чаемъ. За тѣмъ мы поблагодарили, какъ слѣдуетъ, за хлѣбъ за соль, и отправились къ Александрополю. Версты съ четыре насъ провожали родственники плѣнныхъ, отъ которыхъ мы, съ разрѣшенія начальства, возили письма въ Турецкій лагерь.»

98.

О подвигахъ Донцовъ въ Крыму.

21-го Февраля 1855 года, казаки Жирова № 61-го полка покрыли себя новою славою. Въ этотъ день турецкая кавалерія, въ числѣ 500 человекъ, выѣхавъ изъ города Евпатори, напала на лѣвый флангъ цѣпи, занимаемой нашими казаками. Уступая многочисленному превосходству непріятеля, казаки, мужественно перестрѣливаясь съ Турками, медленно отступали до прибытія резерва, состоявшаго изъ одного эскадрона уланъ, 1, 3, 5 и 6-й сотень № 61-го полка, подъ командою Войсковаго Старшины Селванова. По прибытіи подкрѣпленія, казаки, съ кри-

комъ: ура! бросились въ пики и шашки на непріятеля, и этотъ рукопашный бой въ мигъ рѣшилъ дѣло. Турки, оставивъ на мѣстѣ до 40 своихъ труповъ, были съ значительною потерею отброшены къ городу.

99.

Нѣсколько случаевъ изъ жизни защитниковъ Севастополя.

1. Не смотря на градъ бомбъ, гранатъ, ядеръ и пуль, которыми осаждающій осыпаетъ траншеи, солдатъ нашъ шутитъ надъ смертію, беззаботно поцѣваетъ во время канонады веселую пѣсенку, а подъ часъ изъ подъ-полы шинели вынимаетъ свою трехструнную балалайку... закипѣлъ рукопашный бой, и звѣремъ бросается онъ въ штыки на смѣлаго врага, безщадно колетъ его въ подступахъ къ нашимъ ложеамтамъ—и щадитъ непріятеля безоружнаго.

Разъ случилось мнѣ видѣть, что вели двухъ плѣнныхъ, раненыхъ Французовъ съ

которыми повстрѣчались два усатыхъ гренадера Волынскаго пѣхотнаго полка. Порывавшись съ плѣнными, одинъ изъ Волынцевъ сунуль въ руку Француза пятакъ, а другой далъ его товарищу двугривенный.

Пятакъ и двугривенный, какъ узналъ я тутъ же, были послѣдніе у Волынцевъ.

2. Для ближайшаго наблюденія за непріателемъ, высылались на ночь съ бастионовъ и редутовъ оборонительной линіи Севастополя «секреты». Въ ночь съ 8-го на 9-е Апрѣля, изъ бастиона № 6-го былъ высланъ въ подобный секретъ 4-го сапернаго баталіона унтеръ-офицеръ Жуковъ съ 3 охотниками. Ночь была темная. Секретъ, выйдя изъ своихъ окоповъ, ползкомъ пробирался къ кладбищу, занимаемому непріятельскимъ карауломъ, и вдругъ наткнулся на французскій пикетъ. Отважный Жуковъ не потерялъ присутствія духа: громкимъ и твердымъ голосомъ онъ скомандовалъ: *колонна вставай, — колонна пли, — колонна въ штыки, маршъ!* — Колонна, состоящая

изъ 3 человекъ, послушная голосу своего командира, послѣ залпа, дружно ударила въ штыки на непріятельскій пикетъ, захваченный врасплохъ. Непритель бѣжалъ къ кладбищу. Храбрый Жуковъ съ своею сильною колонною преслѣдовалъ бѣгущихъ, и для обезпеченія отступленія оставилъ въ резервѣ, какъ рассказывалъ послѣ, Суздальскій пѣхотный полкъ — т. е. охотника, рядоваго Суздальскаго полка Якова Махова, съ остальными же молодцами бѣжалъ къ стѣнѣ самаго кладбища. Натѣшившись надъ врагомъ, Жуковъ и его колонна отошли на резервъ свой—Якова Махова, и заняли обычное мѣсто, назначенное для секрета, гдѣ Жуковъ, не смотря на проколотую штыкомъ руку, оставался до разсвѣта. Охотники были рядовые: Суздальскаго пѣхотнаго полка Яковъ Маховъ, 4-го сапернаго батальона Макарь Попеловъ и 17-го рабочаго экипажа матросъ Бѣлогривовъ.

3. 7-го Апрѣля 1855 года, Одесскаго егерскаго полка 4-й карабинерной роты стрѣл-

ку Арефію Алексѣеву ядромъ оторвало ногу. Раненаго принесли на перевязочный пунктъ. Знаменитый хирургъ нашъ Пироговъ, осмотрѣвъ разможженную ногу раненаго, приступилъ къ операціи, во все продолженіе которой раненый лежалъ покойно.—«Достанька, братъ,» сказалъ по окончаніи Алексѣевъ, обращаясь къ одному изъ принесшихъ его товарищей: «въ карманѣ у меня подъ сборками шинели платокъ есть.» Егеръ исполнилъ приказаніе раненаго и подалъ ему тряпицу съ узломъ. Арефій Алексѣевъ рукою и зубами развязалъ крѣпко затянутый узелъ тряпицы, вынулъ оттуда два рубля и, подавая одинъ изъ нихъ Пирогову, сказалъ: «Хорошо вы, Ваше Благородіе, отрѣзали мнѣ ногу. Возьмите себѣ половину добра моего. Дай вамъ Богъ здоровья!» Присутствовавшіе при этомъ медики засмѣялись. Г. Пироговъ, возвращая раненому рубль, сказалъ, чтобы онъ сохранилъ его на покупку костыля, и спросилъ, не хочетъ ли онъ чаю. «Благодаримъ-съ покорно-съ, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ Алексѣевъ, замѣтившій свою

неловкость. «Если бы изволили приказать пожаловать чарку водки-съ, оно бы способнѣе было.» Выпилъ Алексѣевъ чарку водки, снова поблагодарилъ знаменитаго хирурга и прибавилъ: «Ваше Превосходительство, велите ужь дать по чаркѣ и товарищамъ моимъ: хорошо подобрали и славно несли до самаго перевязочнаго пункта.»

4. Впереди Севастопольской оборонительной линіи, для ближайшаго наблюденія за непріятельскими осадными работами, передъ исходящими углами укрѣплений, устроены были ложементы, которые день и ночь занимались штуцерными и охотниками.

Очередные не отводили глазъ отъ штуцера, вставленнаго въ нарочно-продѣланную между камнями ложемента крошечную бойницу, и хоть на мгновеніе появивъ вражья голова, щелкнетъ курокъ, и не рѣдко, глядишь, — кувыркнуется недругъ!

12-го Мая, въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ передъ бастіономъ № 3-го, противу англійской траншеи, сидѣла команда

штуцерныхъ отъ Камчатскаго егерскаго полка.

«Смотри, смотри, закричалъ егерь Евсѣевъ — что-то катится мимо!

— Чего тебѣ катится, — аль не видишь, заяцъ бѣжить!

— Катай его, Кузнецовъ — на тебя бѣжить!...

— Не замай его, — замѣтилъ четвертый солдатикъ, — можетъ оборотень какой!..

Раздался выстрѣлъ — заяцъ убитъ.

Въ англійскихъ ложементахъ слышался смѣхъ.

Убитый заяцъ лежалъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами.

Перекрестился Ефимъ Кузнецовъ и велѣлъ за выстрѣломъ, схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и подбѣжалъ къ убитому зайцу.

Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ.

Наши и Англичане, забывъ на время пере-

стрѣлку, высунулись изъ-за окоповъ и смотрѣли на удалца.

Кузнецовъ, выбѣжавъ изъ ложементовъ, схватилъ зайца за заднія лапы и поднявъ ружье на сготовку, отходилъ къ своимъ ложементамъ.

Англичане, пораженные удалствомъ стрѣлка, встрѣтили эту смѣлую выходку единодушнымъ «ура!» и хлопали въ ладоши. Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку, поклонился, и показавъ врагамъ зайца, скрылся въ ложементъ.

Головы спрятались — перестрѣлка закипѣла.

Кузнецовъ, получившій строгій нагоняй за несвоевременную охоту, представилъ зайца Командиру полка—и посыпались рубли удалому стрѣлку... А Кузнецовъ?.. онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ — гдѣ же тутъ молодечество,—убилъ зайца—извѣстное дѣло, не бросить же убитаго!

У защитниковъ Севастополя смерть потеряла свой ужасъ.

5. Въ ночь съ 10-го на 11-е Мая, на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи произошелъ страшный кровавый бой за траншею. Подъ адскимъ огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ, наши и непріятельскія колонны ходили въ штыки; спорныя траншеи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки и два раза егеря наши, увлеченные запальчивостію, достигали до непріятельскихъ окоповъ.

Разсвѣтъ дня прекратилъ упорный бой: полувырытыя траншеи остались въ нашихъ рукахъ; но не составляя совершеннаго прикрытія для людей, въ продолженіи дня занимались одними только охотниками изъ штуцерныхъ.

Велики были потери съ обѣихъ сторонъ; убитые и часть раненыхъ остались въ пространствѣ между нашими и непріятельскими работами. Въ числѣ послѣднихъ находился егерь Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, получившій пулевую и штыковую раны. — Около 6 часовъ пополудни 11-го Мая, егерь подползъ къ нашимъ ло-

жементамъ и, принесенный на перевязочный пунктъ, рассказывалъ слѣдующее:

«Въ послѣднюю атаку, опрокинувъ непріятеля, мы выскочили изъ траншеи, да и за врагомъ: не помню, далеко ли я пробѣжалъ, какъ одинъ изъ Французовъ пнулъ меня штыкомъ въ руку; оно бы и ничего, да въ то же время—штуцерная перебила мнѣ ногу. Ударъ прикладомъ по головѣ оглушилъ до конца. Когда я опомнился, было тихо, и только изрѣдка то бомба пролетитъ, иль штуцерная просвиститъ. Осмотрѣлся я — гляжу, шагахъ въ 30-ти непріятельскія ложементики; оглянулся назадъ— свои далеко, ощущался,—болитъ рука и нога, ползти не могу, опереться не на что. Зубами и лѣвою рукой разорвалъ я рубашку, стянулъ рану на рукѣ и туго завязалъ ногу... Изъ силъ выбился—жажда такая, что и Господи уа-си,—во рту пересохло и языкъ словно выжгло; вижу, что до своихъ не дойдешь и думаю: вѣдь не злодѣй же какой Французъ—дасть воды умирающему... Перекрестился, да и къ ложементикамъ доползъ—сидѣло 5 человекъ.»

— «Дядиньки, сказалъ я жалобно, дайте водицы, родимые, умираю.»

«Одинъ изъ Французовъ, бравый такой, подалъ мнѣ стклянку съ водою, глотнулъ я водицы—такъ и ожилъ совсѣмъ.—«Спасибо вамъ дядюшки, дай вамъ Богъ доброе здорovie.» Французъ, давшій мнѣ воды, нагнулся ко мнѣ, покачалъ головою, да и говоритъ: «плохо, братъ-землякъ, ты перевязанъ!» И съ словомъ этимъ снялъ у меня съ ноги обвязку, намочилъ тряпицу, приложилъ на рану и своимъ платкомъ повязалъ мнѣ ногу—такъ и полегчало.

— «Што братъ-камадъ, плохо?»—говорить Французъ.

— «Плохо» — отвѣчалъ я.

— «Правда, говоритъ Французъ: намъ еще хуже, чѣмъ вамъ — терпи!»

Выпилъ я еще водицы и силъ набрался. Спасибо вамъ, дядиньки, — дай вамъ Богъ здорovie.—Позвольте мнѣ — я поползу теперь къ своимъ.

«Ну ползи, братъ, ползи!» сказали Французы и засмѣялись.—Хорошій народъ, ваше

благородіе, эти Французы, даромъ что враги!—Веселые, разговорчивые, да и не трусы какіе!

«Снялъ я шапку, поклонился, поблагодарилъ враговъ за ласку ихъ, да и поползъ къ своимъ—ни одинъ не тронулъ!»

Довольно тщательная перевязка раны на ногѣ, платокъ съ рисункомъ и надписью, и описаніе положенія мѣстности, гдѣ очнулся раненый, свидѣтельствуютъ, что егеръ дѣйствительно былъ у неприятельской траншеи.

Языкъ, на которомъ объяснялся егеръ съ своими дядиньками, понятенъ; и племянникъ, рассказывая о своихъ страданіяхъ, сопровождалъ свой рассказъ знаками, а разговоръ дядинекъ толковалъ по своимъ впечатлѣніямъ.

100.

ВЪ ДѢЛѢ 4 АВГУСТА ПРИ Р. ЧЕРНОЙ.

1. Пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича полка, 3-й мушкатерской роты ря-

довой Корней Тихоненко, осколкомъ гранаты былъ раненъ въ пахъ, и вынесенный изъ фронта, отданъ на носилки.

— «Постойте, братцы, сказалъ Тихоненко носильщикамъ: «пустите меня, и самъ добреду,—подберите-ка вонъ товарища,—ему, сердечному, обѣ ноги оторвало.»

Тяжело раненый мушкатеръ былъ отнесенъ на носилкахъ, а Корней Тихоненко, закрывъ одною рукою рану, а другою опираясь на ружье, кое-какъ доползъ до перевязочнаго пункта.

2. Костромскаго егерскаго полка, 3-й егерской роты унтеръ-офицеръ Денисъ Егоровъ, жолнеръ 1-го батальона, — извѣстный въ полку затѣйливый плясунъ, получилъ сильную рану пулею въ ногу. Падая на землю, молодецъ этотъ, показывая товарищамъ на разбитую ногу, сказалъ: *«Машь-тоби! — теперь казачка ужь не пропляшешь.»*

3. Костромскаго егерскаго полка, 9-й егерской роты, штуцерный Павелъ Фоме-

нюкъ извѣстенъ ротъ своимъ хладнокровіемъ. При отступленіи полка отъ р. Черной, оставаясь нѣсколько назади своей цѣпи, штуцерный этотъ былъ атакованъ двумя Французами. Фоменюкъ, нисколько не ускоряя шага, подпустилъ къ себѣ поближе кинувшихся на него Французовъ, вдругъ обернулся и мѣткимъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ ближайшаго. Другой же, испуганный неудачею своего товарища, бѣжалъ. Приближаясь къ своимъ, Фоменюкъ былъ привѣтствованъ радостнымъ крикомъ: *«Что братецъ, отдѣлался? Вѣдь онъ собирался тебя заколотъ.»*—*«А я его убилъ!»*—равнодушно отвѣтилъ штуцерный, продолжая забивать новую пулю въ свою винтовку.

4. Послѣ атаки Оедюхиныхъ высотъ, войска наши были остановлены на позиціи, по правую сторону р. Черной, въ разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла отъ непріятели.

Съ батареи, выдвинутой противу лѣваго уступа Оедюхиныхъ горъ, гдѣ находился Главнокомандующій, около полуверсты впе-

реди позиціи, занимаемой нашими войсками, замѣченъ былъ одиночный солдатъ, который, послѣ каждаго сдѣланнаго имъ выстрѣла, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто.

Главнокомандующій арміею послалъ двухъ казаковъ, привести отсталого солдата на батарею.

Прибылъ егеръ лейбъ-егерскаго Бородинскаго Его Императорскаго Величества полка Матвѣй Шелкуновъ.

— По какому случаю ты остался сзади другихъ? спросилъ Главнокомандующій егеря.

— «Прикрывалъ отступление раненыхъ товарищей, Ваше Сіятельство!» отвѣчалъ Шелкуновъ.

— «Былъ я въ цѣпи,—продолжалъ егеръ,—подшли мы къ рѣчкѣ,—не глубже, какъ по поясъ было,—перебѣжали рѣчку; а за ней другая,—рѣка-не рѣка, а канава водяная, попробовалъ — глубоко, и вдругъ не перескочишь. — Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу — и мостиковъ не надо — цѣпь перебралась.—Врагъ сидѣлъ въ канавахъ.—Мы въ

шттики — многихъ перекололи, многие побѣжали на гору. — Опрокинули мы кухню ихъ — знать кашу варили, — да и въ догонку за ними. — Въ это время, дали цѣпи сигналъ отходить назадъ, — я позамѣшкался. Отошелъ за канаву — мѣсто попалось хорошее — кустокъ былъ — я и давай палить... Кто вылезетъ впередъ, того и повалишь. — Разстрѣлявъ свои патроны, пошелъ я назадъ; смотрю — убитый мушкатель лежитъ, снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны, я снова за кустикъ, даль выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю — трое раненыхъ. Я одинъ, известное дѣло — трехъ не подберешь! — *Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!* Двое поползли, а вотъ этотъ, что со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался — рана-то животовая. Какъ замѣчу, что ползуны мои отстаютъ, и я приостановлюсь, сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ!... — Вотъ, Ваше Сіятельство, и добрѣли мы кое-какъ до своихъ! — Богъ милосердъ, сохранилъ

меня дѣла и невредима и благословилъ меня оказать помощь товарищамъ!...»

Лейбъ-егерскаго Бородинскаго полка роты Его Величества стрѣлокъ Матвѣй Шелкуновъ принесъ на себѣ 5 ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ онъ составлялъ прикрытіе.

101.

МАЛОЛѢТНІЙ СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ СИРОТА НИКОЛАЙ ПИЩЕНКО.

27-го Марта 1855 года, на другой день праздника Св. Пасхи, непріятель открылъ сильное бомбардированіе по осажденному городу Севастополю.

Въ числѣ многихъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя, былъ убитъ 37-го Флотскаго Экипажа Тимофей Пищенко. Осиротѣлъ 10-ти лѣтній мальчикъ Николай Пищенко, находившійся при отцѣ своемъ, съ самаго начала осады, на батарее Забудскаго.

По смерти отца своего, Николай Пищенко просилъ позволенія перейти на редутъ Шварца и состоять при кегорновыхъ мортирахъ.

Николай Пищенко, безотлучно день и ночь находился при 6-ти кегорновыхъ мортирахъ и подвергаясь постояннымъ опасностямъ, не смотря ни на какія убѣжденія, не хотѣлъ разстаться съ ними.

«Маркелами завдываю»—

говорилъ мальчикъ—«при нихъ и умру.»

Главнокомандующій арміею Генераль-Адъютантъ Князь Горчаковъ пожаловалъ Николаю Пищенко серебряную медаль съ надписью: «за храбрость.»

103.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

1. На 4-мъ перевязочномъ пунктѣ въ числѣ смертельно раненыхъ находился Начальникъ Штаба Черноморскаго флота и

портовъ Корниловъ. Геройскій духъ Адмирала, сопровождавшій его до послѣдней минуты жизни, доставилъ прекрасную страницу для Исторіи. Справедливость требуетъ прибавить, что твердость духа, преданность волѣ Божіей и готовность переносить безропотно ужасныя мученія, сопряженныя съ производствомъ важныхъ операцій, отъ начальниковъ перешли ко всемъ воинамъ Севастополя; правильнѣе сказать: эти качества обнаружались, какъ общая черта всего русскаго воинства. Такъ портовой № 29 роты, рядовой Аванасій Ищенко, поступившій на второй перевязочный пунктъ, съ огнестрѣльною ранюю въ лѣвое плечо, съ раздробленіемъ его кости на нѣсколько кусковъ, по объявленіи ему о необходимости отнятія плеча, сказалъ хладнокровно: «дѣлайте, что находите нужнымъ, только не давайте мнѣ того усыпительнаго спирту (хлороформу), потому что посылаемое Богомъ страданіе должно переносить безъ всякихъ ухищреній.» И дѣйствительно, въ продолженіи всей операціи, длившейся около 20 минутъ, онъ не испустилъ

ни одного стога, а только повторяя: «Господи, дай терпѣнія.»

2. Безрочно-отпускной 37-го Флотскаго Экипажа матросъ Тимофей Маріоновъ былъ принесенъ на 2-й перевязочный пунктъ: осколкомъ бомбы ему переломило лѣвое плечо на нѣсколько кусковъ. Операцию вылуценія лѣваго плеча онъ перенесъ съ геройскою твердостью, и, на другой день, окружавшихъ его кровать, плачущихъ жену и 3 малолѣтнихъ дѣтей, утѣшалъ и ободрялъ словами: «не плачьте: грѣшно оплакивать то, что произошло по волѣ Господа Бога—лучше молитесь ему.» Жена и трое малютокъ упали на колѣни предъ одромъ воина - христіанина, и слезы горести перемѣшались со слезами горячей молитвы къ Богу.

3. По обязанности моей я случайно попалъ на весьма любопытное обстоятельство: во время первой бомбардировки убитъ или померъ, между прочимъ, цейхвахтеръ Северюковъ; — домъ и большая часть имущества

его были разорены, — и среди общей суматохи никто не имѣлъ возможности позаботиться о томъ, остались ли у него дѣти или нѣтъ. Черезъ сестру милосердія Селиванову, ходящую за офицерами нашими въ госпиталѣ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, узнали, что въ землянкѣ, покинутой солдатами, живутъ трое дѣтей, о которыхъ никто ничего не знаетъ; — оказалось, что дѣти эти: одинъ 12, другой 10, а третій 8 лѣтъ, послѣ разрушенія отцовскаго дома, — забрали съ собою, что могли, сами переселились на Сѣверную сторону, покинутую тогда войсками, снѣжившими на Южную сторону встрѣтить непріятеля, помѣстились въ землянкѣ и начали жить собственными средствами подъ командою старшаго; такъ они прожили 6 мѣсяцевъ; — средства къ жизни они извлекали изъ остатковъ отцовскаго наслѣдія, которое они распродавали по частямъ; — старшій братъ былъ главою семейства, хозяйкою и промысломъ младшихъ; сами они ходили за водою, — устроили себѣ жилище, даже добывали себѣ чаю. Когда войска снова поступили въ Сѣверное укрѣ-

пленіе, солдаты, по добродушію своему, не тронули изобрѣтательныхъ дѣтокъ, но, по свойственной безпечности, не объявили о новыхъ Робинзонахъ, — и такимъ образомъ эти маленькіе молодцы прожили до тѣхъ поръ, пока сестра Селиванова ихъ не открыла.

Если бы было здѣсь кому нибудь время собирать и описывать примѣры подобной находчивости и рѣшительности Севастопольскихъ дѣтей, смѣлыхъ питомцевъ Черноморскихъ матросовъ, можно было-бы, вѣроятно, составить прелюбопытную анекдотическую исторію Севастопольскаго народонаселенія въ эпоху осады; во всякомъ случаѣ здѣшніе дѣти могутъ составить особый классъ миниатюрныхъ героевъ: между ними царствуетъ такой смѣлый духъ, что даже солдаты и матросы смотрятъ на нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на другихъ дѣтей, и никогда не сердятся, когда шалуны эти дерзко ихъ подзадориваютъ.

**ПИСЬМА ИЗЪ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ
ОТЪ 4 МАЯ 1854 ДО 30 ЯНВАРЯ 1855
ГODOBЪ.**

4-го Мая 1854 года. Зима нынѣшняго года одна изъ рѣдкихъ зимъ для Крымскаго полуострова. Всегда, бывало, еще съ Февраля мѣсяца поля начиваютъ зеленѣть, кусты и деревья распускаться, а нынче вотъ уже и первыя числа Мая, а поля еще голы, только кое-гдѣ чуть-чуть стала показываться зелень, а деревья еще и не распускаются, и нѣкоторыя стали пускать прямо листъ вмѣсто цвѣту. Скворцы прилетѣли только 10 Апрѣля; въ окрестныхъ горахъ лежитъ еще много снѣгу и вѣроятно долго пролежитъ; по утрамъ и вечерамъ бываетъ чувствительно прохладно, такъ-что безъ теплой одежды нельзя выходить. Виноградные сады сильно пострадали, въ слѣдствіе сухихъ и несвоевременныхъ морозовъ; пострадалъ и рогатый скотъ, — обнаружился сильный падежъ. У одного помѣщика, изъ трехъ тысячъ барановъ оста-

лось въ живыхъ только 12, а у другаго изъ семи тысячъ не осталось ни одного. У многихъ Татаръ повыходили волю, а у кого и осталось нѣсколько, то въ такомъ состоянн, что едва двигаются; отъ этого, привозимые въ городъ хозяйственные припасы вздорожали. Съ 24-го Апрѣля начались здѣсь густые туманы, вредные какъ для растеній, такъ равно и для здоровья. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ общественной жизни въ Севастополѣ при нынѣшнемъ его блокадномъ положенн. Севастополь, какъ всѣмъ извѣстно, военный станъ, резиденція Черноморскаго флота; онъ расположенъ на высокихъ каменныхъ горахъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ; берега его укрѣплены сильными батареями. Онъ лежитъ далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, на самомъ концѣ Крымскаго полуострова къ западу, и потому не имѣетъ близкихъ сношеній съ родными нашими городами; быть его своеобразный. Онъ населенъ почти исключительно военными; фракъ и вообще всякій партикулярный костюмъ на гуляньяхъ и въ собраннхъ здѣсь

рѣдкость. Храбрые моряки составляютъ здѣсь одно, такъ сказать, многочисленное семейство; цѣлое лѣто они или въ морѣ на практикѣ, или стоятъ на рейдѣ; загородныхъ дачъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ, а потому семейства ихъ на лѣто ни куда не выѣзжаютъ. Послѣ блистательной Синопской битвы, весь побѣдоносный Черноморскій флотъ гордо и величаво красуется на рейдѣ и готовъ, по первому повелѣнн, выйти въ море и снова вступить въ бой съ надменнымъ непріателемъ. Моряки днемъ, въ свободное отъ службы время, занимаются чтеннмъ въ здѣшней морской офицерской библиотекѣ, которая можетъ равняться съ лучшими въ Европѣ, какъ по изящной отдѣлкѣ снаружи, такъ и по внутреннему богатству. На дняхъ она обогатилась еще прекрасною картиной, работы г. Павлова, въ С.-Петербургѣ. Эта картина, присланная въ даръ Государемъ Императоромъ и исполненная масляными красками на полотнѣ, изображаетъ взятн съ бою (5 ноября прошлаго 1853 года) пароходомъ «Владимиръ», подъ начальствомъ Генераль-

Адъютанта, Вице-Адмирала В. А. Корнилова, Египетскаго десятипушечнаго военнаго парохода «Первасъ-Бахри», въ послѣдствіи названнаго «Корниловъ». У насъ есть и дворянское собраніе, заслуживающее вниманія, а также и театръ, гдѣ, три раза въ недѣлю, труппа русскихъ актеровъ даетъ свои представленія. 23 числа прошлаго Апрѣля мѣсяца, въ Высокоторжественный день Тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, въ здѣшнемъ Адмиралтейскомъ Свято-Николаевскомъ Соборѣ, во всѣхъ церквахъ, а также и на всѣхъ корабляхъ Черноморскаго флота, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе, по окончаніи коего со всего флота, стоящаго на рейдѣ, произведена была пушечная пальба; всѣ корабли были украшены разноцвѣтными флагами и вымпелами, а вечеромъ дано было на театрѣ драматическое представленіе, соч. г. Кукольника, «Синопское сраженіе, или морской праздникъ въ Севастополѣ». Появленіе соединеннаго Англо-Французскаго флота, съ 15 Апрѣля, въ числѣ тридцати осми вым-

целовъ, на нашемъ горизонтѣ, не обнаружило въ жителяхъ рѣшительно ничего кромѣ любопытства, потому что каждый изъ насъ убѣжденъ въ твердости стратегическихъ мѣръ, принятыхъ главноначальствующимъ въ нашемъ краѣ, Свѣтлѣйшимъ Княземъ А. С. Меншиковымъ, къ сохраненію общаго порядка и безопасности. Всѣ сословія отъ мала до велика стекались на новый бульваръ, у памятника Казарскому, и въ другихъ мѣстахъ, чтобы посмотрѣть, чтò дѣлается на морѣ, и громогласно изъявляли радость и желаніе, чтобы флотъ приблизился и тутъ же предъ глазами каждаго началась битва. Но моряки соединеннаго флота разсудили, что съ ихъ стороны было бы слишкомъ смѣло и даже невыгодно приблизиться, и потому лавируютъ въ весьма почтительномъ разстояніи отъ нашихъ грозныхъ батарей, то скрываясь за горизонтъ, то снова показываясь. Этотъ огромный, одинъ изъ сильнѣйшихъ парусныхъ и паровыхъ флотовъ въ мірѣ, разсѣялся по Черному морю и, подъ предлогомъ защиты Турціи, гоняется за мелкими каботажными

судами, беззаботно плывущими изъ сосѣдняго порта въ портъ, и выказываетъ свою храбрость, стрѣляя по этимъ совершенно безоружнымъ лодкамъ, на которыхъ всего экипажа отъ трехъ до пяти человѣкъ. Появляясь предъ крѣпостями, пароходы дѣйствуютъ еще постыднѣе—подымаютъ не свои, а чужіе, не принадлежащіе имъ флаги—Австрійскій и Русскій, полагая этимъ обмануть бдительность береговыхъ начальствъ. Мелкое корсарство, достойное дикарей—вотъ подвиги, которыми тщеславится громадный соединенный флотъ двухъ націй, именующихъ себя образованнѣйшими! Мы недоумѣваемъ—смѣяться, или удивляться этимъ жалкимъ дѣйствіямъ. — Хотя Англо-Французскій флотъ блокируетъ насъ и грозитъ намъ своимъ нападѣніемъ, у насъ не только никто не унываетъ, но даже почти перестали объ немъ и говорить. Городекая жизнь и увеселенія идутъ своимъ порядкомъ, по прежнему. Ежедневно, съ 6 часовъ вечера, на 120 пушечномъ кораблѣ «Великій Князь Константинъ», стоящемъ у самой Екатерининской

пристани, подъ флагомъ Генераль-Адъютанта, Вице-Адмирала В. А. Корнилова, начинается играть военная музыка, а на самой пристани играютъ еще нѣсколько хоровъ музыки, хоры флотскій, армейскій и хоръ роговой Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимилиановича полка съ пѣсенниками. Очень часто гулянье это удостоивается присутствія Свѣтлѣйшаго Князя Меншикова, котораго здѣсь все чтутъ и любятъ и жаждутъ видѣть. Съ пристани открывается взору живая, дивная картина. По всему рейду стройно и величаво стоятъ на якоряхъ побѣдоносные Черноморскаго флота корабли, фрегаты, корветы, бриги, тендера, яхты, бригантины, транспорты, пароходы, шкуны и множество купеческихъ судовъ; по гладкой поверхности моря мчатся стрѣлой, подъ парусами и на веслахъ, боты, баркасы, катера съ катающимися дамами, шлюпки, вельботы, верейки и тузы (маленькія гребныя суда о двухъ веслахъ, для одного человѣка). Если вы пожелаете покататься по морю, тутъ гребныя суда все къ вашимъ

услугамъ: стѣитъ только обратиться съ просьбой къ кому-нибудь изъ флотскихъ офицеровъ. Гулянье продолжается до позднего вечера. Музыка на пристани и на всѣхъ судахъ, говоръ, смѣхъ, шумъ веселья, бойкія военныя солдатскія пѣсни и видъ живой, разстилающейся предъ глазами панорамы, очаровываютъ зрѣніе и слухъ.

24-го октября 1854 года. Пишу вамъ, м. г., подъ выстрѣлами непріятельскихъ ядеръ, бомбъ и картечи. Благодареніе Господу Богу, мы существуемъ, хотя Англо-Французы и употребляютъ всѣ свои силы и всѣ возможные средства насъ уничтожить; мы твердо стоимъ и будемъ драться до послѣдней капли крови; мы крѣпко надѣемся на милость Всевышняго, что ихъ храбро и мужественно отразимъ. Вамъ уже извѣстно о сраженіяхъ 8 сентября, на Альмѣ, и 13 октября, у Балаклавы; я о нихъ не буду вамъ говорить, а скажу нѣсколько словъ о бомбардированіи Севастополя 5 октября. Въ этотъ день, въ

шесть часовъ утра былъ открытъ самый сильный огонь съ непріятельскихъ батарей, построенныхъ съ южной стороны противъ города; наши батареи упорно имъ отвѣчали. Въ часъ по-полудни подвинулся къ укрѣпленіямъ и непріятельскій флотъ, и открылъ по нимъ страшную пальбу. Закипѣлъ бой ужасный: застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало море: вообразите только, что изъ тысячи орудій съ непріятельскихъ кораблей, пароходовъ и съ сухопутныхъ батарей, а въ то же время и съ нашихъ батарей разразился адскій огонь: непріятельскіе корабли и пароходы стрѣляли въ наши батареи залпами; бомбы, каленныя ядра, картечи, брандскугели и конгревовы ракеты сыпались градомъ; трескъ и взрывы были повсемѣстны, все это сливалось въ страшный и дикій гулъ; нельзя было различить выстрѣловъ, было слышно одно только дикое и ужасающее клочотанье; земля, казалось, шаталась подъ тяжестью сражающихся. И я видѣлъ это немовѣрно жестокое сраженіе; ничего подобнаго въ жизнь свою я и не думалъ видѣть,

ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, и едва-ли когда нибудь читывалъ. И этотъ свирѣпый бой не умолкалъ ни на минуту, продолжался ровно двѣнадцать часовъ, и прекратился тогда лишь, когда совершенно смерклось... Мужество нашихъ артиллеристовъ было невыразимо. Они видимо недорожили жизнью, и бились до смерти за каждый зарядъ; они дрались за Царя, за свое Отечество — Богомъ благословенную Россію, за оскорбленную Вѣру! Казалось, что и прахъ отцевъ нашихъ въ могилахъ громко вопіялъ о мщеніи и мужествѣ. Густой дымъ заступилъ мѣсто безоблачнаго голубаго неба; сѣдя облака клубились надъ нашими головами и заслоняли солнце; сдѣлалось совершенно темно; даже комнаты наполнились дымомъ. Всѣ мы думали, что на нашихъ батареяхъ не останется и камня на камнѣ; вообразите же наше удивленіе, когда на другой день утромъ мы увидѣли всѣ наши батареи въ цѣлости, и орудія всѣ на мѣстѣ!... Но описать этотъ страшный бой невозможно: я сдѣлалъ только очеркъ его. Наши батареи, повторяю, устояли! Мы

благословляли Бога, что убитыхъ у насъ на батареяхъ очень мало: у непріятеля погибло гораздо больше, а флоту его досталось такъ больно, что онъ во второй разъ не подходилъ уже къ намъ. И такъ, не смотря на жестокой натискъ христіанскихъ державъ — поборницъ луны, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушеніемъ, мы уповаемъ на Бога, на Его чудотворную, святую силу, видимо поднесъ укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, густымъ дождемъ носящихся надъ нашими головами. Въ чувствахъ вѣрноподданнической преданности и любви къ Престолу великаго, и единого Православнаго под солнцемъ нашего Монарха, мы молимъ Бога, да сохранитъ Онъ Помазанника Своего, подвигающагося за Православіе, за святую Вѣру отцевъ нашихъ, — да не постыдимся во вѣки! Сегодня уже *двадцатый* день, какъ непріятель громитъ насъ день и ночь, бросаетъ въ городъ бомбы, каленныя ядра и конгревовы ракеты, но пожаровъ, благодареніе Богу, значительныхъ нѣтъ. 16 числа, въ восемь

часовъ утра, влетѣла бомба въ залу Офицерской Морской Библиотеки; тамъ ее разорвало и произвело не мало вреда, но пожара не было. — Съ 16 на 17 число октября, въ одиннадцатомъ часу вечера, было ощущено здѣсь легкое землетрясеніе, съ сильнымъ подземнымъ гуломъ, отъ сѣвера къ югу; съ десяти часовъ вечера 16 числа сталъ дуть сильный, холодный, сѣверный вѣтеръ; низкая температура на воздухѣ, 17 числа, предъ утромъ была + 4° по Р.

Декабря 1854 года. — Въ Симферополѣ дожди и грязь. Картина разнообразится огромными транспортами, которые тянутся на волахъ, верблюдахъ и лошадяхъ съ разными потребностями для арміи. Здѣсь скучно, и въ Севастополѣ, право, лучше. Много есть тамъ забавнаго, и жаль, что нѣтъ талантливаго писателя, который представилъ бы юмористическія сцены, часто случающіяся, и остроумныя выходки нашихъ матросовъ. Мо-

ряки наши, отправляя службу на сухомъ пути, перенесли съ собою морскія выраженія, и по-своему называютъ вещи, которыя не встрѣчались на корабляхъ. Такъ напримѣръ, морской офицеръ, сядя на лошадь, чтобъ объѣхать бастионы, говоритъ матросу-штаб-мейстеру: «подержи трапъ (стремя), подай мордо-брасы (поводья).» Другой морякъ жалуется, что война вредитъ службѣ: «говоришь матросу: вымой палубу, а онъ просится на бастионы-съ. — Нѣтъ, любезный, пущу туда тѣхъ, кто заслужитъ это.»

Въ высшей степени поразителенъ на разсвѣтѣ тотъ моментъ, когда бастионы начинаютъ свой страшный разговоръ, и вы слышите одновременно благовѣсть къ заутрени и громъ пушекъ. Храмъ Господень, не смотря на ухищренія вражескія, невредимъ; все такъ же силенъ вѣрою и молитвами. Невольно священный трепетъ пробѣгаетъ по всему организму, и я не знаю, кто изъ бодрствующихъ въ Севастополѣ не молился бы въ это время. При закатѣ солнца каждый день услышите хоръ нашей военной музыки, и увидите

гуляющихъ на бульварѣ и тѣже отвратительныя бомбы и разноцвѣтныя гранаты. Корабли Черноморскіе величественны, и трудно вообразить себѣ что-либо изящнѣе «Константина», «Парижа» и «Храбраго». Но грустно моряку видѣть рядъ мелкихъ судовъ, стоящихъ въ южной бухтѣ, исполняющихъ должность мостовыхъ флашкоутовъ. Въ докахъ непріятельскія ядра оставили нѣсколько слѣдовъ. Въ докъ введенъ нашъ призь, «Первасъ-Бахри», которому уже сдѣлана новая обшивка. Библіотека пострадала немного. Одна бомба пробила полъ, и оборвала нѣсколько снастей у модели корабля «Двѣнадцать Апостоловъ». Клубъ обращенъ въ перевязочный пунктъ, и сюда стекаются носилки съ ранеными, и здѣсь невольно содрогаетесь при видѣ страданій. Недалеко оттуда, въ одномъ изъ зданій Екатерининскаго Дворца, устроена временная церковь, куда приносятъ убитыхъ. Когда я заходилъ туда, принесли морскихъ офицеровъ, Ралета и Болтина, пораженныхъ пулею въ грудь на вылетъ. Славная смерть!

21-го декабря 1854 года. Севастополь въ настоящее время сдѣлался болѣе или менѣе предметомъ разговора каждаго. Онъ обращаетъ на себя вниманіе всей Европы, или, точнѣе сказать, всего свѣта; всякое извѣстіе о немъ въ газетахъ или частныхъ письмахъ, читается повсюду съ живымъ и неподдѣльнымъ участіемъ, а потому я надѣюсь, что и мое некраснорѣчивое письмо не лишено будетъ благосклоннаго вниманія вашихъ читателей. Нездоровье мое прекратило на время переписку мою съ вами; теперь, оправившись отъ болѣзни, возобновляю ее. Сегодня, какъ вамъ извѣстно, сто двѣнадцатый день съ тѣхъ поръ, какъ непріятель ступилъ своей нечестивой ногою на нашъ священный Крымъ, и семьдесятъ седьмой день, какъ бомбардируетъ нашъ Севастополь; бомбардированіе, хотя теперь и стало гораздо слабѣе, но продолжается день и ночь. Признаюсь вамъ, что у меня крѣпко шумитъ въ головѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, свиста ядеръ, тресканья бомбъ и гранатъ и шума конгревовыхъ ракетъ; днемъ еще кое-какъ

сносно слушать эту трескотню, но ночью она дѣлается точно невыносимою; тутъ хочется спать, а бомбы и гранаты своимъ трескомъ не даютъ закрыть глазъ. Отъ лопающихся бомбъ, у меня перебиты почти все стекла; я попробовалъ-было вставить новыя, но не тутъ-то было; чрезъ нѣсколько часовъ онѣ снова разлетались въ дребезги, и я поневолѣ принужденъ былъ замѣнить ихъ толстою сахарною бумагою; крыша моего дома тоже осколками бомбъ вся пробита и похожа на рѣшето. Все эти неудобства дѣлаются ощутительнѣе во время холода и дождя, или когда нужно чѣмъ нибудь заняться, читать или писать. Письмо это пишу вамъ при свѣтѣ, среди бѣлаго дня. Сегодня мнѣ хочется рассказать вамъ кое-что о положеніи нашего города. Вопреки ложнымъ и хвастливымъ донесеніямъ Англо - Французскихъ главнокомандующихъ, вопреки громкимъ возгласамъ редакторовъ и корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, родной и дорогой сердцу нашему Севастополь не разрушенъ, а стоитъ непоколебимъ, съ помощью Всевышняго Со-

здателя. Въ то время, какъ вездѣ въ западной Европѣ только и разговору что о бомбардированіи Севастополя, о томъ, что онъ разрушенъ, сожженъ, жители его все разбѣжались, а гарнизонъ его весь побитъ, — мы, жители Севастополя, по милости Божіей, живемъ довольно спокойно въ своихъ домахъ, хотя отчасти и поврежденныхъ, и уповаемъ на Господа Бога и на Его чудотворную святую силу, видимо поднесъ укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ смертоносныхъ снарядовъ. Мы уже обстрѣлялись и прислушались къ треску и свисту ядеръ и бомбъ; намъ кажется, будто-бы это уже такъ должно быть, и минуты тишины намъ кажутся странными. Въ лавкахъ и магазинахъ все торгуютъ, гостиницы тоже все открыты, однимъ словомъ — все идетъ своимъ чередомъ. По вечерамъ, въ хорошую погоду, на новомъ бульварѣ, что у памятника Казарскаго, играетъ военная музыка; тамъ бываетъ много гуляющихъ, и оттуда открывается взору прекрасный видъ окрестныхъ горъ, гдѣ видны даже непріятельскій

лагерь, редуты и траншеи. — Въ понедѣльникъ, 6 декабря, въ высокаторжественный и священный для Православной Россіи день Тезоименитства Его Величества Государя Императора Николая Павловича, въ здѣшней Михайловской церкви, что близъ вновь строящагося Адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, совершены были соборно Божественная Литургія и благодарственное Господу Богу молебствіе, въ присутствіи Его Высокопреосвященства Митрополита Агаангела (по слабости здоровья не принимавшаго участія въ священнодѣйствіи), Его Свѣтлости Главнокомандующаго военными морскими и сухопутными силами, Князя Александра Сергѣевича Меншикова, Его Высокопревосходительства Генералъ - Адъютанта Барона Остенъ-Сакена, Его Превосходительства исправляющаго должность командира Севастопольскаго порта и военнаго губернатора, Вице-Адмирала Станюковича, и всѣхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ флота и арміи, и при многочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій. Мы все колѣнопре-

клоненно и единодушно возносили истинно-теплымъ молитвамъ ко Всевышнему Царю Царей, къ Богу Силь, Сильному во брани, да сохранить на многія лѣта въ невредимомъ здравіи Помазанника Своего, великаго и единаго въ подсолнечной Православнаго Государя Императора нашего Николая Павловича, въ настоящую годину нашего тяжкаго испытанія. По окончаніи молебствія, произнесено было соотвѣтствующее торжеству дня слово Священникомъ Севастопольскаго Адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, отцомъ Петромъ Еланскимъ. Вечеромъ, не смотря на то, что непріятель бросалъ въ городъ ядра, бомбы и гранаты, на новомъ бульварѣ было многолюдное гулянье, гдѣ играла военная роговая музыка; дамы долго прохаживались въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Нѣтъ словъ описать вамъ, съ какимъ самоотверженіемъ и храбростію моряки наши дерутся и отстаиваютъ близкій ихъ сердцу Севастополь. Во время самаго жаркаго боя, когда имъ предлагали смѣну съ орудій, они и слышать не хотѣли, говоря: «мы начали,

мы же и кончимъ, или умремъ.» Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, на перевязочномъ пунктѣ, когда, послѣ перевязки незначительныхъ ранъ, причиненныхъ осколками бомбъ, или послѣ вынутія изъ тѣла штуцерной пули, на совѣтъ медиковъ остаться для излеченія, они отвѣчали: «что мы будемъ напрасно тутъ лежать, когда мы еще въ состояніи управляться съ орудіями; мы рады стараться, и будемъ драться до послѣдней капли крови, а Севастополя непріятелю не выдадимъ; онъ его не увидитъ, какъ ушей своихъ.» Вотъ настоящій патриотизмъ, вотъ духъ Русскаго народа, не постигаемый иностранцами! Не могу удержаться отъ слезъ, видя этихъ храбрыхъ и неустрашимыхъ Христолюбивыхъ воиновъ, переносящихъ самыя страшныя и смертельныя раны, — и что же? вы не услышите ни одного стога, ни одного ропота, не увидите ни одной слезы. Благослови Господи это храброе войско, и подкрѣпи его мужество! Въ дѣлѣ большой вылазки изъ Севастополя, 24 октября, принимали блистательное участіе дорогіе Царю и Россіи Госу-

дари Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, встрѣчая хладнокровно всѣ опасности боя. Присутствіе ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и cadaго изъ нашихъ къ исполненію священнаго долга Царю и отечеству. Въ этотъ день Они посѣтили всѣ бастіоны и батареи, не смотря на то, что въ это время непріятель дѣйствовалъ со всѣхъ батарей сильнымъ огнемъ. Потомъ ежедневно посѣщали перевязочные пункты, утѣшали и щедро царственной рукой награждали раненыхъ. Англо-Французы поняли теперь, кажется, всю трудность предстоящей имъ задачи — овладѣть Севастополемъ, увидѣвши, съ какимъ упорствомъ онъ защищается; они оцѣнили стойкость и мѣткость стрѣльбы нашихъ матросовъ, и удивляются ей. Всѣ иностранныя газеты въ одинъ голосъ говорятъ, что «никогда еще осада крѣпости не была предпринимается съ такими огромными средствами, какъ нынѣ осада Севастополя: противъ этого города дѣйствуютъ разомъ двѣ арміи, — цвѣтъ арміи западной Европы, — съ двойнымъ комплектомъ самыхъ

грозныхъ разрушительныхъ средствъ, представляемыхъ новѣйшимъ искусствомъ и военною наукой, и при содѣйствіи никогда невиданныхъ еще на морѣ, въ такой массѣ, громадныхъ флотовъ.» И дѣйствительно, едва ли исторія древнихъ и новыхъ временъ можетъ представить годъ, который бы, во всѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ, могъ сравняться съ отходящимъ нынѣ въ вѣчность. Страшная буря взволновала западные народы, какъ волны океана, и всѣ силы, все оружіе запада обращено на Россію. Въ громкихъ рѣчахъ въ Парижѣ и Лондонѣ обѣщаютъ еще новыя, страшныя силы и средства, чтобъ разгромить и уничтожить нашъ Севастополь и нашъ Черноморскій флотъ, но настоящія силы наши—не въ нашей силѣ, а въ Божіей. Богъ укрѣпитъ насъ и далѣе; а потому, полагаясь на Божественное Провидѣніе и на энергическую преданность и стойкость нашихъ защитниковъ, будемъ спокойно, смиренно ожидать нападеній, которыми намъ угрожаютъ, и которыя, быть можетъ, возвѣщаютъ слишкомъ шумно, для того, чтобъ

очень насъ напугать. Одному Богу вѣдомо, каковъ будетъ конецъ,—будущее въ Его рукѣ. Кто могъ разгадать впередъ окончаніе 1812 года, а не даромъ, быть можетъ, замѣчено, что нынѣшніе наши враги въ этотъ самый день (2-го сентября) ступили печестивою и святотатственною пятой своей на нашъ благословенный Крымъ, въ какой нѣкогда предшественники ихъ вошли въ первопрестольную столицу. — У насъ бываютъ частыя ночныя вылазки. Одна изъ нихъ, въ ночи 30-го ноября, увѣнчалась замѣчательнымъ успѣхомъ. Охотники, отправившіеся къ Французской траншеѣ съ бастиона № 4-й, перекололи тамъ много непріятелей, взяли у нихъ три небольшія мортиры и много другаго оружія, и сверхъ того привели нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, офицеровъ и солдатъ. Но эта вылазка стоила и намъ не дешево: къ общему сожалѣнію, участвовавшій въ ней Лейтенантъ Батьяновъ былъ смертельно раненъ штуцерной пулей въ животъ, и, послѣ девятидневныхъ страданій, умеръ. Этотъ молодой человѣкъ, которому было

только двадцать лѣтъ отъ роду, подавалъ собою большія надежды, выказавъ на дѣлѣ неоднократно свою храбрость и неустрашимость, чѣмъ и пріобрѣлъ общее уваженіе, и обратилъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ. Миръ его праху! Ежедневно, именно ежедневно, передаются къ намъ по нѣсколь- ку человекъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ. Турки говорятъ, что Англичане заставляютъ ихъ работать какъ скотовъ, а кормятъ какъ собакъ; Французы и Англичане тоже жалуются на дурное содержаніе, а что будетъ съ ними, когда пойдетъ снѣгъ и наступятъ морозы? Всѣ плѣнные и добровольно передающіеся къ намъ въ одинъ голосъ говорятъ, что они считаютъ себя счастливыми, что попались въ наши руки. Они всѣ изнурены отъ работъ, холода и голода; чтобы только перейти къ намъ, они рискуютъ на всѣ возможныя опасности. Для примѣра скажу вамъ, что перебѣжчики съ французскихъ батарей и траншей, что у мыса Херсонеса, чтобы не попасться въ своей цѣпи, пускаются вплавь чрезъ Карантинную бухту; нѣ-

которые изъ нихъ, не умѣя плавать, тонутъ. Изъ всего этого ясно можно заключить, въ какомъ несчастномъ состояніи должна быть армія трехъ союзныхъ державъ, которую величаютъ цвѣтомъ западной Европы! — Расскажу вамъ еще, какимъ образомъ жители города Балаклавы избавились отъ плѣна. Расскажь этотъ заимствованъ мною изъ словъ бывшего пятнадцать дней у нихъ въ плѣну, Священника Балаклавскаго Греческаго пѣхотнаго баталіона, отца Антонія Аргириди, который, вмѣстѣ со всѣми жителями Балаклавы, освобожденъ и находится теперь въ Севастополѣ. По занятіи непріателемъ города Балаклавы, говорилъ мнѣ Священникъ, 14-го сентября вошли въ бухту нѣсколько военныхъ кораблей и пароходовъ; матросы немедленно съѣхали на берегъ и бросились по домамъ грабить и таскать все, что попало, на корабли; армія же стала рубить деревья и ломать дома, употребляя лѣсъ на вареніе пищи. Двѣ недѣли жители были сильно угнетаемы, лишившись всего своего достоянія. Утромъ 28 сентября, главнокоман-

дующій союзными войсками, Лордъ Рагланъ, призвалъ къ себѣ упомянутаго Священника отца Антонія, и съ видомъ гордымъ и сердитымъ сказалъ ему, на французскомъ языкѣ: «До слуха моего дошло, что вы что-то замышляете противъ насъ, и потому я долженъ принять военныя мѣры противъ васъ.» Священникъ отвѣчалъ ему по-французски: Ваше Высокопревосходительство, я не понимаю, что вы этимъ хотите сказать! — «Вы очень хорошо понимаете и должны мнѣ во всемъ сознаться, а не то....» — Объясните мнѣ, повторяю, въ чемъ дѣло, я рѣшительно ничего не понимаю.—«Не понимаете? а кто ведетъ чрезъ Комары Русскія войска, кто хочетъ сжечь здѣсь нашъ флотъ? Вы, Баллавскіе Греки!» — Помните, Ваше Высокопревосходительство, это такъ неправдоподобно, что противъ этого нѣтъ никакихъ и возраженій: вопервыхъ, Русскіе гораздо лучше насъ знаютъ всю здѣшнюю мѣстность, и слѣдовательно въ вожатыхъ не имѣютъ никакой надобности; а во вторыхъ, какими средствами мы можемъ сжечь вашъ флотъ?

—«Про то сами знаете, и я вамъ долженъ сказать, что за подобныя вещи, на основаніи военныхъ законовъ, вы подвергаетесь смертной казни.» — Наша жизнь въ вашихъ рукахъ, и если Вашему Высокопревосходительству угодно будетъ и безвинно насъ всѣхъ казнить, то мы, какъ беззащитные, не можемъ этому противиться. Если вамъ угодно, я соберу всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, и прикажу имъ приготовиться къ смерти,—и я первый, какъ Священникъ, согласенъ принять казнь; но не забудьте, что вы будете отвѣчать предъ Богомъ за невинно пролитую христіанскую кровь. Но сжальтесь, хотя надъ несчастными женщинами и малыми дѣтьми, которыя вотъ уже двѣ недѣли страдаютъ, лишившись всего своего достоянія и оставшись безъ крова и хлѣба. — «Я велю взять ихъ на корабли и отправить.» Подумавъ потомъ нѣсколько минутъ, Генераль сказалъ: «Нѣтъ! я полагаю, что лучше будетъ для насъ и для васъ, если вы все уйдете отсюда.» — Какъ мы уйдемъ и куда пойдёмъ отсюда? — «Вы мо-

жете идти, куда вамъ угодно!» — Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, мы подвергнемъ жизнь свою опасности, мы должны пройти Англійскія, Французскія и Турецкія цѣпи, мы должны скитаться по стенамъ и Татарскимъ деревнямъ; дайте намъ какую-нибудь помощь. — «Я не могу для васъ снаряжать особый конвой.» — Мы этого не просимъ, но дайте намъ какой-нибудь видъ. — «Я вамъ дамъ открытый листъ, по которому васъ никто не тронетъ и не задержитъ.» Сказавъ это, Генераль удалился въ кабинетъ, приказавъ адъютанту написать свидѣтельство. Черезъ четверть часа Лордъ Рагланъ вышелъ въ залу, далъ Священнику свернутый листъ бумаги, и сказалъ ему: «Вотъ вамъ это свидѣтельство, по которому вы можете смѣло идти куда вамъ угодно; васъ никто не тронетъ и не остановитъ; сроку вамъ даю полтора часа; соберите всѣхъ и уходите. Но если, по прошествіи означеннаго срока, кто-либо здѣсь окажется, то пусть не гнѣвается....» Сказавъ эти слова, онъ повернулся и ушелъ. Священникъ не-

медленно собралъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, числомъ до 200 душъ, и отправился съ ними пѣшкомъ. Двое сутокъ скитались они день и ночь по лѣсамъ, въ холодную и сырую погоду, не имѣя во рту ни крошки хлѣба, и безъ теплой одежды; наконецъ, на третьи сутки, они кое-какъ, полуживые отъ холода и голода, дошли до позицій нашихъ войскъ, а оттуда пришли въ Бахчисарай. Вотъ подвигъ представителей Европейской цивилизаціи! — Заклучу двумя словами о погодѣ. Январь самая пора снѣга и мороза, а у насъ зимы еще нѣтъ какъ нѣтъ. Мы до сихъ поръ гуляемъ по вечерамъ на бульварѣ, гдѣ играетъ хоръ военной музыки. — Термометръ показываетъ отъ 7-ми до 10-ти градусовъ тепла.

4-го января 1855 года. Новый годъ встрѣтили мы подъ гуломъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, но это не помѣшало намъ повеселиться по старому: насъ собралось нѣсколько человекъ, разумѣется холостыхъ,

затопили каминъ, поставили самоваръ и усѣлись вокругъ стола пить чай. На дворѣ было темно и шелъ небольшой снѣгъ; сѣверный вѣтеръ бушевалъ по улицамъ и завывалъ въ трубѣ на разные тоны; изрѣдка были слышны трескъ и взрывы гранатъ и бомбъ, но на это никто не обращалъ вниманія. Оживленный разговоръ не касался ни политики, ни бомбардированія города, нѣтъ! каждый изъ насъ рассказывалъ эпизоды изъ своей жизни, прерываемые по временамъ громкимъ смѣхомъ. . . Вдругъ надъ крышей дома, гдѣ мы находились, разорвало бомбу, осколки посыпались по крышѣ. — «Бомба!» воскликнулъ кто-то. — «Пропали она совсѣмъ!» отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. Намъ непривыкать къ нимъ: вотъ ужъ сегодня 87-й день, какъ насъ день и ночь бомбардируютъ, а мы, благодареніе Богу, живы. Окончивъ чай, мы вышли въ залу, гдѣ игралъ хоръ изъ пяти музыкантовъ. Такъ какъ общество наше было лишено присутствія дамъ, то, для усиленія удовольствія, распорядились послать за пѣсенниками, которыхъ и при-

соединили къ небольшому хору музыкантовъ. У всѣхъ насъ были отобраны часы, чтобъ мы не знали заблаговременно минуты наступленія Новаго года. Сѣли за столъ, поужинали и только-что встали, какъ вдругъ растворяются двери, и одинъ изъ собесѣдниковъ, сопровождаемый налитыми бокалами на подносѣ, громко говоритъ: «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, господа!» Каждый изъ насъ взялъ по бокалу, и раздался тостъ: «за здравіе Государя Императора нашего, Николая Павловича, ура!» Громкое ура съ акомпаниментомъ музыки было повторено разъ десять, и пѣсенники запѣли: «Съ новымъ годомъ, бѣлый Царь, съ новымъ счастьемъ Государь.» Потомъ слѣдовали тосты, одинъ за другимъ, за здравіе всего Царскаго Августѣйшаго Дома, за здравіе Главнокомандующаго въ нашемъ краю, Князя Александра Сергѣевича Меншикова, за здравіе Начальниковъ и защитниковъ города Севастополя, за здравіе Христолюбиваго и побѣдоноснаго воинства. Подъ конецъ кто-то изъ насъ произнесъ тостъ: «на

побѣду намъ, и на погибель врагамъ, ура!» и не успѣли мы еще окончить свои бокалы какъ слышимъ, открыли сильный батальный огонь изъ пушекъ и штуцеровъ, и кричатъ: ура! Мы всѣ опрометью бросились на дворъ: блескъ отъ выстрѣловъ озарилъ все вокругъ, бомбы по всѣмъ направленіямъ летали и разсѣкали воздухъ, какъ метеоры, трескъ и взрывы раздавались повсюду. Мы цѣлый часъ простояли на дворѣ, и кого ни спрашивали, ни отъ кого не могли добиться, въ чемъ дѣло. «Пойдемъ-те въ комнату, сказала одинъ изъ насъ: завтра все узнаемъ: это, вѣрно, вылазка нашихъ охотниковъ.» Мы вошли въ комнату, и продолжали себѣ стрѣлять пробками подъ звуки музыки до утра. Утромъ мы узнали, что это дѣйствительно была вылазка нашихъ охотниковъ, матросовъ, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: привели человѣкъ 20 плѣнныхъ Англо-Французовъ и множество въ траншеяхъ перекололи.

Вотъ какъ мы встрѣтили Новый годъ и проводили старый. Мы не имѣемъ возможности посѣщать театръ и балы, мы лишены

этого удовольствія: театръ нашъ, находящійся подъ выстрѣлами, разбитъ непріятельскими ядрами и бомбами, въ зданіи благороднаго собранія помѣщается главный перевязочный пунктъ. До 1-го января, когда еще погода благопріятствовала, мы наслаждались удовольствіемъ, слушать на новомъ бульварѣ военную музыку; теперь, когда пошелъ снѣгъ, катаемся на саняхъ. Съ полуночи сегодня подулъ сильный вѣтеръ съ мятелью; снѣгу навалило въ городѣ на полъ-аршина, а въ степи болѣе чѣмъ на аршинъ, при 6° мороза по Р.; въ степи должно быть гораздо холоднѣе. — Какъ вытерпятъ это Англо-Французы, которые жаловались на холодъ и стали перебѣгать, когда еще не было снѣгу и мороза? Ежедневно, въ полномъ смыслѣ этого слова, они перебѣгаютъ къ намъ десятками, тощѣ, и всѣ почти страдаютъ диссентеріей. Есть надежда, теперь станутъ передаваться сотнями.

23-го января 1855 года. Вчера, въ 8^{1/2} часовъ вечера, послѣдовалъ, по милости Божіей, весьма искусно произведенный подземный взрывъ въ нашей контръ-минѣ, предназначенный для поврежденія непріятельскихъ подкоповъ. Нашъ атакованный бастионъ окруженъ въ настоящее время 22-мя минными рукавами, не считая отраслей, а потому, когда французская мина приблизилась по направленію на капиталъ бастиона, работы въ ближайшихъ рукавахъ были прекращены и, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ заложенъ былъ зарядъ изъ 12 пудовъ пороха. Непріятель, слыша работу въ отдаленныхъ рукавахъ, шелъ смѣло впередъ своею миною, не подозрѣвая того, что мы находимся такъ близко. Давъ ему пройти впередъ на сажень отъ заряда, произведенъ былъ этотъ взрывъ, отъ котораго земля надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ порохъ, поднялась шарообразно аршина на три вверхъ и аршинъ на шесть въ поперечникъ, и мгновенно опустилась. Вслѣдъ за страшнымъ подземнымъ гуломъ, изъ не-

пріятельской траншеи (вѣроятно изъ колодца) показалось пламя; надъ землею же не видно было ни дыма, ни пламени. Трудно представить себѣ что либо удачнѣе въ этомъ родѣ. — Поборникъ правыхъ сердець благословилъ наше дѣло. Слава Ему!

30-го января. Послѣ блестящаго предпріятія 22-го ч., Господь благословилъ наши минныя работы еще двумя событіями. 26-го ч., въ пять часовъ вечера, изъ ближайшей французской траншеи показались два Француза, сняли шапки и поклонились. Послѣ того, въ 5^{1/2} час. вечера, они зажгли свой камуфлетъ, положенный въ 12-ти сажняхъ отъ бывшего нашего заряда. Но взрывъ, образовавъ сверху небольшую воронку, пошелъ назадъ, — и мгновенно изъ ихъ траншейнаго колодца показались дымъ и пламя; слѣдовательно, Французы работали во вредъ своей галлерей. Это зрѣлище вызвало громкія «фора» нашихъ минеровъ изъ

рва бастиона. Тотчасъ послѣ этого французская воронка занята и коронована была нашими штуцерными и минерами, и на томъ самомъ мѣстѣ, въ продолженіе всего дня 27-го ч. и послѣдовавшей за тѣмъ ночи, очищенъ былъ колодезь, и заложенъ въ немъ зарядъ изъ девяти пудовъ пороха, взорванный 28-го ч., въ шесть часовъ утра. Назначеніе его было достигнуто вполне, потому что вся французская траншея мгновенно объята была пламенемъ и густыми клубами дыма. Этотъ новый ударъ привѣтствованъ былъ повторенными кликами «ура! пожаръ въ непріятельской траншеѣ!» нашихъ минеровъ. Благословеніе промысла надъ нами очевидно! Честь Тотлебену и Инженеръ-Штабсъ-Капитану Мельникову! Этотъ достойный инженеръ, котораго прозвали «оберъ-кротъ», живетъ уже третій мѣсяцъ подъ землею, а Тотлебенъ—чудо! Нельзя не согласиться послѣ этого, что минная часть едва ли не доведена у насъ до высшаго совершенства, чѣмъ во всѣхъ прочихъ Европейскихъ государствахъ.

Севастополь нынѣшній и Севастополь прошедшій представляютъ намъ два различные характера. Правда, городская гавань и теперь кипитъ дѣятельностью и теперь движутся пароходы, снуютъ лодки и гички, бороздя синія волны: торговый людъ по прежнему торопится сбыть свой дневной товаръ. Но вы не встрѣтите уже ни милыхъ вамъ дамъ, ни услужливыхъ кавалеровъ, ни веселыхъ вечеровъ, гдѣ морякъ послѣ полу-годоваго скитанія по невѣрной стихіи, ищетъ отдохновенія въ кругу своей семьи, среди роднаго его сердцу Севастополя. За то воинскій видъ и духъ, какое-то вдохновенное геройство и отвага замѣнили эту непривычную нѣгу, какою убаюкивалъ себя въ своей тѣсной каютѣ нашъ добрый морякъ. Дѣятельность внутренней жизни приняла иные размѣры и образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, настала минута рѣшительной борьбы, когда сынъ моря, сражающійся съ стихіею и случаемъ, долженъ вмѣстѣ быть и стражемъ завѣтныхъ береговъ родной земли, гдѣ судьба хранила и

лелѣяла столько милаго его сердцу.

И морякъ нашъ понялъ это вполнѣ: вы увидите его роющагося въ землѣ, чтобы водвигнуть оборонительныя стѣны для своихъ батарей; онъ же носить землю изъ-подъ носа непріятеля; въ присутствіи его же онъ ставитъ свои громкія пушки и угощаетъ ими твердыхъ союзниковъ, но безъ хвастовства и крика: все это у него такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь его, вся отданная за Вѣру и Отечество.

Увидѣвъ городъ, я не хотѣлъ вѣрить ни его бомбардированію, ни его осадѣ. Съ графской пристани онъ весь развертывается передъ вами тѣмъ же величественнымъ амфитеатромъ; направо Николаевскія казармы длиннымъ полукругомъ, а отъ нихъ и дома и улицы, и по набережной и по горѣ, гдѣ почти не видно поврежденій. И если бы не куча бомбъ и ядеръ у самой пристани, да не отдаленный глухой гулъ выстрѣловъ, я почелъ бы все это за обманъ и причаливалъ бы къ Севастополю съ прежнимъ трепет-

нымъ чувствомъ, съ какою-то знакомою боязнію ожиданія... Но напрасно: взобравшись по темной, кремнистой улицѣ къ завѣтному домику, я нашелъ его опустѣлымъ; привратникъ, старый наваринскій ветеранъ, ничего не могъ сказать мнѣ опредѣлительнаго, и я остался съ одними воспоминаніями о памятномъ быломъ. На великолѣпной возвышенной мѣстности городская публичная бібліотека совершенно уцѣлѣла, на-зло непріятельскимъ выстрѣламъ, какъ память о томъ, кто былъ ея строителемъ. Покойный Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, такъ много заботившійся о Черноморскомъ флотѣ, не думалъ о томъ памятникѣ, который онъ живо себѣ воздвигаетъ; а между тѣмъ все на каждомъ шагу полно напоминаній о немъ. Севастополь — его созданіе, любимое дитя, о которомъ были его послѣднія слова и молитвы.

Сойдя съ горы и направившись къ 4-му бастиону, я только здѣсь увидѣлъ, что слободка Артиллерійская и Корабельная сильно потерпѣли отъ бомбардировки; въ послѣдней

изъ нихъ остались, безъ крова и дверей, одни обгорѣлыя зданія, которыя рисовались какими-то фантастическими фигурами, то звѣриными норами, то рыцарями безъ головы, то наконецъ нескончаемыми зубцами, будто бойницы и башни, воздвигнутыя случайно, и изсѣченные временемъ на кремнистыхъ окраинахъ горъ. У театра я остановилъ свою лошадь, и едва прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ штуцерная пуля прострѣлила руку моему вожатому. Пройдя довольно далеко по открытой мѣстности, я вошелъ въ закрытую галерею, ведущую къ этому бастіону, и былъ пораженъ находчивостью русскаго солдата. Избушекъ тамъ безконечно много со стеклами и дверями, будто на постоянное жительство. Не смотря на опасность, дѣти беззаботно играютъ тутъ у порога, и весь міръ домашній тутъ же, и пѣтухъ, и собака, и кошка, и все это расхаживаетъ какъ у себя дома. На 4-мъ бастіонѣ, или вѣрнѣе подъ 4-мъ бастіономъ я былъ встрѣченъ его доблестнымъ стражемъ и строителемъ, Инженеръ-Штабсъ-

Капитаномъ Мельниковымъ, у котораго долго просидѣлъ въ его подземельной кельѣ. Отсюда-то растилаются нескончаемые рукава минъ, которые столько разъ останавливали покушенія непріятеля.

На Малаховомъ курганѣ огонь былъ такъ силенъ, что я долженъ былъ ускорить шаги, и любовался нашими молодцами: они носили то фашину, то камень, не наклоняясь подъ картечью и ядрами, которыя разрывались и лопались вокругъ. Здѣсь просилъ я показать мнѣ мѣсто, гдѣ роковое ядро унесло отъ насъ нашего славнаго Адмирала Корнилова, увѣковѣча его имя въ рядахъ храбрыхъ, но указывать мѣста не нужно было: я уже подходилъ къ нему. Простой крестъ, сложенный изъ камней, отмѣтилъ потомству 5-е октября, день незабвенной потери, а батарея наименовалась «Корниловскою», чтобы однимъ именемъ внушать страхъ врагамъ, и напомнить ветерану-воину ту трудную годину войны, когда малое число ограждалось силою духа, и когда вожди гибли какъ простые воины, съ однимъ крикомъ «ура!», съ

единою мыслию о благѣ отечества. Но новая страница нашей исторіи не кончена; громкая слава впишетъ еще не одно имя въ свои скрижали. Нахимова укажутъ дѣтямъ и правнучкамъ, какъ рѣдкій примѣръ мужества, и Наваринскій герой подастъ руку Синопскому побѣдителю. Истомины, Тотлебены долго и отраднo будутъ живы въ Русскомъ сердцѣ. За ними послѣдуетъ новый рядъ именъ и подвиговъ чести, уже свершенныхъ и совершающихся.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Унтеръ - офицеръ Горошкинъ	4.
Донскіе казаки	8.
Часовой въ Петропавловскѣ	10.
Истребленіе англійскаго транспорта Куллодень близъ Евпаторіи	44.
Черты необыкновеннаго мужества и рѣдкаго самоотверженія русскихъ войскъ въ Севас- тополь	24.
Подвигъ Донцевъ въ Крыму	34.
А! землякъ	36.
Матросъ Кошка	36.
А я подожду доктора, да вмѣсто микстуры по- прошу чарку вина	41.
Экъ бисъ васъ возьми, да що же вы въ самомъ дили ко мнѣ привызались!	42.
Какъ это тебя угораздило	43.
Вотъ тебѣ, братишка, мое ружье, троихъ Ту- рокъ имъ свалилъ	45.
Эй братъ, Турокъ, не хочешь ли ты вотъ цыг- ка, а пушку-то намъ оставь	—

Онъ хуже меня ранень	46.
Благородное безкорыстіе двухъ крестьянокъ . .	—
Постараемся замѣнить	50.
Лѣвая рука еще дѣйствуетъ	—
Бѣда	51.
Басурманская пуля боится креста	—
Барабанщикъ	52.
Госпитальные толки	—
Другой разговоръ	56.
Вамъ пригодится на черный день	58.
Вишь еще до сраженія струсилъ, что по во- робьямъ стрѣляетъ	—
Князь Тархановъ	59.
Садись, ваше высокоблагородіе, вы нужнѣе меня	60.
Пуля дура, а штыкъ молодець	—
Хороши красноголовые! въ трехъ шагахъ цѣ- лилъ мнѣ въ грудь, а попалъ въ ногу . .	61.
Отомстите братцы за меня; а я раздѣляюсь съ ними послѣ!	63.
Мы картечью проберемъ для васъ дорожку по- шире	—
Завидная смерть	64.
Искалъ и нашель	66.
Легкая рана	68.
Ампутація	69.
Для чего понадобилась перевязка	70.
Послѣдній выстрѣлъ	71.
Защитники знамени	72.
Завтракъ съ врагомъ	73.
Что рана, что контузія?	—

Послѣднее ура	74.
Держи, держи, это моя!	75.
Нѣтъ вамъ, друзья, пощады!	77.
Тамъ не до закуски	76.
Знаю, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ	79.
Неловокъ братъ!	80.
Ну, коли не хочешь въ плѣнь, такъ вставай, посмотримъ, чья возьметъ	81.
Я и самъ себя перевяжу	82.
Хорошо братцы загнали въ Дунай: въ другой разъ такой потѣхи не дождешься	84.
Рядовой Семень Коваленко	85.
На перевязку не пойду	86.
Авось нехристи вылезутъ изъ своей трущобы .	—
Промаха не дамъ	87.
Стрѣлокъ Степанъ Толстокоровъ	88.
Стрѣлокъ Василій Наумовъ	89.
Молодецъ племяша	—
Рядовой Матвѣй Темный	90.
Знатно попадаетъ	91.
Теперь хоть и на перевязку	92.
Пусть знаетъ, что мы христіане	93.
Юнкера: Князь Андрониковъ и Гогіевъ	—
Кадыктарскія высоты	94.
Два брата Грицай	97.
Поручикъ Калакуцкій	98.
Прапорщикъ Доманскій	—
Прапорщикъ Кудрявцевъ	99.
Бой при Чегати	—
Унтеръ-офицеръ Ананьевъ и рядовой Васильевъ	102.

Подвиги при д. Фонтынъ Банулай	403.
Подвигъ приказнаго Разстригина	405.
При Кюрюкь-Дара	412.
Въ дѣлѣ подѣ Журжею	415.
Смерть на пушкѣ	416.
Единобсрство.	417.
На Кадыкіоскихъ высотахъ	418.
При осадѣ Силистріи	421.
Казаки 14 іюня 1854 г.	428.
Фельдфебель Богдановъ	431.
Фейерверкеръ Илья Михайловъ	432.
Линѣецъ казакъ	433.
Штабсъ-Капитанъ Аксамитный	435.
Спасибо товарищи	438.
Примѣры храбрости въ Журжинскомъ отрядѣ 25 іюня 1854 г.	440.
Подвиги морскихъ чиновъ въ Севастополь.	447.
Правдивое слово	469.
Подвигъ особенной храбрости	476.
Казакъ Ермилъ Шмаревъ	480.
Наши казаки въ гостяхъ у Турецкаго Мушира	489.
О подвигахъ Донцевъ въ Крыму	497.
Нѣсколько случаевъ изъ жизни защитниковъ Севастополя	498.
Въ дѣлѣ 4 Августа при р. Черной	208.
Малолѣтній Севастопольскій сирота Николай Пищенко	213.
Нѣсколько случаевъ изъ Севастополя.	214.
Письма изъ Крыма и Севастополя отъ 4 Мая 1854 до 30 января 1855 годовъ	449.